

Альманах

of 23 ja

Семейка: Литературно-художественный альманах, вып. 23

Составитель: В.М. Авцен

WIRmachenDRUCK GmbH (DE), 2025. – 304 стр.

*«Семейка» – альманах для взрослых
и детей, из которых, собственно,
и состоит этот мир...*

© Авцен В.М., составление

© Лозенко В.И., обложка

© Маша Лавринюк, рисунки обложки

ISSN 1862 - 7781

*Литературно-художественный
альманах*

Семейка



выпуск двадцать третий

*Вупперталь
2025*

Благодарим за поддержку:

Herzlichen Dank für Ihre Unterstützung:



*Уважаемые читатели,
взрослые и маленькие!*

Каждый новый выпуск альманаха, так или иначе, несёт на себе отголоски времени и отражает события жизни его составителя, то есть моей... Последнее время я много занимался переводами, отсюда большое внимание к ним в этом номере. Заметил, что в 23 «Семейке» много меня. Накопилось, за 2 года, однако. Своя рука, конечно, владыка, но обязуюсь в следующем, 24 номере, быть скромнее!

Содержание выпуска диктует также портфель «Семейки», а иногда кто-то вместе с собой «приводит» на страницы альманаха своих любимых авторов. Так, благодаря поэту и клоуну Юрию Косинцеву вы познакомитесь с творчеством ещё двух цирковых.

В прошлом 2024 году исполнилось 20 лет со дня выхода первого номера «Семейки», но из-за нездоровья я отложил работу над альманахом. Давайте условимся считать 23 выпуск юбилейным...

Как всегда разнообразна география авторов: Германия, Израиль, Россия, Украина, Абхазия...

Один из непростых для меня вопросов – каким поэтом открыть альманах, чтобы у читателя появилось неодолимое желание прочитать не только его стихи, но и весь сборник? В связи с юбилейностью этой «Семейки» я надумал здесь процитировать некоторых моих любимых открывателей предыдущих номеров. Да простят меня все неназванные...

Анна ФИШЕЛЕВА
(Харьков, 1923-2001)

* * *

*Восходит ввысь единственная нота.
Вы слышите? Над полем вековым
Нам души заворачивает кто-то
Позёмкой острой, ветром низовым.*

*Мой Бедный, Всеблагой и Вездесущий!
Тебя постигла неудача. Да.
Ты этой болью, вяжущей, сосущей
Меня к себе приклеил навсегда.*

*Не разогнёшь невидимую спину.
А то, что Ты бессилен – бог с Тобой.
Не бойся, Бог! Тебя я не покину
В твоей холодной яме голубой.*

Ольга БЕШЕНКОВСКАЯ
(Штутгарт, 1947-2006)

* * *

*По небу ангелы бегали
и оставляли следы,
лёгкие, розово-белые,
тоньше морозной слюды.
Яркое солнце ноябрьское
тихо за крыши скользя,
было похоже на яблоко,
так, что банальней нельзя.
Вот ведь какая идилия,
если о жизни всерьёз.
Кремль, и Рейхстаг, и Бастилия
ниже, чем уровень слёз...*

Риталий ЗАСЛАВСКИЙ
(Киев, 1928-2004)

* * *

*Вдруг захотелось написать сонет.
Классический. По форме и по смыслу.
И строфижку испытанно расчислив,
свести пустую выдумку на нет.*

*Сердился Первомайский: – Уж от вас
не ожидал искусственности этой!
Зачем вам ну, скажите мне, сонеты?
Не можете и вы без выкрутас!*

*И что-то там насчёт галиматши...
Я соглашался. Но, как ни крути,
так захотелось написать – и кфышка.*

*И я писал. И, сути вопреки,
выстраивалась логика строки,
и я сиял, и рад был, как мальчишка.*

Павел ШАДУР
(Донецк, 1913-1999)

* * *

*Когда нас женщины бросают,
Над нами звезды угасают,
Темнеет ясный лик луны,
Хоть мы не ведаем вины.
Они уходят в час заката
Искать, быть может, нас в других,
Какими были мы когда-то...
Не останавливайте их!*

Борис ЧИЧИБАБИН
(Харьков, 1923-1994)

* * *

*Я почуял беду и проснулся от горя и смуты,
и заплакал о тех, перед кем в неизвестном долгу, –
и не знаю, как быть, и как годы проходят минуты...
Ах, родные, родные, ну чем я вам всем помогу?*

*Хоть бы чуда занять у певучих и влюбчивых клавиш,
но не помнит уроков дурная моя голова,
а слова – мы ж не дети, – словами беды не убавишь,
больше тысячи лет, как не Бог нам диктует слова.*

*О как мучает мозг бытия неразумного скрежет,
как смертельно сосёт пустота вседержавных высот.
Век растленен и зол. И ничто на земле не утешит.
Бог не дрогнет на зов. И ничто в небесах не спасёт.*

*И меня обижали – безвинно, взахлеб, не однажды,
и в моём черепке всем скорбям чернота возжена,
но дано вместо счастья мученье таинственной жажды,
и прозренье берёз, и склонённых небес тишина.*

*И спасибо животным, деревьям, цветам и колосьям,
и смиренному Баху, чтоб нам через тернии за ним, –
и прощенье врагам, не затем, чтобы сладко спалось им,
а чтоб стать хоть на миг нам свободней и легче самим.*

*Ещё могут сто раз на позор и на ужас обречь нас,
но, чтоб крохотный светик в потёмках сердец не потух,
нам даёт свой венок – ничего не поделаешь – Вечность
и всё дальше ведёт – ничего не поделаешь – Дух.*

*Анатолий АВРУТИН
(Минск)*

** * **

*«...Но жизненные органы задемы...
Да и раненья слишком глубоки...»
Своею кровью русские поэты
Оправдывали праведность строки.*

*А как еще?.. Шептались бы: «Повеса,
Строчил стишки... Не майтесь ерундой...» –
Когда бы Пушкин застрелил Дантеса
У Черной речки, в полдень роковой.*

*И правда, как?.. Всё было бы иначе...
Попробуйте представить «на чуть-чуть»,
Что Лермонтов всадил свинец горячий
В марьыновскую подленькую грудь.*

*И дамы восклицали бы: «О, Боже...
Да он – убийца... Слава-то не та...»
Но ведь поэт убийцей быть не может,
Как не бывает грязью чистота.*

*Любима жизнь... И женщина любима...
В строке спасенья ищет человек...
И Лермонтов опять стреляет мимо...
И снова Пушкин падает на снег...*

*23 номер «Семейки» открывает наш постоянный автор, поэт, прозаик, переводчик Сергей Зубков, представленный во всех этих жанрах.
С уважением,*

Составитель

Стихи



и проза

Сергей ЗУБКОВ

Хайдельберг

Жёлтый лист с зелёной бахромой

отгуляв я шёл уже домой
исполняя соло променада
жёлтый лист с зелёной бахромой
на меня спикировал из сада

я такого раньше не встречал
и представить даже не пытался
он изящно под ноги упал
и последней каплей оказался

значит сыт я этой кутерьмой
и волненьем жизни за кормою
слушай отпусти меня домой
жёлтый лист с зелёной бахромою

надоело весело менять
глупые желанья на свободу
то девчонок жарко обнимать
то бросаться в ледяную воду

то блатные песни хрипло петь
пить вино глотками молодыми
мне уже не хочется гореть
и за правду корчиться на дыбе

посмотри я стал совсем другой
исполняя соло променада
жёлтый лист с зелёной бахромой
больше не лети ко мне не надо

Женщина ждущая нежности

всем кто живёт в безмятежности
нужно запомнить одно
женщина ждущая нежности
то что нам свыше дано

дело совсем не во внешности
или каких-то деньгах
женщина ждущая нежности
наш охраняет очаг

мы убегаем в поспешности
но всё равно каждый раз
женщина ждущая нежности
смотрит с любовью на нас

под молчаливостью вечности
ждём что однажды простит
женщина ждущая нежности
та что под боком грустит



Мне плохо без Вани и Коли

мне мама призналась когда-то,
что был в её жизни аборт
и два моих будущих брата,
отправлены были за борт.

они не увидят салюта,
не смогут играть в чехарду
им станет последним приютом
пакетик в больничном саду.

я маму свою не ругаю
(мне право на то не дано),
по комнате ночью шагаю,
себе представляя одно

что живы и Ваня, и Коля
(такие у них имена)
и их молодые приколы,
от грусти спасают меня.

идём по зелёной аллее:
я – в центре, они – по краям.
два брата – всегда веселее...
чем сам.

* * *

Покрывшись трёхдневной щетиной
Снимаю малину в саду
Хочу оставаться мужчиной
Но видно уже не могу

Я был строевым офицером
Я цели успешно сбивал
Тряслись у меня под прицелом
Все те кто с катушек слетал

Все те кто задумывал что-то
Все те кто страну не любил
Мне нравилась эта работа
Я Родине честно служил

Потом моя жизнь продолжалась
И было почти как у всех
И новые браки и радость
От новых любовных утех

И новые дети конечно
Да как же прожить без детей
Ведь это вложение в вечность
А вечность всегда без затей

Хочу оставаться мужчиной
Готовя себя к январю
Добавлю фейхоа в малину
И детям варенья сварю

Бабушки, дедушки и девушки моей жизни

БАБУШКА ИЗ ФЕОДОСИИ

Феодосия, родной город... Просто стою посреди площади и просто пью «из горла» коньяк «Крым». Хочется делать добро, а некому... На ступеньках крыльца какой-то фирмы, которая уже закрылась, сидят две женщины: молодая и среднего возраста. Огурцы, кабачки, молоко в банках, яйца. Купил пару огурцов – заедаю коньяк. Разговорились. Своё хозяйство, дети, мужчин – нет. Старший – сгорел от водки, младший – сидит, а выйдет – «обратно не пустим». Предлагаю выкупить у них всё – не соглашаются: только, если заберу с собой.

– А вот бабулька идёт из этого двора: купите ей.

Спрашиваю бабушку:

– Возьмёте что-нибудь из этого бесплатно?

– Я возьму один кабачок, спасибо.

– Возьмите ещё огурцы, молоко, яйца...

– Нет, молодой человек, еще раз вам спасибо... Во-первых, не донесу, а во-вторых, это нарушает... закон распределения справедливости.

– Вы случайно не профессор?

– Я не знаю, как это сейчас называется. В 1939 (!) спроектировала, а в 1941 в Киеве построила и была главным инженером одного завода по производству лекарств. Думаю, что мы все фронты снабжали...Всю Советскую Армию. На максимальную мощность вышли уже через два месяца... аккуратно, к приходу немцев.

– А награды у вас есть?

– Были награды... 10 лет получила... Хорошо хоть 10...

– За что?!!

Смотрит на меня внимательно.

– За поддержание завода в рабочем состоянии после сдачи города. При немцах же тоже работать пришлось... оборудование там было немецкое... они его берегли, и мы тоже...

– А дальше как ваша жизнь сложилась?

– Сами понимаете: муж, маленькие дети... им же нужно было жить... после моего освобождения мы виделись, но очень ред-

ко... А теперь уже и нет их никого... Завод, вот что было главное... довела я его до ума... Завода мне жалко...

И, посмотрев на меня извинительно, пошла медленно дальше... Ушла героиня, имя которой я так и не сообразил спросить. Её история затянула меня в себя, как затягивает в мощный омут никому ненужного слепого котёнка. Так обручи, выкованные на старом, надёжном горне умелым кузнецом, охватывают смертельной хваткой бочку, которой предписано служить ещё лет 300. Вокруг сновали разные люди, а мои хмель и самодовольство куда-то улетучились, когда я попробовал примерить её судьбу на себя.

А ведь из таких женщин, теперь бабушек, из таких ковано-стальных обручей и состояла оборона нашей несчастной и счастливой страны...

ЭЙХМАН¹

Сахалин, 1978 год. Я – молодой лейтенант, и солдаты пытаются воспользоваться моей неопытностью. Он – серьёзный. Сержант. Немец. Помогает. Через некоторое время он уволился, и служить стало много тяжелее. 30 лет спустя нашёл его на «Одноклассниках». Вспомнил меня.

Рассказывает о себе: после демобилизации женился, работал комбайнёром, потерял руку, построил дом, выехал в Германию, построил дом, дочь вышла замуж, построил ей дом, сын женился, построил сыну дом. Спрашиваю:

– А как ты одной рукой обходишься?

– Просто делаю потихоньку...

Вот так, потихоньку, четыре дома построил. Работает реставратором. Реставрирует старые немецкие кирпичи. Живём рядом, в 70 км друг от друга. Звал очень радушно в гости.

А я почему-то не еду...

¹ Эйхман (нем.) – человек-дуб (в другом значении – эталонный человек, образец).

ПОЦЕЛУЙ С ЕГО ПОЗВОЛЕНИЯ

Первая любовь – недолюбленная, не имеющая логического продолжения-завершения – остаётся с нами на всю жизнь самым трепетным чувством.

Поэт Надежда Бесфамильная о рассказе «Поцелуй с ЕГО позволения».

Какого чёрта попёрся он, интеллигентный, домашний мальчик в военное училище?

Нет бы поступить, как все его соплеменники, в медицинский или, на крайний случай, в строительный. Так нет же: рвался с закрытыми глазами туда «где в бой готовят офицеров». Он делал это наперекор уготованной судьбе, выстраивая свою собственную, бесшабашно-удалую, но под присмотром армейской дисциплины, жизнь. Физические тяготы военной жизни Сергей, на удивление, переносил достаточно легко. Видимо, у таких как он, организм мгновенно адаптируется к новым условиям и продолжает функционировать дальше уже на автопилоте. Страшнее было другое: отношения с сержантами не заладились с первого дня, и он сразу же почувствовал это на собственной шкуре. «Все, кто имеет наряды на работу, и Зубков, подойти к доске документации», – гремел каждый раз после отбоя, голос старшины Струкачёва. Это означало только одно: ему приходилось теперь работать каждую ночь. Но, работая голыми руками с отходами человеческой деятельности, Сергей убедился, что это не так уж и противно, а через некоторое время даже начал получать удовольствие от того, что туалет после его уборки блестит чистотой. А что же душа? Душа была где-то глубоко внутри, сморщенная, как мошонка в ледяной воде. Но там, в этой тёмной и холодной глубине, всегда горел аленький цветочек тёплой памяти о Ней.

Из какого опыта предков, воспитания, культуры, индивидуальных особенностей складывается образ «той един-

ственной», который несём мы затем через всю свою жизнь, в светлом ореоле богоравенства и чистоты? Холодный зимний вечер 10 января 1975 года. Самоподготовка с 17.00 до 20.00. Все курсанты сидят и, полусонно уткнувшись в конспекты, отчаянно ждут команды «строиться на ужин». А ведь сегодня – особенный день! Сегодня у Кати-Катеньки-Катюши – день рождения! Сергею очень хочется быть там, сказать ей... Хотя, о чём тут можно говорить? Он и сам ещё толком не знает. Всё это нужно будет понять самому, а потом уже подбирать необходимые слова... или слово.

Да, хотеть, конечно, не вредно: ситуация-то безвыходная. В город отпускают только по выходным и только 25 процентов от общей численности. Кроме того, сегодня обычный рабочий день, а увольнение в такие дни вообще не предусмотрено. Судьба уже один раз надолго отнимала её, когда родители переехали в Феодосию, и он два года Катю не видел, хотя знал, конечно, через друзей, что и как... Но теперь они снова были в одном городе, и до крика хотелось видеть её каждый день, вдохнуть запах волос, просто тихонько прижать к себе, чтобы больше никогда не выпускать. Сергей, раньше никогда не обращавшийся к Богу, сидел и, с сосредоточенным видом листая конспект по партийно-политической работе, мысленно повторял: «Господи, просто сделай чудо, Господи, просто сделай...»

– Посыльный за подполковником Стифатовым! – неожиданно прогремел голос дневального из коридора.

Не может этого быть?! Ведь посыльных за этим подполковником всего двое: он, курсант Сергей Зубков, и Юра Куренинов, который сидит рядом и с мечтательным выражением лица вспоминает, наверное, родной хутор в Краснодарском крае, где у него в яблоневом саду установлен турник, на котором безо всякого тренера он научился выделывать такие штуки, что его можно было хоть сейчас брать в олимпийскую сборную СССР по спортивной гимнастике.

Они посмотрели друг на друга, и Юрий сразу понял, что пойдёт Сергей, а не он. Во-первых, скоро ужин... и, если сей-

час поехать в чужой ночной город, то через пару часов об ужине можно уже и не мечтать. А если уступить, то Сергей обязательно заедет домой и привезёт дополнительно к ужину что-нибудь вкусненькое. А, во-вторых... «торг здесь неуместен», как сказал бы известный герой Ильфа и Петрова.

Обязанности у посыльного простые: взять у дежурного по батарее круглосуточный пропуск, надеть по уставу в походное положение противогаз и срочно ехать к этому самому подполковнику домой с сообщением о том, что его вызывают в штаб училища. Час – туда, час – обратно. Теперь главное – не ошибаться. Как поступают опытные солдаты в бою? Ни одного лишнего действия: берём «тачку» и едем домой за подарком, который заблаговременно куплен... не забываем взять продукты для товарищей по несчастью... затем – вызов подполковника: это уже на другой конец города... и, наконец, на сэкономленные 15 минут, туда, к ней, где Она отмечает сегодня свой девятнадцатый день рождения.

Подъехали к дому, постучал, впустили, кто открыл – не помнит, вручил подарок (был такой букет из блестящих шаров, пружинящих на проволочках) и тут – неожиданно – гаснет свет во всём доме. Гаснет свет, и наш герой получает от своей Богини такую долгожданную награду – прикосновение губами. Теперь, через 34 года, он верит, что это был поцелуй: Поцелуй Благодарности и Грусти, Поцелуй Расставания, Поцелуй Прощения и Поцелуй-Просьба о Прощении за всё, что уже никогда с ними не произойдёт. А застолье, заполненное её новыми друзьями и сокурсниками, уже дружно скандирует «Ка-тя! Ка-тя!»... зажигается свет, и входит грусть, но счастье не уходит, а лишь впитывается в каждую клеточку его сердца, растекаясь по груди, и, не поместившись полностью, взлетает голубой бабочкой в густое зимнее небо...

И будут они теперь всегда рядом сладкой и горькой памятью о первой любви: грусть и счастье, счастье и грусть, опечаленные навеки поцелуем – с ЕГО позволения.

Евгений ОБУХОВ

Дедовск

Обухов Евгений Алексеевич. Родился в 1954 году. Автор 21 книги прозы и стихов, составитель либо участник более семидесяти коллективных сборников. Автор десятков книг по вопросам филателии и нумизматики. Работал школьником, студентом, инженером, спецкорреспондентом журнала «Крокодил», Главным администратором «Клуба 12 стульев» (т.е., зав. отделом юмора) «Литературной газеты», главным редактором журнала «Филателия». Лауреат премий «Золотой телёнок» «Литературной газеты», премий «Московского комсомольца», журналов «Крокодил», «Вокруг смеха» и др. Член Московского союза литераторов и Союза литераторов России. Один из старожиллов клуба юмористов «Чёртова дюжина». Дипломант, лауреат и победитель фестиваля «Умный смех». А также дипломант, лауреат и «Глыба юмора» фестиваля «Ёри», победитель фестиваля «Петроглиф», победитель и член жюри «Русского Гофмана», дипломант «Песни Булата», серебряный лауреат «Золотого пера Руси» и, к счастью, мн. др. Почётный академик Интернациональной академии современной культуры. Кавалер Ордена Книги.

Живёт в подмосковном Дедовске.

* * *

Как я шаманил, как старался!
Макушки спичкам рьяно тёр.
Не разгорался наш костёр,
у нас костёр не разгорался...

И пламя охватить боялось
сырые ветки «от» и «до»...
Костёр похож был на гнездо,
и ты смотрела и смеялась.

Трескучий хворост до полдня
я собирал трудолюбиво.
А ты смеялась. И любила.
Меня.

Брести туманами, не зная берегов,
и, размышляя о вечернем снеге,
согреть ладонями седые следи –
полоски инея в округлости стогов.
Увидеть прелесть в прелости лесов
и в день последний осени кромешной
плутать бесцельно и забыть, конечно,
земное время, звуки голосов.
И в ранних сумерках, отважно и хмельно,
почуяв час, что нас соединит,
мечтать о том, о чём в иные дни
одним богам мечтать разрешено.

Новый месяц полу-ферт
алебардой на столбе.
Бард хрипит назло судьбе
и сверчки дают концерт.

На туманном берегу
магнитолы огоньки.
Как в Купалу из реки
обнажённые бегут.

Контур церкви обрамлён
вспышкой света дальних фар.
Всем не спящим выпал фарт
видеть звёздный миллион.

Влево шаг – и остриё
отвалилось от столба.
Ферта нет, и алебард...
Вот и полночь, ё-моё!

Питер Брейгель

Мятежный дух зелёной пасторали,
и те фигуры в неуклюжем беге,
и та зима с косматыми кострами,
и молодой – пятисотлетний – Брейгель.
И взмах руки, застывший в быстром плясе
на репродукции в офсетном глянце...
А на столе – гвоздики в реверансе,
как в залихватском брейгелевском танце.
Дома и взгляды, судьбы и фигуры,
в сюжетах, как эпохи, быстротечных...
И россыпь тех бутонов белокурых,
Как время – зыбких,
и как Брейгель – вечных.



Питер Брейгель Старший. Охотники на снегу, 1565

Юрий ХОСИНЦЕВ

Кёльн

МОЙ ЛЮБИМЫЙ КЛОУН

– Вот и разошлись, как в море корабли... – сказал клоун средних лет молоденькому ковёрному, сидящему на пустом упаковочном ящике.

– Твоего здесь ничего нет, на всё готовое пришёл. Узелок принёс со сценариями, с ним и топай обратно в самодеятельность. Видите ли, репертуар ему мой не нравится! Да я с этими клоунадами почти двадцать лет отработал и ещё столько отмантулю! А зритель... он дурак, как ржал, когда с меня штаны слетают, – так ржать и будет!

Собрался новые пути в клоунаде искать? Спроси лучше у паровоза, тот тоже искал иные пути – теперь под откосом валяется. В Москву хочешь? Там таких, как ты, море и две лужи! Мне, например, Москва даром не нужна... И здесь хорошо! Меня от Магнитки до Хабары каждая хромая собака в лицо знает. Вот найду нового партнёра, попроще, чтобы голову себе дребеденью не забивал и... – Клоун изобразил циркового шп्रेха и громко продекламировал:

– Вас приветствуют популярные клоуны Гудрон и Дратва! Та-та-та-та!

Он ехидно запел цирковой марш и, манерно поклонившись, указал молодому клоуну на дверь:

– Покиньте апартаменты, они теперь не ваши!

Молодой клоун, опустив голову, прошёл по длинному коридору. Остановившись напротив вахтёрши, тихо попрощался:

– До свидания, тётя Маша.

Женщина, глядя на грустного клоуна, проговорила:

– Бедолага ты, бедолага! Куда теперь-то? Зачем Сисикину раньше времени сказал, что уходить удумал? Это ведь не человек, а г...о с большой буквы! В моё дежурство приходи, чаем с вареньем напою.

...У служебного входа тускло горела одинокая лампочка. Лил мелкий холодный дождь.

От ствола старого клёна отделилась девушка.

– Рина? Ты меня ждала!? Сколько... час, два?

– Не волнуйся, – проговорила девушка. Дождь пошёл недавно. Ты лучше послушай, я бабушке дозвонилась, завтра она пенсию получит, немного подзаймёт у соседки и вышлет телеграфом. Ночку на вокзале перебьёмся, билеты на Москву возьмём, а там студия клоунады – всё, как ты мечтал! Встанем на ноги, долг вернём... А пока – гуляем! Сегодня мы богачи!

Девушка вынула из кармана новенькую десятку.

– Рина, откуда столько?!

Резким движением скинув платок, девушка обнажила голову с короткой мальчишеской стрижкой.

– Вот, парикмахеру продала, он всё нахваливал – какие красивые тяжёлые косы! Не переживай, милый, зато на мужской парик тратиться не нужно...

– Ты о чём? – удивился юноша.

Девушка посмотрела в глаза клоуну:

– Тебе же новый партнёр нужен?

– Здорово! Как я сам не додумался?!

Они стояли, обнявшись, у тусклого фонаря, не замечая, как дождь сплошной стеной накрывает их одинокие фигуры.

Девушка открыла глаза, провела по мокрому лицу юноши и тихо сказала:

– Побегали, мой любимый клоун, кафе на площади ещё открыто.

У нас в роду артистов не бывало,
у нас всё больше в поле за сохой...
Мне бабушка, прощаясь, наказала:
– Не попадешь, езжай скорей домой!
Но я попал... да вот не в эти двери –
без всяких прав и места для спанья.
Конюшня-мать стелила мне постели,
и чёрствый хлеб делил с конями я.

Что вспомнить мне? Парнишку на перроне
и фонаря расколотый пузырь,
как в грузовом нетопленном вагоне
мы в январе коней везли в Сибирь.
И как понятна стала для мальчишки
вся суть в простом и кратком слове – риск,
и как всю жизнь, сквозь ссадины и шишки,
он продирался к званию – артист!

И вот теперь стоит он на манеже,
но память дней не канула в былё.
Как старый шрам болит всю жизнь и режет,
так не уходит прошлое его,
и жар любви, и холод неуёмный,
и бег коней, и смерти чёрной брешь,
и лязг дорог, и скудный быт бездомный,
и центр Земли – опилочный манеж.

Полынь

Безбрежное дикое поле –
подарки бесценные вынь!
Позволь мне нарвать в суходоле
в букет молодую полынь.

Оскоминным вяжущим духом,
как будто вино из ковша,
назло всем земным завирухам,
досыта напьётся душа.

Под эти весенние грозы,
под нежную майскую стынь...
Не скажут вам сладкие розы –
того, что расскажет полынь.

У жены машиниста

У жены машиниста
пряди пышных волос.
У жены машиниста
в сердце зарево грёз.
У жены машиниста
едет муж в Атбасар.
У жены машиниста
ночевал кочегар.
Бесшабашный, удалый,
с жёлтой фиксой во рту.
Семафор, рельсы, шпалы –
и ушёл в темноту...
Под осенние свисты
не кричи паровоз.
У жены машиниста –
жизнь летит под откос.

В пьяном мареве сада

Расплетёт, размочалит
ливень косы берёз.
Привкус терпкой печали
ветер с поля принёс.

Оголённую душу
ветер рвёт, как струну.
С веток спелые груши
покатились в траву.

В грозном мареве сада
тени падают с ног...
Не пугайся, не надо.
Я с тобой. С нами Бог!

Васильковая заря

Знать послали образа
мощь иконописную,
когда в карие глаза
мне лазурью брызнули.

Васильковая заря,
бирюза нетленная!
Стала серая земля
синею вселенною.

Унесённый полыньёй
чувства полудикого.
Имя звонкое твоё
я на сердце выколочил.

Под фикусом за шторами

Под фикусом за шторами
на столике бутылочка.
Сидит за разговорами
с залётным гостем Милочка.

Кровать за стенкой тонкою,
скрипит с соседкой-стервою.
Часы на стенке звонкие
пробили четверть первого.

А гость дымит у форточки.
Жмёт бобрик на затылочке.
Не смотрит в вырез кофточки,
а тянется к бутылочке.

Спит дочка-семиклассница
в другом углу жилплощади.
Во сне ей улыбается
сам принц на белой лошади...

С душой влюблённого шута
я не шагал за кем-то в ногу,
моя мораль была проста –
не проклипать свою дорогу.

Я выбрал блеск и нищету
с цыганской радостью бродяги,
я, как реликвию, несу
кривые пальцы работяги.

Я знаю боль лихих потерь
и жало колющей ухмылки,
я пил удачи терпкий хмель,
и падал замертво в опилки.

Давно покинув отчий кров,
иные выбрал я отроги,
чтоб стать бродягой и шутом,
у всех церквей обил пороги...



МЯГКИЙ ЗНАК

Никогда за долгие годы работы в цирке мы не отказывались от назначенных гастролей. В какие только дальние края не бросала нас судьба, а тут заерепенелись мы с женой ни на шутку – подайте нам Рязань! Жена у меня тоже ковёрный клоун, мы с ней вместе работаем.

«Какая Рязань?! – возмутились в Московском отделе формирования цирковых программ, – на вас уже в Тюмени рекламу по городу развесили».

А мы им: «Посылайте туда других клоунов. А мы в октябре должны с женой быть в Рязани». И всё тут!

Упорство наше поколебало главк, и отправили нас в рязанский цирк, а перед тем как билеты на поезд выдать поинтересовались, почему мы так в этот город рвёмся? «Да как, почему? Рязань – родина великого Есенина! А ему в октябре юбилей – 100 лет... Всю неделю, работая на манеже, мечтали о выходном. И вот он настал. У артистов в цирке выходной один раз в неделю – в понедельник. Потому что в субботу и воскресенье самый наплыв зрителей.

Встали мы с женой раненько, сели в рейсовый автобус Рязань-Константиново и отправились в гости к поэту. Приехать-то мы приехали, да не тут-то было: висит на двери есенинского дома надпись «Выходной понедельник» и амбарный замок величиной с кулак нашего циркового силача, который на манеже огромные гири и штанги ворочает. Расстроились мы не на шутку. Так рваться в Рязань, все преграды обошли, и приехать замок поцеловать? Сели на лавочку и молчим, сил нет разговаривать... Смотрим, как в низине река несёт свои воды, как желтеют вдали луга, тронутые надвигающейся осенью. А перед нами храм куполами в октябрьское небо и в наши души льёт несказанный свет золотой. Так ведь это же здесь крестили и отпевали Сергея Есенина! Вошли в храм, а там ни души, давай мы молиться: «Господи помоги, Господи помоги!» Не успели и трёх раз перекреститься, как вышла к нам служница, бросились мы к ней и стали совета про-

силь, как нам в дом-музей попасть? «Не знаю, как вы попадёте, выходной-то, хотя... пошли, попробуем».

Привела нас добрая женщина к дому директора музея. А на нём опять замок: уехала директор в Рязань по неотложным делам. Смотрит на нас служница, а мы аж серые от досады. Пожалела нас и повела к заму директора. Ну, думаю, если и её нет дома, то нет, значит, в жизни счастья. Постучала служница в ворота, кликнула хозяйку по имени. А ей со двора отвечают – погодите, мол, куры в огород пробрались, сейчас выгоню и выйду. Вечностью показались нам эти минуты ожидания. Но вот звякнула щеколда, и вышла на крыльцо женщина в домашней одежде. Только открыла служница рот, чтобы объяснить цель нашего визита, как упал я на колени, пополз к заму, обхватил её ноги и начал стихи читать, написанные к юбилею поэта:

Сергею Есенину

*Солончаковый дух степей
принёс тебе за песню руссов.
Как у бессмертного Иисуса
стою у ног твоих, Сергей!
О, Несказанный Русский Свет!
Что без тебя в России случилось?
ТВОЯ ПОЭЗИЯ ОСТАЛАСЬ,
Твоей деревни больше нет...*

*Под плач последних журавлей,
крестьянский вздох висит на пряслах.
Звезда Инонии погасла.
Осока пляшет у дверей.*

*А ты, как прежде современен!
И даже уличной шпане
в любой российской стороне
известно, кто такой, Есенин!*

*Пылай стихом, Есенин милый,
ты нужен Родине своей!
Свети на паперть новых дней,
почти угасшей русской лиры.*

*Октябрь прохладен и багрян.
Напиток русский наливаю,
кусочком хлеба накрывая
до края налитый стакан.*

*Внимает мрамор блик теней.
Струится луч последней лаской.
И мнится голос Бениславской –
Серёжа, миленький, не пей...*

Пытается зам вырваться из моих рук, да не тут-то было –
пришлось слушать. А я всё читаю и читаю:

* * *

*Седая туча прослезилась
По чистоте невинных душ.
Упало небо и разбилось
На миллион блестящих луж.*

*Машины свадьбою вороньей,
Собрались в стаю у ворот.
Ползёт трамвай, хрипя спросонья,
Рывком вонзаясь в поворот.*

*И Осень-дама городская,
Пикантной рыженкой горя,
Букет багряный принимает
От молодого Сентября.*

*Кругом витает дух осенний
И под кленовый звон ветвей,*

*В костюме бронзовом Есенин
С гранита кормит голубей...*

Опомнилась зам директора и уже властным голосом приказывает отпустить её ноги. Разжал я руки, а с колен не встаю, буду, мол, стоять так пока в святыню есенинскую не попадём, клоуны люди упорные... «Хорошо, хорошо, – сдалась заместитель, и уже ласково, – поднимайтесь. Иду за ключами».

До самой смерти не забуду я эту экскурсию для нас двоих, в которой нам позволили прикоснуться к священным экспонатам, что обычно запрещено. И даже дали мне подержать в руках Есенинский автограф стихотворения, в котором в словах «ночь» не было мягкого знака. Да не было, но дело-то не в этом...

* * *

*Слышишь, звон колокольный над Русью,
В переливах чарующих нот?
Это светлой малиновой грустью
Над землёю Есенин поёт!*

*Полевая гармошка играет,
Рвёт мехов васильковый атлас.
Видишь, с неба на доли спадает
Синева от Есенинских глаз.*

*Мчится праздник по утренней рани,
Душу русскую манит в полёт.
Раздавая дары из Рязани,
По России Есенин идёт.*

*Открывайтесь, забвенные дверцы.
Да под песню братайся, народ!
В каждом русском мятущемся сердце
С колыбели Есенин живёт.*

Дина ДРОНФОРТ Франкфурт на Майне

Дина Дронфорт (1963, Москва) – поэт, основатель литературного проекта «Невод».

Родилась и выросла в Подмосковье, окончила московский Легпром по специальности конструктор. С начала 90-х годов живет в Германии. По профессии информатик, личное время отдает фотографии и литературе. Член Союза литераторов Российской Федерации. Публикуется в ежегодной антологии серии «Поэзия русского зарубежья» издательства «Алетейя» (СПб.), в сетевых и печатных альманахах «Эмигрантская Лира», «45-я параллель», «Белый ворон», «Ассоль», «Новая литература», в «Литературной газете», в журналах «Крещатик», «Техтига», «Перископ-Волга», «Литературные знакомства». В 2010 году выпустила книгу лирики «Огонь в ладонях». В издательстве «Алетейя» готовится к выпуску 2-е издание книги «Огонь в ладонях» и новый поэтический сборник «Небеса для Юлии».

Сизиф

О ты, кого в былом рождении
я изводила, не любя –
в твоём зеркальном отражении
я нахожу теперь себя.

Прости же! Эту роль бессмертную
играть, покуда не умру,
должна. И вот – надеюсь, жертвую,
преображаю и творю,

и отрекаюсь... Но заканчивать
сизифам не дано труда.
Прости, во тьме времен утраченный,
чьим камнем я была тогда.

Старичок

Старичок живет в каморке.
Чахлым садиком балконец.
Нищета обсела створки
облупившихся оконниц.

Нищета в линиялой тряпке,
притворившейся гардиной.
Туч подглазия набрякли
нищетою скудоимной.

Пробираясь воровато
по следам растрёпы-птицы,
кот на крыше мягкой лапой
сокрушает черепицы.

Помашу рукой, пожалуй.
Дед заёжится от ветра –
медлит разум обветшалый
поприветствовать ответно.

Непосилье блёклых буден,
обесцвеченность фасада,
и не свят, и не подсуден,
и забыть его бы надо...

Улица моя

Встречайте же!

Не время для печали!

На всём ищу заметы и следы.

Немало лет Вы солнцем привечали
своих детей – и были мы на ты.

Теперь на Вы...

Припомните – узнали
игравшую до ночи-синевы?
Я повзрослела, Вы старинней стали
за те года, что стали мы на Вы.

Вся в хлопотах –

ограды и деревья
заботливо расставив для игры,
всё пестуете, вечная дуэнья,
иное поколение детворы.

Тополя в Томилино

А если времени нарушу
закон, а если я вернусь?
Найду излом знакомой крыши,
в проулка реку окунусь.

Косые тени вольно лягут,
и в луже синего стекла
далёкое хлопот и тягот
апреля солнце. Тополя
ветвятся золотом пролитым,
парит и стынет птичья трель.
Сугроб хрустальным сталактитом
струится в талую купель...

Там день без счёта и обмана.
Там смех позволен ни о чём.
Бессмертны все. И ангел-мама
неутомима за плечом.

Небеса для Юлии

Ты не знаешь, какими синими
вечерами дарил февраль.
Ты – дитя, на руках носимое.
Не понятна тебе печаль
провожающей стаю немощи.
Не разделишь со мной строки
упоения сводом, рдеющим
над излучинами реки.
Не клубится греховной пропастью
угрожающий небосклон,
вышина не лучится кротостью
сквозь молитвенный шёпот крон.
А когда-то под зимним куполом
землю выснежит круговерть
и на темя, как в детстве глупое,
чёрным пологом ляжет смерть.

Ты – дитя. Голубеют заводи
небесами недолгих лет.
Улыбнись же, безвинной памяти
ничего прозрачнее нет.

Ушедшим

Маме, мужу и кошке Марьяне

Первым звоном качнулась цепочка потерь,
и захлопнулась неумолимая дверь,
разделяя всегда на тогда и теперь,
оставляя занозу в груди,
как воскресно-лениво кружила пчела
и фонтанчики пыли в луче у стекла,
и любимая кошка, ещё весела,
приходила под утро будить.

Так полно, так незыблемо было в горсти.
И ничто не могло этот мир сотрясти.
Я тебя прогоняла – Марьяша, прости –
за кошачью твою суету.
Ночью чудится ваша втроём болтовня –
как обычно – за ужином, день ото дня.
Вы, конечно, там встретились, ждёте меня.
Как обычно и я – не иду.

1991

Бежали перемен – юны́ и глупы,
каким сегодня мудрым ни кажись.
Попали в зазеркалье. Точно куклы,
через стекло разглядываем жизнь,
ломаем непослушные гортани...
Протискивались в рай – а всё в аду!
Мы сами выбираем испытанья,
которые нам пишут на роду.

Владимир ДЕЛБА

Сухум

Абхазский прозаик, поэт, эссеист. Пишет на русском языке. Родился в 1946 году. Секретарь Ассоциации писателей Абхазии, член Русского ПЕН-ЦЕНТРА. Член Правления WOW (Всемирной организации писателей) Ассамблеи народов Евразии и Африки. Представляет Республику Абхазия.

Публикуется в СМИ Абхазии, России, США, Израиля, Украины.

Автор десяти книг. Дипломант 26-й Московской международной книжной выставки-ярмарки 2013 г. Лауреат Международного конкурса «Живая связь времен», 2014 года. Первое место за книгу – «Амра, галлеон юности моей» в номинации «Творческий поиск». Лауреат Международной Премии имени Леонардо да Винчи за 2016 год. «Серебряный» лауреат Литературного фестиваля «ЛиФФт» 2017 года. Лауреат Международной литературной премии им. Фазиля Искандера за 2019 год. Первое место в номинации «Проза». Кавалер ордена Республики Абхазия «Ахьдз Апша» («Честь и Слава») III-й степени, за заслуги в укреплении культурных связей между Республикой Абхазия и Российской Федерацией.

ИСЧЕЗАЮЩИЙ АРОМАТ ОСЕНИ, ЙОДА И СВЕЖЕЗАВАРЕННОГО КОФЕ «ПО-СУХУМСКИ»

Порой пересекающиеся сюжетные линии моих воспоминаний, даже не связанные напрямую с заданной темой, помогают погрузиться в начало шестидесятых, удивительное время моей юности, почувствовать его, уловить исчезающий аромат йода, приносимого лёгким ветерком со стороны моря, и свежезаваренного, на террасе второго этажа ресторана «Амра», кофе «по-сухумски»

И пообщаться, хотя бы виртуально, с интересными, уникальными личностями.

Вытянутое по причалу белое здание с большими окнами, надстройкой и летней террасой второго этажа, если и не было

похоже впрямую на пришвартованный к пристани теплоход, то отлично вписалось в сложившуюся архитектурную реальность приморского города-курорта.

«Амра» выигрышно отличалась от других увеселительных заведений: находилась в удобном месте, в центре города, как бы зависшая над морем, подчеркивая оригинальность архитектурной идеи, совмещала в себе «прелести» хорошего ресторана на первом этаже с демократической открытой террасой второго уровня, названную, с лёгкой руки Фазиля Искандера – «верхней палубой», и была очень популярной в городе.

Очень быстро прописалась на верхотуре «Амры» и стала своей, привычной, даже обязательной весёлая, шепутная, любопытная и вечно голодная до знаний, новостей и общения разношерстная, постоянно фрондирующая творческая братия.

Студенты, актёры, художники, музыканты, молодые учёные...

* * *

Разные люди «в ущельях гитары бродят».

Это я позволил себе использовать фразу из стихов Гарсии Лорки, привязав её к путешествию по тем самым «ущельям» собственной памяти. Ибо в них часто звучит музыка.

Акоп был для меня единственным в своем роде гитаристом в мире, чью игру я не раз слушал вживую, в том числе и на «Амре». Интрига в том, что играл Акоп на двенадцатиструнной гавайской гитаре, которую я ни до, ни после никогда не видел.

Акустическая конструкция и необычные, специально изготовленные, видимо, струны обеспечивали гитаре широкий диапазон непривычных, изысканных звуков, от тихих, нежных, почти журчащих до сочных, вибрирующих, с каким-то экзотическим волочением, долгим мелодичным звучанием. И держал гитарист свой инструмент не так, как обычно держат гитару.

Его гитара лежала на коленях струнами вверх, и играл он на ней, извлекая звуки при помощи одетых на пальцы металлических приспособлений – слайдеров.

Но надо было видеть, КАК он играл! Его прикосновения к струнам были сродни прикосновениям к любимому, обожаемому существу, женщине или ребёнку. А лицо музыканта в этот момент просто светилось, излучая любовь и нежность!

А еще Акоп пел. Какие-то незнакомые, очень минорные, грустные песни, в основном греческие и армянские. Голос у Акопа не был сильным, но он прекрасно им владел и легко окрашивал в любой эмоциональный цвет. И конечно, вкупе с берущими за душу звуками гитарных струн этот голос не оставлял равнодушными своих слушателей.

Когда Акоп пел на «Амре», столы сдвигались вокруг музыканта, терраса затихала, и плыли, аккорд за аккордом, мелодичные печальные песни над вечерним городом.

Обычно Акопа приглашали на свадьбы, юбилеи и т.д., то есть пение и было «куском его хлеба».

На «Амре» же певец денег с нас никогда не брал.

* * *

«Амра», верхняя палуба, летний вечер. Посетителей много, несколько разных компаний, сдвинув столы, что-то, как всегда, эмоционально обсуждают.

Один столик чуть в стороне. За ним тихо, чинно беседуют два человека – пожилой джентльмен, чем-то напоминающий актера Жана Габена, и молодой мужчина в яркой рубашке-сингапурке.

Над столиком стоит, медленно расплываясь по террасе, плотное табачное облако с явным ароматом ананаса. В те давние года специфический запах «плана» ни удивления окружающих, ни тем более опасения и страха наказания у курильщиков не вызывал.

Эти двое – хорошо известные в городе люди, музыканты. (Пройдет время, и один из них приобретет почти вселенскую популярность)!

Пожилой, который похож на французского актера, – саксофонист из ресторана «Рица», дядюшка Завен. А как раз второй-то, в рубашке с драконами, и есть будущая звезда шансона – Вилли Токарев!

Еще об одной «путевке в жизнь»!

Отлично помню юного Жана Татляна, известного теперь французского певца, с его завораживающим голосом и какой-то романтической, специфической манерой пения.

Мы иногда ходили вместе на танцы в клуб турбазы. С Жаном нас всегда без проблем пропускали внутрь, и уже во время танцев Жан порой брал в руки гитару, и мы наслаждались его голосом и мелодичными итальянскими песнями, которых он знал немыслимое количество.

Насчёт людей разных...

Приходил регулярно на террасу ресторана «АМРА» человек, о котором и сейчас сказать нечто внятное невозможно. Все знали его как Зураба.

Появлялся этот самый Зураб в городе наездами, как правило измеряемыми несколькими месяцами. Жил в съёмной комнате частного дома у Красного Моста. Говорил, что из Тбилиси. Чем занимался, на что жил – загадка! Во всяком случае, личностью криминальной, маргиналом, или, к примеру, карточным шулером – не был. Не был он и, что приятно отметить, альфонсом.

Средних лет, под сорок, невысокого роста, полнеющий, с заметной залысиной, был он хорошо воспитан, медлителен и слегка манерен. Достаточно начитанный, доброжелательный и коммуникабельный.

И ещё. Был он, безусловно, «озабоченным», по женской части, я имею ввиду. Скорее всего, именно возможность легко знакомиться с женщинами на курорте, и была побудительной причиной регулярных наездов Зураба в наш город.

Были у Зураба два выходных костюма. Один цвета топлёного молока, другой тёмно-синий, из модного в те годы, переливающегося, блестящего дакрона. Костюмы были явно привезены из зарубежья. Уж как они достались Зурабу – ещё одна

загадка! Были у него и несколько ярких, «фирменных» галстуков, а также, очевидно, полная цистерна польской мужской туалетной воды, ибо специфический, пряный запах её буквально ощущался на «Амре», когда Зураб только начинал долгий променад по набережной, от Красного Моста, и преследовал окружающих постоянно.

Появлялся он на террасе с женщинами, и, как правило, каждый раз с новыми. Дамы были из тех, кого, в городе называли «курортницами бархатных сезонов», то есть зрелого возраста, приехавших на отдых без мужей, с романтической надеждой встретить, если не принца, то хоть стареющего, но элегантного усача-мачо, готового расстлать свой плащ перед ногами своей избранницы, носить её на руках и пить шампанское из женской тувельки. Не всю оставшуюся жизнь, конечно, ну хотя бы недельку, другую.

Тут видимо и появлялся на сцене, в нужный момент, Зураб, как легендарное пианино в кустах. Хоть и не носил наш мачо усов, но был элегантен, галантен и очень даже смотрелся в одном из своих привозных костюмов и в итальянском галстуке «Коммодоре Тревира»!

Казалось бы, ничего необычного. И зачем вспоминать? Мало ли в Бразилии подобных «Педров»? У нас и своих хватало!

Но в шок меня ввёл и врезался в память, случайно подслушанный на террасе диалог Зураба с очередной пассией.

Наш герой представился даме как... композитор Игорь Стравинский!!! Видите ли, устал он от всемирной славы, забрался в глушь, живет жизнью простого человека, эсквайра, как он выразился, в ожидании приезда френда, друга, значит, Джорджа Баланчина, с которым намеревается обсудить либретто своего нового балета – «Любовь к трём апельсинам».

Меня будто обдало случайно сорвавшимся с далёких заснеженных гор холодным, совсем не летним ветром. Ещё секунда, другая, и, оскорблённая дама выскажет незадачливому ловеласу всё, что она думает о коварных врунах-южанах, об американской музыке и балете, о композиторе Прокофьеве, написав-

шем, на самом деле, «Любовь к трём апельсинам», только не балет, а оперу!!! Поднимется из-за стола, испепелив кавалера уничтожающим взглядом, и уйдёт, гордо пронося аппетитное своё тело через весь зал, ровно держа спину и презрительно покачивая бёдрами!

– Ах, какая же прелесть – жеманно произнесла спутница композитора, восторженно хлопая глазами и поправляя небрежно пышную свою причёску.

– Я всегда мечтала с Вами познакомиться, часто слушаю по радио Вашу музыку, особенно нравится ария этого самого, ну гостя индийского из оперы, а то, что Вы в жизни такой доступный, товарищ Ильинский, даже не ожидала. А Вы не могли бы наиграть мне немного Вашей музыки?

– Для меня великое счастье мадам, встретить здесь, на чужбине, в месте моего затворничества, такую удивительную женщину, красавицу, умницу, музыкально и культурно образованного человека! Я напишу в Вашу честь кантату, ораторию, чёрт возьми! А поскольку мой кабинетный рояль, который я вожу с собой, сейчас у настройщика, я напою Вам любую мелодию! Не здесь, естественно.

Приглашаю в скромную свою обитель. Я арендую недалеко бунгало. У меня есть коньяк и дорогие сигареты. Так что, сольёмся в экстазе? – закончил Зураб свой восторженный спич фразой из популярного британского фильма про мистера Питкина!

Интересно, что за дорогие сигареты имел он в виду? «Друг», советские, очевидно, с собакой на пачке, они и вправду стоили чуть дороже расхожих «Памира» и «Примы». Или модные болгарские, привезённые из Сочи. Других, в те времена, просто не было, даже у репатриантов, приторговывавших порой заграничным товаром.

И удалились они, окрылённые, из «Амры» вдвоём. Она действительно гордо несла тело, он, немного семени, поспедал за ней, нежно придерживая за талию, её голова с пышной укладкой трогательно лежала на его плече.

И бедрами они покачивали почти в такт.

Проходя мимо, Зураб по-свойски, с хитрой улыбкой, подмигнул мне.

А мне, вышедшему из шока, стало очень обидно. Конечно и я врал, бывало, девушкам, как правило в попытке увеличить свой возраст. И здесь частенько попадался, ибо ловили меня на элементарном незнании темы. Будучи школьником, выдал себя за студента... и опозорился, не зная слово «сессия». На серьёзную же ложь у меня не хватало ни смелости, ни фантазии.

Зураб же демонстрировал, да и не только он, умение «втюхивать» дамам легенды такой пробы, что просто дух захватывало. Это надо же – композитор Стравинский! Ему что, Хачатуряна или Мачавариани не хватило бы? Ну Певзнера, на худой конец?

И вот вопрос об уровне интеллекта заезжих дам. Действительно ли Стравинский и Ильинский воспринимались любительницами бархатных сезонов как один и тот же человек? Либо умные, грамотные, но истосковавшиеся по мужскому вниманию романтически настроенные дамы просто прощали нашим ловеласам их наивное «творчество», делая вид, что верят всему сказанному!

Не найдя ответа, я решил для себя; вот познакомлюсь с какой ни будь девушкой и выдам себя за Грегори Пека или Альберто Сорди! А вдруг пройдёт?

Сухум, 2023

Татьяна ШВЛЕВА

Эссен

Пасхальная весна – 25

О, весна без конца и без краю...

Александр Блок

Цвела пасхальная весна,
Дремал туман над мирным Рейном,
И в чистом воздухе елейном
Плыла над кирхой тишина.

Над миром новый день вставал,
И – словно ястребы – летали
Слова – в значении летальном:
«Nach Osten», «Waffen», «Rheinmetall».

Утих крикливый карнавал,
Сменившись суетною Пасхой,
А под сурдинку шла огласка:
«Nach Osten», «Waffen», «Rheinmetall».

...Цвела пасхальная весна
На перекрёстках полушарий,
И миру канцлеры внушали,
Что на миру и смерть красна...

Весна 2025

Волхвы

Сыну Рудольфу

Светом новой звезды станет небо мерцать
И в дорогу отправятся три мудреца:
Чёрный мавр Бальтазар, Каспар и Мельхиор, –
Чтоб не сбились с пути, разожгу им костёр.

Стану их поджидать. Будет пламя светить –
Светлый разум и жизни парчëвую нить,
Благодатной судьбы яркий радужный шар –
Вот что наши волхвы принесут тебе в дар.

Если верить пророчеству древней молвы:
В путь далёкий отправятся скоро волхвы.
И взойдет над тобой Золотая Звезда –
Нас не смогут с тобой разлучить никогда.

И легендою станет людская молва... –
Продержаться бы нам до Его Рождества!

Рождество 2024

Мой дом

Мне мой дом напоминает храмы:
На белёных стенах солнца блик,
Лики, образа, резные рамы,
Переплёты драгоценных книг.
Холила влюблённо, вдохновенно,
Красоте внимала, чуть дыша...
Что же станет с роскошью нетленной,
Если в мир иной уйдёт душа?

Ничего ни дать, ни взять не можно –
Там, на неизвестном небеси,
Не пропустит строгая таможня –
Плачь, не плачь, проси иль не проси! –
Ни вишнёвой косточки в ладони,
Ни росинки маковой во рту,
Ни пугливых бликов посторонних,
Ни души... – Всё канет в пустоту.

2024

Печально я гляжу...

В древнерусском языке существовали понятия «родичи» и «друзи». Друзи – это были пришлые люди другого рода (от слова «другой»), давшие обет, в случае нападения на род, защищать его и сражаться бок о бок с родичами.

Мы не выбираем эпоху и время,
Но мы выбираем и знамя, и стремя.

Мы сердцем находим родню и дорогу:
Неверным – к Люциферу, преданным – к Богу.

Никто не подсуден и не идеален.
Неверные друзья – до первых развалин.

Лукавые речи. За пазухой камень.
Окончена месса. – Memento!¹ И – Amen!²

¹ Memento (лат.) – Помни.

² Amen (лат.) – Аминь.

Всё реже – прощаю. Но чаще – прощаюсь.
Долги возвращаю. – И не возвращаюсь.

Не жду одобренья. Не жажду объятий.
Неверные друзья. Гневливые братья.

До первой засады. До – зла. До – распутья.
С печалью в душе продолжаю свой путь я.

В тумане, во тьме, за стеной, за оградой –
Я стаю всегда отличаю от стада...

И пусть я давно высоко не летаю, –
Я стадо отрину и выберу стаю!

25.05.2025

* * *

Не дай мне Бог забыть родные имена:
Моей Отчизны, Матери и Сына,
И тех немногих, что не предали меня,
Прельстившись серебром или алтыном.

Пусть холоден очаг, в лихие времена
В душе моей горят неугасимо,
Как свет высоких звёзд, родные имена:
Моей Отчизны, Матери и Сына.

Куда б ни привела пальба или судьба,
И где бы жизнь под корень не скосила,
Ничто мне не указ, никто мне не судья,
Кроме Отчизны, Матери и Сына.

2025

Лихие времена

Мне говорят: опять грядут лихие времена,
Не жди добра, когда у власти худо.
Я говорю: у всех времён история одна,
Всё те же в ней Христос, и с ним Иуда.

Камо грядеши? – тыщи лет бельмом в глазу вопрос
Куда идёшь? И сам-то ты откуда?
Ответы знают эти два – Иуда и Христос:
Один – на казнь. – Другой – в казну. – Иуда.

24.02. 2024

* * *

Сногшибательный вихрь толкает в грудь,
Судьбы кружит – не вальсом венским...
Мне бы только не потерять свой путь
В тьме египетской, тьме вселенской.

Всё проходит, как шум дождя за окном,
Или рёв океана бушующего.
Не оглядывайся, не говори: «Потом!» –
Потому что у Прошлого нет Будущего.

Потому что простить – не значит забыть,
А забыть – не значит утратить боль.
Но кто-то шепчет: жить... жить... жить...
Кто-то держит судьбы драгоценную нить, –
Значит, кем-то любимы и мы с тобой.

2022

Однажды оттолкнусь веслом от берега –
От жизни сплошь исчёрканной, измятой,
От истин прописных, которым верила, –
И стану точкой без координаты.
Я стану бликом, тихой тенью тени,
Бесплотным полукружием омеги...
...Но зёрнышко, упрятанное в жмени,
В пространстве прорастёт и даст побеги.

2022

Стансы

Не знаю, почему, но знаю, что негоже,
Печалиться негоже – ни сердцу, ни уму.
Ответь мне, дай намёк, мой Милосердный Боже,
Всё безвозвратно в прошлом?

Всё в прошлом – почему?

Догадываюсь я, что Твой ответ – сплошная
Трагедия и драма, и горе от ума...
Догадываюсь, но – наверняка не знаю,
И на вопрос извечный найду ль ответ сама?
Но если не вникать в суть горького вопроса,
Простого, на который Творец не пролил свет,
То память озарит судьбы моей колёса –
На солнечных путях беспечных прошлых лет.

2023

Гимн алой розе

Миг воспаренья алой розы
Над белой скатертью стола
Превыше скорби «Лакримозы»¹,
Печалью выжженной дотла.

Живой цветок, твой век недолог,
Но стать твоя – природный дар.
Не для тебя печали полог:
Ты – факел! Ты – страстей пожар!

Столь горячо, столь обречённо,
Но силы жизненной полна,
Паришь на стебле утончённом
Над белой скатертью – одна...

Пример свободы в тесной склянке
Запоминая наизусть,
Учусь твоей прямой осанке
И стойкости твоей учусь!

2025 – Эссен

¹ «Лакримоза» – самая печальная и эмоциональная часть в «Requiem» Моцарта.

Рената **ВОЛЬФ**
Дуйсбург

И ЭТО ВСЕ?
(сказка для взрослых)

Юная, стройная, изящная – она стояла в толпе таких же молодых цветущих и благоухающих сверстниц, оглядываясь по сторонам с робостью и любопытством. Еще вчера их охапкой забрали с прилавка магазина и всю ночь они простояли в ведре с водой. Даже не удосужились распаковать из целлофана. А это, право, очень даже неуютно. Но сегодня! Сегодня – другое дело.

Они стояли в вазе на низком подоконнике. Кому-то досталось место с видом на улицу, другие могли обозревать зал и все происходящее в нем, третьим, везунчикам, удавалось наблюдать за тем и этим. Нашей героине повезло – ей досталось именно такое место. Все было доступно ее взгляду, она старалась вобрать в себя новое, неведомое, насколько позволяло ей взволнованное состояние.

Было позднее воскресное дождливое утро. Редкие прохожие, бросая взгляд на розы из-под зонтов, дарили им свои улыбки. О, это было так приятно! Наша Роза видела в этом смысл своей жизни – дарить радость окружающим. А еще ей хотелось быть обожаемой, желанной, любимой. Кому же этого не хочется? Конечно, если ты роза, нетрудно, наверное, добиться желаемого. Но это знаете вы, а наша Роза не знает. Ведь она только начинает жить. Не все знания и премудрости жизни даются с колыбели. Вам вот кажется, что все розы на одно лицо, по крайней мере, с одного куста или одного рода-племени. Конечно, их отличает возраст, одни еще в бутонах, другие в нежной поре цветения, третьих некоторые называют капустой, когда уже распустилось всё, что дальше

некуда. Но и в этом букете роз-близняшек у каждой был свой характер. И молчаливый на наш взгляд букет жил бурной жизнью, в которой кипели настоящие страсти.

Зал постепенно заполнялся людьми. Это были литераторы, поэты, музыканты и просто зрители, которые пришли их послушать.

У стены стоял рояль, ближе к окну столик для выступающих, стулья зрителей расположились полукругом. И розы вдруг оказались в центре событий и внимания. Они были настоящим украшением и радовали глаз. Казалось, что все собралось здесь только для того, чтобы полюбоваться ими.

И вдруг Розу подхватило невидимое облако, мысленно она кружила в танце невесомая, как балерина, о которых она, впрочем, тоже ничего не знала. Это была музыка. За роялем сидел молодой человек и его пальцы творили чудеса. Ей хотелось, чтобы это чудо продолжалось вечно. Но прозвучал заключительный аккорд, и душа ее снова опустилась на землю, а точнее в вазу. Похоже, что не все были под впечатлением выступления Музыканта. Ее соседки шушукались особенно громко, не обращая внимания на окружающих. Их больше интересовали наряды присутствующих дам и кавалеров. Они в этом мало чего смыслили, но ведь и у роз на это может быть свое мнение. Наша Роза сердито цыкнула на них и те ненадолго притихли.



Рис. автора

А выступления продолжались. Зрители не скупились на аплодисменты. Музыка коснулась нашей Розы еще раз аккордами гитары и проникновенным голосом Певицы. Душу захватывало то буйное веселье, то щемящая грусть.

И вдруг Роза заметила, что соседок-болтушек рядом нет. Что случилось? Увлечшись музыкой, она не заметила, как одна за другой ее подруги покидали вазу. Ведущая мероприятие женщина вручала цветы участникам в знак признательности. Ах, вот оно что! Вот какова их миссия – быть подарком, наградой. Что же может быть прекрасней? Ах, как хотелось Розе попасть в руки чародея Музыканта! Нет, ему досталась ее кузина. Повезло ей. И Певице досталась одна из непосед-болтушек. Остались всего два цветка. Растерянно озирались они по сторонам. В букете было как-то уютней. Теперь же друзья их покинули. Невольно, конечно. Они все еще были в зале, и можно было перекидываться репликами на их цветочном языке. Кто-то их подбадривал, а кто-то злорадствовал. В общем, как всегда. И кто бы мог подумать, что и такие прекрасные создания, как розы, могут быть злорадными.

Наша Роза досталась Поэтессе. «Да, это большая честь», – подумала она. Судьбу не выбирают, особенно если ты цветок, ее принимают такой, какая она есть. Раздавались прощальные возгласы, покидающих зал соплеменниц. Наверное, они больше не увидятся. Со своей сестрой, а это была последняя роза из вазы, которая досталась ведущей, они еще были некоторое время рядом и смогли попрощаться. Их пути разошлись навсегда.

А дальше сплошной стресс! Людный вокзальный перрон, посадка в поезд. Того и гляди, что сомнут, переломают. Но нет, все обошлось.

Поэтесса села у окна, а Розе досталось место на столике. Полтора часа она слушала болтовню двух незнакомых между собой женщин. Такие разговоры бывают между случайными

попутчиками. С ними можешь легко поделиться тем, о чем с близкими людьми будешь молчать годы или не скажешь никогда. Вот так Розе удалось получше узнать Поэтессу, проникнуться к ней уважением и уже немного полюбить ее.

Но, как навсегда расстались розы из букета, так разошлись и пути этих женщин. Каждая ушла в свою жизнь, унося частицу бытия другой.

Поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, Поэтесса выбилась из последних сил. Надо заметить, она была уже не молода и стройностью не отличалась. Но это так, заметки на полях, к сути не относится. Войдя в квартиру, она перепоручила Розу сыну. Домашние встретили ее воскресным ужином, во время которого она делилась впечатлениями о своей поездке. Поэтому не сразу заметила, что Роза все еще лежит на кухонном подоконнике. «Сынок, я же просила позаботиться о Розе!» Оплошность была исправлена, и Роза теперь стояла в вазе с водой. Вдох облегчения, теперь можно расслабиться, а потом уж осмотреться, куда она попала и где ей, вероятно, придется провести оставшуюся жизнь.

Вскоре кухня опустела, погас свет. Где-то еще хлопали двери, раздавались то бормотание телевизора, то журчание воды. Но постепенно все звуки затихли, наступила тишина. И Роза была, в общем-то, этому рада. Уж очень много перемен случилось за эти дни, столько впечатлений. Все это надо было переосмыслить. Звезды бесстрастно светили далеким светом, совсем не такие, как над родным домом. Свет фонарей и вовсе казался чужим. Мысли ее унеслись далеко-далеко, где всего еще несколько дней назад она вместе с сестрицами была под крылом матушки – роскошного розового куста. А вокруг куча родственников, куда ни кинь глазом. Их дом был в самой гуще огромного розового поля. Веселое и беспечное было время!

Ей вспомнилось, как они со смехом брызгали по утрам друг в друга росой. А какой визг раздавался, когда по полю проходила

поливальная машина! Но большее наслаждение дарил настоящий дождь, то ласковый и нежный, то беспощадный, смывающий все на своем пути. После грозы еще ярче светило солнышко, щекотало лучами лепестки, пробуждая радость жизни.

Вечерней порой в сумерках велись неспешные разговоры, во время которых родители ненавязчиво учили уму-разуму своих детей, рассказывая сказки, мифы, легенды. И было непонятно, что там было выдумкой, а что правдой. Такова судьба розы – быть срезанной и отправленной в неведомую жизнь. Что случилось с ними там за чертой их привычного обетования? Ведь никто не возвращался назад, никто не мог рассказать им о той другой стороне бытия. Не было у роз способов посылать письма, телеграммы, и книги тоже были им неизвестны. Но как-то все-таки рождались слухи о жизни их знаменитых соплеменников. Некоторые увековечивались на картинах художников, некоторым посвящались стихи. Короче, было услышано немало рассказов о знаменитых и выдающихся родичах. Говорилось также, что жизнь роз коротка, особенно быстро она пролетает после того, как их срежут с куста. Ходили слухи, что есть возможность продлить их жизнь с помощью химических средств, добавленных в воду. И более того, шептали самые осведомленные, есть способы, позволяющие жить вечно! И это не в виде какого-нибудь гербария или засушенного на память цветка. Для этого из растения вытягивается вся влага и заменяется синтетикой. И внешне цветок остается как живой, во всей своей красе. Мурашки пробегали по лепесткам нашей Розы. Она сомневалась, а нужно ли это – быть вечной?

Кроме прекрасных легенд, баллад, как хотите вы это устное народное творчество назовите, шалуны и забияки ночной порой любили рассказывать всякие страшилки. Например, о страшном монстре по имени Парфюмер, который ходил якобы ночами по розовым полям, срывал невинные создания и

в последствии превращал во флаконы с благоухающей жидкостью. Еще ужасней были рассказы о страшной машине, которая кромсала и перемальвала все на своем пути, оставляя вместо роз, листьев, веток и шипов лишь труху и опилки. Просто волосы становились дыбом! Но рассказчикам того и надо было – нервишки пощекотать. Неопытная поросль или особо впечатлительные особы долго потом не могли заснуть. Но все то были сказочки, которым не стоило особо-то верить. Верилось, что ждет впереди радужная жизнь, что будут оценены по достоинству ее молодость, красота и добрый характер.

С этими мыслями она и встретила утро.

Взволнованно прислушивалась она к звукам жизни, и сердце ее наполнялось ожиданием чуда. Но чудо не происходило. Один за другим покидали квартиру ее обитатели. Роза только видела тени в прихожей и слышала прощальное щелканье дверного замка. И на целый длинный-предлинный день она осталась опять одна-одинешенька. Время от времени за стеной слышались приглушенные голоса, журчание воды из крана. Из окна открывался вид на детскую площадку. Сначала она была пуста, а днем там играли дети. Их звонкий смех доносился даже через двойные стекла. А еще она могла любоваться небом. Облака рисовали картины, одна другой краше. Завороженная, она как будто впадала в дрему и мысленно уносилась далеко-далеко к родному месту, где еще на розовом кусте корнями была связана с землей, которая давала ей жизненную силу.

Закончился день, сумерки сгущали краски, фонари подмигивали игриво, пытаясь завести знакомство.

Поздним вечером вернулись обитатели квартиры. Никто не зашел на кухню, никто не вспомнил о Розе.

И снова бесконечная ночь, полная отчаянья и горестных раздумий...

Утром Поэтесса бросила случайный взгляд на кухонное окно.

«Ах, бедняжка! – воскликнула она. – Я совсем забыла о тебе. Как ты прекрасна!»

Роза в смущении опустила глаза, сердце ее трепетало.

«Но сейчас мне совершенно некогда. Прости, меня ждет работа. До вечера!»

И снова щелкнул дверной замок.

«И это все?» – произнесла Роза дрожащим голосом.

Никто ее не слышал.

«А жизнь-то кончается...»

И всё же, не хочется заканчивать эту историю на печальной ноте. Роза держалась стойко и прожила довольно долгую жизнь. Если быть точным, еще целых две недели украшала она кухонное окно. А это совсем немало для срезанного цветка. И были в ее жизни не только грустные, но и радостные моменты. Однажды, внучка Поэтессы, застав ее за любованием Розой, спросила:

– Бабушка, ты любишь этот цветок?

– Да, – ответила Поэтесса.

– А за что? – спросила девочка.

– Не знаю. Наверное, просто за то, что она Роза.



Рис. автора

Владимир ДОВЕЙКО

Москва

Народный артист Российской Федерации, представитель известной цирковой династии акробатов. Режиссёр-постановщик уникальных акробатических шоу «Русские качели» и «Миллениум». Лауреат международных фестивалей циркового искусства: «Золотая звезда» в Италии, «Серебряный клоун» в Монте-Карло, «Золотой лев» и «Золотая медаль» в Китае.

* * *

Такие времена, что стынет речь в гортани.
И Бытия немислимые грани
вмерзают намертво в пылающую ночь.

Такие бьют часы, что время в горле комом.
И отворённый взгляд мерещится слепому,
и отвести глаза от вечности невмочь.

2024

* * *

Там, где кончается пространство,
там начинается душа.
Одною ею, может статься,
удастся вволю наддышаться,
уже, по сути, не дыша.

И видит Бог! – за столько лет
душа – единственная весть
о том, что всё-таки мы есть,
когда нигде нас больше нет.

2010

Белые ночи

Ивану Тарасюку

Наши души Исакию вверены.
И плывут по Неве небеса...
И полны одиночеством времени
этих белых ночей паруса.

Млечный свет у ночей на подхвате...
Петербург первозданно хорош!
Волн распущены русые пряди,
и созвездий неясен чертёж.

А над городом солнечный ангел
молчаливую песню трубит...
Здесь Петром вольно брошенный якорь –
врос навеки в имперский гранит.

2022

И вновь февраль, и вновь во здравие,
пульс дней застольем приглушён,
свет, не имеющий названия,
стеклом оконным отражён.

Дождь ледяной окна снаружи,
с грядущим в сговоре тоска,
глаза всё шире, взгляд всё уже,
и стылый космос у виска.

Тревожных снов и туч обноски.
Жизнь как текла, так и течёт;
тускнея, дарит свет неброский...
И Дант кругам теряет счёт.

27 февраля 2021

Звезда царей

И вновь звезда в ночном дозоре
надежд несбывшихся полна.
Во тьме ведомому подспорье,
и неизменна ей цена.

Скажи, по чьим лекалам скроен
путь в обоюдных временах?..
Так чудо в ореоле горя
в нетронутых слезой глазах.

Так ближний круг до точки сужен
и неразборчив в жертвах страх.
Глаголом выжигает стужа
бесчувственный к ожогам прах.

Как срез на крыльях всхлипы света
и жаждой мучима купель.
В тенётах Нового Завета
душа в крещенскую метель.

Чем ближе жизнь к своей развязке,
тем сердцу ближе всякий вздор.
Но замысел не подлежит огласке,
и смерть ещё не приговор.

2023

Евангелие от Иуды

Кто б ни был Ты, но жизни Ты не старше.
Хлебнув сполна, воскреснуть стоит, чтоб
был пустотой до дна испитой чаши
на третий день отверстый полон гроб.

Кто б ни был я, палач или хранитель –
не для чужих ушей, губ шепчущих извне, –
я сделал Тебя Богом, мой Учитель.
Не на кресте распят Ты, а на мне.

1987, 2009



*Ганс Гольбейн Старший. Страсти
Господни в серых тонах».
Картина «Поцелуй Иуды», 1494-1500,
фрагмент*

Овена ДУМЯНЦЕВА
Москва

Внучка Великого клоуна Карандаша (Михаила Николаевича Румянцева).

В десятом классе победила в международном литературном конкурсе. С красным дипломом окончила факультет журналистики МГУ. Стихи, новеллы, пьесы печатались в газетах и журналах «Детская Деловая газета», «Арена», «Эстрада и цирк», «Элита», «Панорама». В начале 2000-х изданы три книги стихов и пьес «Здесь, внизу, на небесах», «Клоуны и розовый сад», «Недавние стихи».

Пишет на русском, английском, французском языках.

* * *

Печальные слоны идут по городам,
Идут походкой величавой
По улицам и по причалам,
И по каналам и мостам.
Они идут через сады,
Где расцветают орхидеи,
Где жгут осенние костры,
Где пахнет мёдом и елеем.
Идут усталые слоны
По пустырям и по пустыням.
Пустыни заросли полынью,
И снегом занесло полынь.
Через случайный звёздный дождь
Они проходят безучастно,
И звёзды падают напрасно,
Не наполняя даже снов.
Слоны идут по комнате ночной,
Вопросы оставляя без вниманья,
И исчезают в утреннем тумане
И вновь приходят с новой луной.

27 ноября 1999

Прятки

Кто-то считает до десяти
Громко и внятно.
Мама играет с детьми на лугу
В прятки.
В море ромашек свитер мелькнул
Знакомый.
Кто-то чихнул и пробежал
За домом.
Набок осел, словно бисквит,
Сток сена.
– Это не в счёт, – кто-то кричит. –
Это нечестно!
Дом стоит на склоне холма,
Настежь окна.
Небо, луг, ромашки, игра –
В стёклах.
– Кто не спрятался – будет сам
Виноватым. –
Из-за дуба ветер несёт
Ультиматум.
Солнце в зените.
В полдень играть – какая
Идея.
В прятки играет с детьми на лугу
Медея.

* * *

Это было на море. Случайно.
Столик. Чашечка кофе. Крики чаек.
Волны. Катер в волнах. И шезлонги.
Мне гадали на кофе. Недолго.

Надо выпить до дна. Без сливок.
И всё ясно, как в снах. И книгах.
Надо выпить без сливок.
Чёрный кофе.
Только чистый осадок
Бывает точен.
На террасе кофе,
В час курортного ланча,
Жизнь, судьба и удача
На фарфоровом дне.
За соседним столом
Примелькавшийся профиль.
Он снимался когда-то.
Но, мне кажется, бросил.
Белый флаг на причале.
Значит, можно купаться?
– Вам идёт эта шляпа...
– Без чего-то двенадцать...
Яркий змей в небесах.
Громко лает собака.
За верёвкой по пляжу
Бежит чей-то папа.
А верёвка скользит.
И всё дальше по дюнам.
– Вот и всё. Так случится.
Так написано в рунах...
Что случится? Когда?
Подождите! Куда Вы?
Я не слушала Вас,
Я о чём-то мечтала.
Столик. Счёт на подносе,
Без ответа вопросы.
Я одна на террасе.
Море. Волны. И осень.

Колыбельная

Спит Земля.
И спят сюжеты.
Куклы спят и марионетки.
Флюгер спит на крыше дома.
Месяц дремлет над собором.
Спят грехи в исповедальне.
Свечка спит в окошке дальнем
И во сне горит и тает.
Спят скандалы в чьих-то спальнях.
Пирамиды. И лампы.
Спит циклоп с овечкой рядом.
Спят сифиды. Спят сирены.
В пене бури спит Венера.
Спят атланты. Спят трамваи.
Рельсы спят. И попугаи
Крылья. Предсказанья. Мойры.
Спит Кассандра в спящей Трое.
В цирке клетки спят пустые.
Ход событий. Мостовые.
Логика. Бочонок эля.
Флейты трели. Доли в деле.
Прибыль. Доллары. Рубины.
Медельинские картели.
Медальоны и медины.
И в постели из циновок
В доме, что сносить собрались,
Где оборваны обои,
Запах травли,
Запах красок,
Спит ребёнок.
Дремлет мальчик.

Спит паук на паутине,
И эпоха спит в канаве.
И прервался в середине
Белый лебединый танец.
Всё застыло без движенья
В сонном свете и пространстве.
Только ветер на планете.
Только ветер,
Только сказки.

2 апреля 2000



Елена ЖАНЕН
Хайнсберг

ГУСТАТУС

На завтрак герр Дедерикс позволил себе ломтик подрумяненного в тостере белого хлеба и чашку чёрного кофе. Развернув золотую обёртку, Дедерикс полюбовался на кусочек холодного ирландского масла, с наслаждением вдохнул его кислотоватый аромат. Понаблюдав, как лунного цвета стружки масла оплавляются на горячей поверхности хлеба, открыл баночку айвового желе и подцепил кончиком ножа похожий на янтарную бусину комочек. От приторно-фруктового духа защекотало в носу, захотелось тотчас начать трапезу, но Дедерикс, как истинный густатус, никогда не спешил во время еды. Растягивая удовольствие, медленно намазал играющий на солнце желто-коричневый пласт желе на хлеб, полюбовался и только тогда откусил. Закрыв глаза, застыл и, млея, начал медленно жевать.

Дедерикс нарочно не стал плотно завтракать, чтобы благословенное чувство аппетита разгорелось к обеду ещё сильнее. Была суббота, день, когда он мог в полной мере насладиться едой в одиночестве. Разве можно хорошо поесть, если кто-то отвлекает тебя болтовней? Никакой возможности сконцентрироваться, прочувствовать вкус пищи. Приходится с набитым ртом отвечать, глотать быстро, не успев толком прожевать.

Чтобы избежать мучений совместной трапезы, Дедерикс даже сменил работу – инженер по образованию, пошёл работать простым почтальоном. В обеденный перерыв он мог уединиться в машине и съесть припасенный сэндвич. Да и ходьба шла на пользу, аппетит он нагуливал великолепный! Поначалу коллеги звали Дедерикса пообедать вместе или вечером

выпить пива с жареными колбасками, но он отказывался, ссылаясь всякий раз на аллергию или плохое самочувствие. Но однажды кто-то догадался, что Дедерикс – настоящий густатус, и от него отстали. Даже стали сторониться, как заразного.

Ещё накануне поздним вечером Дедерикс начал придумывать, что именно приготовит на обед в субботу. Долго фантазировать на этот раз не пришлось, ведь начинался сезон спаржи. В супермаркетах круглый год продавали испанскую или чёрт знает откуда привезённую спаржу, серую, волокнистую и безвкусную, как капроновый канат, и Дедерикс такую никогда не покупал. Разве может она сравниться с местной северо-вестфальской, которую продают на городском рынке! Он представил упругие, цвета слоновой кости палочки юной спаржи, с капельками прозрачного, как слеза, сока на свежем срезе и нежными почками на заострённой макушке... Главное, не переварить, чтобы слегка хрустело, но и не было жёстким, а во рту таящим. Вытряхнуть на сито томно изогнувшиеся спаржины, насадить на вилку кусочек сливочного масла и потереть каждый стебель. Винца белого обязательно, лучше всего сухого мозельского рислинга, охлажденного.

И непременно филейчик лосося у голландцев купить! Выбрать свежайший розово-оранжевый кусочек, посолив-поперчив, поджарить быстро в скворчащем масле, чтобы коричневая корочка заблестела, а потом половинку лимона сдавить, обрызгать мутным соком, не боясь, что слишком кисло будет... Пожалуй, кстати и свежий салат с душистыми весенними огурчиками... Ну и картофеля молодого, жесткого, два-три клубня... Поскрести ножиком тончайшую кожицу, отварить, на половинки порезать и укропчика или петрушки мелко-мелко нарезанных щепотку бросить... Дедерикс вздохнул и расслабленно улыбнулся. А на десерт – клубники, тоже местной, душистой, и не со сливками, а с шариком ванильного итальянского пломбира, и...

Застрекотал телефон. Ту, которая внезапно вырвала Дедерикса из мира гастрономических грёз, звали Улла.

- Завтракаешь ещё? Перезвонить тебе попозже?
- Нет, уже нет, можешь говорить, – тяжело ворочая языком, как спросонья, ответил Дедерикс.
- Ах, тогда доброе утро!
- Доброе утро. Ты насчет воскресного обеда хотела спросить?
- Да... Мне прийти? – почти шепотом спросила Улла.
- Ну, приходи... Знаешь уже, что будем делать?
- О, есть замечательный рецепт, тебе понравится. Картофельная запеканка с белыми грибами и бараньи фрикадельки под чесночным соусом!
- И во фрикадельки надо побольше лука положить, – теперь уже с заинтересованностью в голосе ответил Дедерикс.
- А как же, – подхватила Улла. – И салат из авокадо с кусочками омара под...
- Давай сейчас не будем, – раздраженно перебил её Дедерикс. – Я на обед настраиваюсь!
- Прости, прости, прости! – затараторила Улла. – До завтра!
- Дедерикс повесил трубку и облегчённо вздохнул. Не надо было к телефону подходить, подумал он. Может быть, и вообще прекратить отношения с Уллой? Однажды она проболталась, что по шкале Тринсли у неё только шесть пунктов из семи. Это значит, что она ещё способна, в отличие от Дедерикса, иметь детей и испытывать чувственное влечение. Может быть, она вообще только прикидывается густатусом? Да, скорее всего, так оно и есть – Улла слишком полная, где же это видано, чтобы настоящий густатус нажирался так, чтобы округлиться, животик отрастить?
- Дедерикс прошёлся по комнате, подошёл к зеркалу, повернулся боком, довольно ухмыляясь, подумал: вот, вот какой должен быть настоящий ГУСТАТУС – поджарый, холёный, моложавый. Разве даст ему кто сорок лет? Бывали минуты, когда Дедерикса распирало от гордости, что он не такой, как все, и наделён даром испытывать сильнейшее наслаждение, поглощая еду. И пусть природа, одарив чем-то одним, заби-

рает другое: ему не суждено продлить свой род, не знакомы «радости секса». Но даже ребёнком он никогда не жалел, что родился густатусом. Да и слова-то раньше такого не было, оно появилось лет десять назад, после нашумевшей книги профессора Тринсли: «Homo gustatus – тупиковая ветвь эволюции человечества». Латинское «gustatus», что значит «вкушающий с удовольствием, сластолюбивый», укоренилось, и началось деление людей на «нормальных» и «густатусов»...

Не нужно было к телефону подходить, в который раз подумал Дедерикс. Надо общаться с себе подобными, а не с такими, как Улла. Чем больше он её узнавал, тем сильнее были сомнения, что она тоже густатус. Впрочем, сама признаётся, что не стопроцентный. Хитра... К тому же артистична, напориста. И, что самое ужасное, – льстива, умеет похвалу ввернуть. Ведь понятно, что врёт, но после брезгливо-презрительных взглядов его коллег увидеть в карих глазах Уллы восхищение было очень даже приятно.

Разговор с Уллой вывел Дедерикса из равновесия. Когда на душе становилось беспокойно или был нужен добрый совет, он вспоминал о Кроле. Герр Кроль был одним из немногих густатусов, с которым Дедериксу хотелось общаться. Исполненный светлой печалью взор, неспешная, с лёгким польским акцентом речь герра Кроля благотворно действовали на Дедерикса.

«Нам нельзя нервничать, – сказал однажды герр Кроль. – Это преступление по отношению к себе, мы должны наслаждаться, а не злиться. Хотя... – добавил он задумчиво, – есть такой извращенный способ наслаждения – злость. Но это недостойно настоящего густутаса».

Однажды Кроль подарил несколько написанных от руки «Успокоительных текстов» и посоветовал читать их вслух в минуты душевных невзгод. Именно так Дедерикс и поступил.

«Я, истинный густатус, суть моя и желания мои – единственное, что есть, было и до скончания моего истинны есть, все же прочее – суета сует и ничтожество... Не растрчивай понапрасну желания твои, дай им окрепнуть и в силу войти, ибо...»

Лязгнула створка почтового ящика. Дедерикс вздрогнул и осёкся на полуслове. Вздохнул, поплелся в прихожую, собрал с пола несколько писем. Он ненавидел письма, даже боялся их, потому что приходили исключительно счета: из налоговой инспекции, от зубного врача, от коммунальных служб. Вечера только полтысячи заплатил за лакировку машины – опять какой-то идиот нацарапал на дверце огромными буквами «густатус» и неприличное словцо рядом. Почти вся зарплата уходила на оплату счетов. Дедерикс уже несколько лет тщетно пытался скопить денег на поездку в дальние страны. Как мечтал он побывать в Японии, попробовать настоящих, только с дерева снятых судачи или ароматных, сладко-кислых кинкан...

Смысл письма, которое Дедерикс извлек из желтоватого конверта, дошел до него не сразу. Никогда еще ничего подобного ему читать не доводилось.

Глубокоуважаемый Герр Дедерикс!

Вам предлагается поучаствовать в испытании нового препарата «Антигустатин». Действие препарата предполагает временное восстановление нарушенных у Homo gustatus функций адекватной реакции на вкусовые раздражители. Иными словами, во время приёма препарата Ваши ощущения будут соразмерны с таковыми у Homo sapiens. Препарат «Антигустатин» опробован на лабораторных животных, в том числе на человекообразных обезьянах, побочных эффектов и противопоказаний не обнаружено.

Тестирование препарата проводится в течение двух недель, после чего Вам будет выплачено денежное вознаграждение в сумме 5 000 евро.

Для дополнительной информации просьба обратиться к нам лично...

Далее шли номера телефонов и имена сотрудников института антропологии. Завершалось письмо угловатой подписью.

Дедерикс ахнул, увидев автора подписи: профессор К. Тринсли. Перечитав письмо три раза, Дедерикс выбросил его в корзину для бумаг.

Вождественный обед с лососем и спаржей не состоялся – Дедерикс был так взволнован неожиданным предложением, что не смог настроиться на нужный лад. Он не пошел на рынок, на обед съел яичницу-глазунью с ломтиком сыра и выпил чашку кофе со сливками. Трапеза возымела благотворное действие, особенно аромат свежемолотого кофе и маленькая рюмка апельсинового ликера на десерт, заеденная долькой горьковатого шоколада. Дедерикс откинулся в кресле, закрыв глаза. Со стороны казалось, что он дремлет или медитирует.

– Всего-то две недели! Да за такие деньги можно и подольше «подопытным кроликом», как ты изволил выразиться, побыть! – воскликнула Улла, всплеснув руками. – Зато потом поедешь в свою Монголию!

– Японию, – поправил её Дедерикс. – Хотя я бы и в Монголию поехал. Так хотелось бы попробовать хушуры – это такие пирожки, похожи на грузинские чебуреки, их жарят в кипящем масле. С холодным, пенистым айраном, наверняка, очень вкусно.

– Да таких денег и на Монголию, и на Японию хватит! А ты еще раздумываешь! Вот мне бы предложили...

Разговор происходил воскресным утром на кухне в доме Дедерикса; пришла Улла, они собрались заняться приготовлением бараньих фрикаделек. Дедерикс, ухмыляясь, рассказал Улле о предложении профессора Тринсли. И сразу пожалел об этом.

– Ты не понимаешь, Улла! Да я в страшном сне представить не могу, как это можно – жевать, глотать пищу, не испытав наслаждения, все как-то... механически. О, я видел однажды, как человек откусил половину огромного гамбургера и сразу проглотил, а потом вторую... Мне дурно стало от такого зрелища...

– Не преувеличивай! Человеки, то бишь хомо сапиенсы, тоже могут получать, ох, еще как могут, удовольствие от пищи!

– Но не такое, как мы, густатусы! – взвизгнул Дедерикс. – Наши чувства утончённее, глубже...

– Ты хочешь сказать – вы лучше сапиенсов?

Дедерик замялся. В глубине души он считал себя лучше сапиенсов, но никогда не высказывался об этом вслух и поэтому произнес:

– Мы не лучше и не хуже, мы просто другие.

– Откуда ты знаешь? Ты такой ограниченный, примитивный! Сидишь все время один, только о еде и думаешь, ни на что другое не способен... Тупиковая ветвь эволюции, частенько про густатусов говорят – выродки!

Улла замолчала, испуганно прикрыв ладонью рот. Дедерикс стремительно вышел, хлопнув дверью. Через пару секунд он вернулся, яростно размахивая листком бумаги. Это было письмо профессора Тринсли.

– Хорошо! Замечательно! – сказал Дедерикс, сверля Уллу взглядом. – Я соглашусь на так называемое тестирование. Побуду в теле «человека разумного».

Тупиковая ветвь, говоришь, выродки? Ну-ну... Посмотрим!

«Ничего, две недели я как-нибудь продержусь», – подумал Дедерикс и проглотил первую таблетку «Антигустатина», запив её водой. Медленно допил всю воду в стакане: она оказалась ему необычайно вкусной. «Наверное, мой бедный организм дарит на прощанье маленькое удовольствие», – решил он.

К вечеру появилось свербящее, почти болезненное ощущение в области желудка. Он не сразу догадался, что это есть проявление голода. Нашел в холодильнике холодную баранью котлетку, приготовленную Уллой накануне, и торопливо съел.

Как обычно после трапезы, Дедерикс попытался углубиться в себя, отдаться сладкой неге. Ничего такого не получилось. Единственным результатом странного ужина была усталость. Его стало неудержимо клонить ко сну. Он вспомнил, что надо сделать запись в дневнике о самочувствии.

«Первый день. Самочувствие... Какое? Не понял пока. А никакое. Боже, до чего спать хочется!»

Протяжно зевнув, Дедерикс укловылял в спальню. Сбросил одежду, забрался под одеяло, с хрустом потянулся, раскинул руки в стороны, закрыл глаза. И тут стало происходить нечто очень странное. Дедерикс словно воспарил, завис в воздухе. Ощутил себя лёгким, невесомым, как облако. По телу разлилась неведомая доселе приятность, напоминающая опьянение первым глотком вина.

Проснувшись ранним утром, Дедерикс еще долго лежал, пытаюсь вспомнить ночные грёзы. Никогда еще ему не снились такие прекрасные, светлые сны, никогда не доводилось так сладко нежиться на пограничье сна и яви. Оказывается, засыпание тоже может доставлять неземное наслаждение, может даже сильнее, чем еда... И просыпаться, медленно и неспешно, с будто бы обновившимся за ночь, помолодевшим телом – приятнейшее ощущение! Как прекрасна жизнь, думал он, проглатывая вторую таблетку «Антигустатина». В отличном настроении Дедерикс отправился на работу.

Вечером он сделал короткую запись в дневнике самочувствия: «Получил огромное удовольствие, погружаясь в сон, замечательно выспался, наверное, оттого, что снилось хорошее. Аппетит плохой».

Дедерикс хотел бы написать подробнее про удовольствие, но оказалось, что выразить словами это чудесное состояние у него не получается. Зато вспомнил случай из детства, тогда ему было лет одиннадцать. Зима, раннее утро. Сквозь сон он слышит, как затренькал будильник. Дедерикс поздно заснул накануне. За окном темно, сыро, холодно и ветрено. Он знает, что пора вставать, отправляться в школу, но спать хочется невыносимо; он пытается приподнять голову – тяжелая, будто свинцом налита, все вокруг несказанно мерзкое, мрачное... Вот заходит мать и говорит: спи, сынок, занятий в школе не будет. Штормовое предупреждение. Дедерикс, уткнувшись

лицом в мягкую подушку, предаётся сну. Засыпая, он понимает: нет ничего на свете слаще обыкновенного сна...

Дедерикс отправился в спальню. Распахнул окно в заброшенный сад, постелил свежие, душистые простыни. Потом принял ванну, накапав в тёплую воду немного сандалового масла. Вернулся в спальню, с наслаждением вдохнул аромат влажной осенней листвы. Он невольно улыбнулся в предвкушении удовольствия.

– Спокойной ночи, сладких снов! – сказал он себе, выключая свет.

Минула первая неделя, как Дедерикс сделался «подопытным кроликом». В предвкушении спокойного вечера он возвращался с работы, но, заметив красный «фольксваген» Уллы, припаркованный у его дома, остановился. Он давно уже понял, что общение с Уллой и покой – две вещи несовместные. Не размышляя долго, Дедерикс развернулся и пошагал прочь от дома.

В пустынном парке на скамье у озера сидел в одиночестве седовласый господин, к подлокотнику была прислонена чёрная трость с янтарным набалдашником. Дедерикс узнал сначала трость, а потом и её хозяйина: это был герр Кроль.

– Великолепный сегодня вечер, – вместо приветствия сказал Дедерикс.

Кроль вздрогнул, будто его разбудили, заулыбался, щуря прозрачные голубые глаза.

– Истинно так, мой друг, красота вокруг потрясающая! Присаживайтесь, рад видеть вас! Ну, рассказывайте, что нового?

Дедерикс сел рядом, но, как принято у густатосов, не близко и руки не подал: не любят они друг к другу прикасаться. Он тоже был рад видеть старого знакомого и сразу без долгих предисловий рассказал о тестировании и о том, как странно подействовали таблетки профессора Тринсли.

– Как забавно мы, густатусы, устроены, герр Кроль! Если нас лишит возможности наслаждаться едой, то просыпается способность наслаждаться сном. Я-то думал, что стану теперь

обычным человеком, не способным к утонченным наслаждениям, ан нет – суть мою никакими таблетками не истребить!

– Совершенно верно! – отозвался Кроль. – Вы знаете, я ведь тоже сейчас тестирование прохожу. Не хотел поначалу, да всё же согласился: деньги нужны.

– О! Значит, вы теперь тоже витеаете по ночам чудесных снах?

– Витаю, – Кроль лукаво усмехнулся. – Только не в чудесных снах... На меня препарат иначе действует.

– Как же?

Кроль ответил не сразу и как-то неопределённо:

– Немного вина. Или глоток коньяка. Да всё равно чего – пива, шампанского, текилы. Главное, чтобы присутствовал этанол. Хотя бы чуть-чуть. Даже лучше, когда именно чуть-чуть... Ощущения острее будут.

– Ах! Ведь это же опасно, а вдруг вы станете алкоголиком? – вплеснул руками Дедерикс. – А как насчет еды? Вкушаете?

– Еда меня больше не волнует. Ем, конечно, потому что надо, да и опьянеть быстро не хочу. Тогда можно потерять удовольствие.

Дедерикс занервничал. Почувствовав его настроение, Кроль произнес:

– Не волнуйтесь, герр Дедерикс, ещё неделя и всё вернётся на круги своя. Будем вкушать, как раньше, станем обычными густатусами. Знаете, я рад, что нам дали возможность понять – в недрах нашего сознания скрыто множество демонов... Демонов удовольствия и наслаждения. Хорошо, что они являются по одному. Нас, густатусов, какой-то остряк сравнил с примитивным радиоприёмником, настроенным на одну программу. И это прекрасно. Несчастен тот, кого раздирают многие желания одновременно.

– Не знаю, – ответил Дедерикс. – Меня никогда не раздирали даже два желания одновременно.

Они молча смотрели на серебряную гладь озера, слегка утомившись беседой.

– Знаете, что мучает меня с недавних пор? – с какой-то необычной хрипотцой в голосе спросил Кроль.

– Ну и что же? – насторожился Дедерикс.

– Мысли о смерти.

– Не стоит думать об этом...

– Я уже стар, – продолжал Кроль. Он начал говорить немного нараспев:

– Прекрасна была жизнь моя, но вот уж скоро, как это угасающее солнце, начну угасать и я... О, сколько раз пытался я представить смерть. Недавно, у камина в гостиной, мне так пригрезилось: я на полу, лежу, раскинув руки, и всё вокруг приходит во вращение. И потолок из белого стал чёрен, и множество горящих ярко точек явилось мне из этой черноты, я принял их за звезды и ничуть не удивился их появлению. Меня покачивает, будто в лодке иль в колыбели. Но то, что принял я за звёзды, вдруг стало лёгкими снежинками, танцующими в бездне мироздания. Одной из этих крошечных снежинок был я, и я летел, и кувыркался, смеясь от радости и счастья...

Кроль замолчал. В глазах дрожали слёзы. Судорожно вздохнув, он произнес:

– Вот так умирает истинный густатус – в сладкой неге наслаждения.

Пораженный речью Кроля, Дедерикс не знал, что ответить. Он тоже вздохнул, и чувствительный нос уловил лёгкий аромат коньяка, исходивший от Кроля.

Дедерикс поднялся со скамьи и произнес:

– Ещё неделя – и мы увидимся, чтобы побеседовать о странностях жизни, не правда ли, герр Кроль?

Тот степенно кивнул, а Дедерикс лёгкой походкой зашел домой. Казалось, он едва касается ногами дороги, устланной золотыми шуршащими листьями. Улла, наверняка, уже уехала. Никто не помешает этой дивной осенней ночью насладиться ему, истинному густатусу, сладким и глубоким сном.

Анна АЛЬМЕНДИНГЕР

Грюнштадт

Анна Альмендингер – поэт-песенник, автор-исполнитель.

Родилась 13.03.1970 в селе Чкалово Кокчетавской области в семье врачей. После школы поступила в Павлодарский Педагогический Университет. После окончания 8-го семестра в связи с замужеством переехала на постоянное жительство в Германию. Воспитала двух дочерей, получила профессию социального педагога, терапевтические образования системного психотерапевта, хайльпрактикера в области психотерапии, терапевта медицинского гипноза, терапевта в области психотравматологии и детской имагинативной психотравматологии, терапевта EMDR. С 1999-го года работает в органах опеки областного центра Bad Dürkheim.

Писать стихи и песни начала в 2019-м году. Публикации на сайтах Poetbook.ru и Stihi.ru с 2019-го года, с 2021-го – в ВК (В КОНТАКТЕ) в сообществах: «Литературное наследие», «Синий Мост», «Лови Строку», «СтиХаски», «Писатели объединяются» и других, а так же в различных литературных альманахах.

Автор двух сборников стихов «Я с вами говорю стихами» и Любовь, не ставшая судьбой». Подготовлены к печати две новые книги.

Живёт в Грюнштадте.

Август

(романс)

Август мягок, бархатен и нежен –
Шепчет мне признания в любви.
Где же ты, мой ненаглядный, где же?
Жду тебя – ты только позови...

Розы снова пышно расцветают,
От жары палящей отдохнув.
Где же ты, мой милый? Я скучаю.
Так хочу в глаза твои взглянуть...

Пахнет мёдом, клевером и мятой,
Мягким шёлком стелется трава.
От пьянящих, нежных ароматов
Кружится приятно голова.

Ежевика сладкая поспела,
Абрикосы светом налились.
Белых крыльев не хватает телу,
Чтоб взлететь, оставив землю, ввысь.

Яблоня от тяжести склонилась –
Как сочные румяные плоды!
Счастье, счастье! Ты мне только снилось.
Плачет сердце полное беды...

Небо зреет звёздным виноградом.
Кто сорвёт мне дивных ягод кисть?
Почему ты, милый мой, не рядом?
Где ты, мой хороший? Отзовись!

На душе печально и тревожно –
Шепчет август зря мне о любви.
Есть такое слово «невозможно», –
Не зови напрасно. Не зови...

09.08.2022

О сушёной вобле

У соседей пятеро детей –
До хозяйства не доходят руки.
В доме просто всё и без затей,
«Без претензий», но зато без скуки.

В зале – телевизор и диван.
В детских – по-спартански – по кровати.
Дядя Вася весел, малость пьян.
Тётя Люся – в выцветшем халате

Чай с соседкой пьёт. Обедает нет.
Дети в холодильнике шныряют.
Но придёшь – радушно: «Привет!»
Стол на кухне сразу накрывают.

Дети прибегают, шум и гам!
За столом на кухне жутко тесно.
Я – подруга старшей дочки. Нам
Тётя Люся выделяет место.

Скатерть здесь не стелют – лишний шик.
И посудой стол не заставляют.
Романтично даже, как пикник,
Нас сушёной воблой угощают.

Дядя Ваня – чуть навеселе,
Но не сильно, весел и радужен.
Вобла и газеты на столе:
«Ну-у-у, девочки, будем воблу кушать!»

А в ноздрях солёный аромат,
С вялым душком – аж скулы сводит!
Пиво. Для детишек – лимонад.
Ничего особенного вроде...

Дома суп, жаркое на обед,
Бабушкин пирог с малиной к чаю.
Но вкусней, чем вобла, блюда нет,
А у нас такого не бывает.

По столу сушёной рыбой бьём,
Чешую сухую обдираем
И куски солёные жуём,
Сладким лимонадом запиваем.

Пальцы в шелухе, солёный вкус.
На губах, горчит уже немного.
На столе всё липнет. Ну, и пусть!
Дома будет чисто всё и строго....

Все болтают и смеются тут,
Никому не нужно торопиться.
По субботам их дела не ждут
(Дома ж – никогда нельзя лениться).

Час-другой пройдёт... Домой пора.
Неохота. Здесь мне веселее.
И в разгаре в домино игра.
Но, влетит. Опаздывать не смею.

Вкус солёной воблы на губах
И бардак уютный вспоминаю.
Тётя Люся, дядя Ваня, ах,
Я по дому вашему скучаю!

Где вы, дорогие? Живы? Нет?
След ваш в девяностых потеряла.
В чём сушёной воблы был секрет?
Ничего вкуснее не встречала!

21.08.2021

И пусть моя любовь их всех хранит

Я не ищу сердечных увлечений,
Ночами не вздыхаю при луне –
Люблю, не отдавая предпочтений,
Всех, кто сердца распахивает мне.

И видит Бог, таких сердец не мало,
Но каждое я свято чту, как храм.
Я не забыла, как сама страдала,
За то, что слишком верила словам.

И не даю красивых обещаний,
Надежд напрасных больше не дарю.
Не престаю тонкой, зыбкой грани,
Но приношу подарки к алтарю

Любви – теперь почти что безымянной,
Но искренней и чистой как роса.
Пусть я кажусь кому-то этим странной,
Но не дадут солгать мне небеса:

Теперь люблю, наград не ожидая,
Не зная осуждений и обид,
Тех, кто свои сердца мне раскрывает.
И пусть моя любовь их всех хранит!

Твой голос

(романс)

Если ты не рядом, то рядом – грусть.
Но спешит на помощь мне голос твой.
Я к нему с улыбкою прикоснусь...
Ах, какой он ласковый и живой!

Для меня твой голос, как солнца луч, –
Дарит мне надежду, даёт тепло.
Прорезает мрачные массы туч,
Чтобы стало мне на душе светло.

Если б я могла его обнимать,
Как бы крепко я его обняла!
Жаль, нельзя твой голос поцеловать...
Я целую нежно твои слова.

Если б я твой голос взяла в постель,
Я бы с ним заснула, прильнув щекой.
За окном протяжно скулит метель,
А твой голос мягкий сулит покой.

Для меня твой голос – твоя душа.
Ты душой, я знаю, всегда со мной!
Я хочу с тобой в унисон дышать...
Говори мне что-нибудь, мой родной!

06.04.2021

Владимир АВЦЕН

А НЕЧА ЭПАТИРОВАТЬ!

— Ты в курсе, что приезжает этот фашист? — ошаршил меня фотограф Донецкого городского Дома санпросвета Лёня, где я на тот момент трудился литредактором.

С Лёней мы проработали в тесном сотрудничестве целый год, прежде чем я узнал, что этот тихий, попивающий фотограф — сын известного донецкого профессора, у которого я постигал на первом курсе университета азы языкознания. Несмотря на такую родословную, Лёня предпочел в своё время мирной учёбе в вузе бичевую жизнь, егерство в тайге, которое оставил после того, как его пообещали убить местные охотники, для которых тайга — дом родной, а он, шибко правильный чужак, начал было наводить там порядок. Об увиденной и понятой им жизни он собирается написать роман или повесть, но на тот момент не сподобился... Узнал я обо всём этом, когда однажды Лёня пригласил меня на чашку кофе в свою фотомастерскую, расположенную в санпросветском подвале. Но прежде чем рассказать о себе он спросил: «Стихи пишешь? Не отпирайся, тебя мне моя родственница заложила. Почитай!» — «А вдруг не понравятся?» — «Понравятся, не понравятся — не суть. Главное, ты не графоман» — «Трепло, ты ж не слышал ни одной моей строчки!» — «Вот, то-то и оно! Графоман он ведь грузит тебя в первые же секунды знакомства и не отстаёт до конца жизни, а ты целый год — ни пару изо рта»...

Но я отвлёкся.

Услышав про «фашиста», я вытаращил глаза:

— Господи, Лёнь, ты о ком?!

— Не в курсе? — удивился Лёня и сообщил, что по приглашению кафедры теории литературы в университет с лекциями приезжает московский критик, историк и литературовед Вадим Кожинов.

Студент-вечерник, я был знаком с некоторыми работами Кожина-стиховеда, где никакого фашизма не было в помине, но, боясь показаться Лёне слишком уж тёмным, не рискнул его спросить, почему он так нелестно отзывался о госте. Но у сокурсников накануне кожиновской лекции поинтересовался, в чём тут дело. «Фашист, это сильно сказано, но антисемит он точно: вытащил на свет список первого совнаркома – сплошь из одних евреев», – объяснил один, наиболее продвинутый студент. – «Но, во-первых, это правда: евреи в революцию шли косяком, а значит, и во власть их попало немало. Причём тут антисемитизм? А во-вторых, Кожин дружен с нашим Гиршманом, что как-то не вяжется...» – возразил другой. – «Не знаем, как насчёт политической ориентации, а вот с другой у него (ходят слухи) не всё в порядке», – поделился своими познаниями третий. (Что касается последней сплетни, то в дальнейшем её косвенно подтвердит какой-то странный, явно далекий от науки мужичок, приехавший вместе с ним в Донецк. Он сидел вместе с нами на лекциях, не сводя с мэтра влюблённых глаз, а на переменах доставал нас своими восторгами о гениальном друге Вадиме. Впрочем, это мог быть и вполне безобидный неофит, попавший под мощное излучение столичного светила!)

В общем, народ к встрече московского гостя был готов...

Сидим в аудитории, входит Вадим Валерианович. Начинает лекцию. Блистательный лектор! Никаких антисемитизмов – сплошной лиризм и обаятевизм. Слушаем, внимаем...

Звонок. Студенты высыпают в коридор и окружают мэтра в жажде неформального общения:

– Вадим Валерианович, вот вы утверждаете, что женщины хорошие стихи писать не могут по определению! А как же Цветаева?

Мэтр с пренебрежительной растяжкой на первом слове:

– А-а! Она лесбиянка.

– Гм...

– Ну а Ахматова?

– А-а! Она тоже лесбиянка.

– Гм...

Понимаем: надо менять тактику, точнее, пол:

– У вас есть свой круг поэтов, которых вы как критик пропагандируете и опекаете. А вот Арсений Тарковский к ним не относится. Почему?

– А-а! Старый графоман.

– Гм...

Вытаскиваем, как нам кажется, беспрюирышную карту:

– Ну а Евтушенко, как вам Евтушенко?..

– Евтушенко? О, с Евтушенко мы дружим! Он часто бывает у меня в доме и километрами читает свои стихи ... моим родителям. Они в поэзии ни черта не смыслят, но слушают его часами. И очень хвалят... Он счастлив! Я ему всегда говорю: «Хороший ты парень, Женя! Если б ещё стихов не писал...»

И так далее, и тому подобное, и в том же духе.

И странное дело! Ничего из его, несомненно, блистательных лекций не удержалось в моей сегодняшней голове, зато его эпатажный трёп в университетском коридоре запомнился почти дословно.

Александр ЕМЕЛЬЯНОВ

Бергиш Гладбах

Родился в 1962 году в солнечном и тёплом Кишинёве. После школы поступил в Ленинградский Военный инженерно-технический университет. Окончив, получил две лейтенантские звезды на погоны и распределение на космодром Байконур. В городе Ленинске случайно попал на концерт КСП «Звёздный» космодрома Байконур. Был очарован, покорён и воодушевлён. Стал активным членом клуба. Потом был перевод на Дальний Восток, служба в тайге под Комсомольском-на-Амуре. Ну и – ясное дело – клуб авторской песни города Комсомольска. С началом перестройки, я покинул славные ряды вооружённых сил и вернулся в родной Кишинёв. Устроился на работу в проектный институт. Ну и дальше по отработанной схеме. Телефонный звонок в комитет комсомола: а где тут у вас клуб авторской песни? А дайте-ка мне номер председателя! Переехал жить в Германию и (кто бы мог подумать!) оказалось, что недалеко от приютившего меня Кёльна в Вуппертале имеется Клуб Авторской песни... Таким образом, круг общения, который многие эмигранты не могут создать годами, сформировался мгновенно и существует до сих пор. В этом кругу я, как и многие, пел свои песенки. Друзьям нравилось.

Я не плодovit, но за жизнь накопилось какое-то количество песен и стихов. На портале «stih1.ru» мне присвоили оперативный позывной «Александр Емельянов 8». Со временем, Российский Союз писателей номинировал меня пару раз на премию «Поэт года» и наградил парочкой медалей за вклад... Мелочь, а моей тщеславной натуре приятно. Довольно много пишу ко дням рождения друзей, ибо там точно знаю, что наверняка порадуя хотя бы одного человека. Друзьям нравится.

Учусь я выбрасывать вещи

На грани сердечных увечий,
На грани безумных усилий,
На грани душевных потерь
Учусь я выбрасывать вещи,
Что раньше так дороги были
И лишними стали теперь.

Они не утратили вида,
Они сохранились неплохо,
Но времени жалость чужда.
Какая, однако, обида:
Ушла безвозвратно эпоха,
И в чём-то отпала нужда.

Хранятся годами на полке,
Теряя с текущим контакты,
Укутаны в мягкую пыль,
Без прока, без пользы, без толка
Ушедших времён артефакты,
Как мусор, как хлам, как утиль.

Кривясь, как боксёр после хука,
Инстинкты давя человечьи,
Я чищу свои закрома.
И мне эта злая наука,
Наука выбрасывать вещи
Даётся непросто весьма.

Пустая церковь

Большой реки петляет лента плавная,
Домишки, как костяшки домино.
А на пригорке – церковь православная,
Забытая людьми давным-давно.

Как после боя, крыша продырявлена,
На окнах – доски, двери на замке.
Нет прихожан, но богом не оставлена
Пустая церковь на большой реке.

От потускневших, потемневших лиц икон
Ещё исходит чуть заметный свет.
Бог здесь живёт, хотя на половицах он
Не оставляет даже лёгкий след.

Что за беда, что скрыт за паутиною,
Как за гардиной, треснувший престол,
Что пыль сантиметровой периною
Легла на окна, жертвенник и пол?

Ни звука за дверями кособокими:
Давно иссяк сюда людской ручей,
И пламя не мерцает над убогими
Оплывшими огарками свечей.

Но Бог есть Бог. Он, крыльями любви несом,
Не может отыскать души живой:
Войною люди заняты и бизнесом,
И бизнесом по разжиганью войн.

Они умны. И доводами вескими
Всё оправдать сумеют без труда.
А он их ждёт, он ходит между фресками...
Дождётся ли? Он верит в то, что да.

Пускай терзает слух возня мышиная
И стук копыт раздвоенных в ночи,
Но масло он на тряпку льёт машинное,
Чтоб смазать им церковные ключи.

Термос

Деревья ветер лихой качает,
Восток в огне.
Надёжный термос с горячим чаем
Всегда при мне.
Он металлический, благородный –
Не подведёт.
Он только с виду такой холодный,
Почти как лёд.

Он не согреет мои ладони.
Всему назло
Он в герметичном стальном бутоне
Хранит тепло.
Его натура парадоксальна:
Хлебни глоток!
Там в середине, коль всё нормально,
То кипяток.

Жестокий холод о стенки бьётся
Со всех сторон,
Пусть герметичным же остаётся
Подольше он!
Он с этим миром живёт отдельно,
Уж так пошло.
Его задача проста предельно:
Хранить тепло.

Татьяна АБРАМОВА

Москва

РАМОЧКА

Кошка Фрося сидела на подоконнике. Она смотрела на улицу, вид ее был такой отрешенный, как будто она слушала свою внутреннюю музыку. Лапки у Фроси стали замерзать – зима за окном. Фрося решила спрыгнуть на диван, но мешала занавеска. Раздался знакомый звук – кто-то открыл дверь ключом. Фрося села на край подоконника и наблюдала из укрытия. Если бы это был ее любимый хозяин Рома, она уже летела бы в коридор и терлась о его ноги.

В квартиру вошла пожилая женщина. Она торопливо сняла шубу и сапоги, прошла на кухню и также торопливо вернулась в комнату. Она все время приговаривала что-то себе под нос.

– Ну, что? Все им не так. Хороший мальчик. Не гнобить его нужно, а хвалить. Когда вас нет, так он человек человеком. Умница, красавец!

Бабуля стояла посреди комнаты. Перед ней на полу было выложено огромное сердце из маленьких круглых свечек. Она включила свет. Комната была украшена сердцами: красные воздушные шарики в виде сердец были привязаны к ручкам кресел, с люстры свисало мягкое красное сердце с плюшевыми ручками. Стол был сервирован на двоих: разложены приборы, тарелки, две красные свечи в фигурных подсвечниках из серебра, ваза с фруктами, шампанское. Букет из трех крупных красных роз украшал композицию.

– Как же все это зажечь-то! – она обошла вокруг сердца из свечек, посмотрела на часы. Оглядела комнату, как полководец перед сражением. Метнулась на кухню, вернулась в фартуке. Глубоко вздохнула, помедлила чуток, как перед прыжком с трамплина, и встала на колени. Колени болели. Бабуля складывала свечи в карманы фартука, как счастливый грибник

складывает грузди, подползая к следующей грибнице. Она довольно быстро проложила себе тропинку к центру сердца. Теперь самое трудное – зажигать свечи, отползая назад.

Бабуля увлеклась и забыла, что тропинку тоже нужно заставлять свечками. Теперь ей пришлось снять кофту, чтобы не прожечь рукава, когда будет тянуться к центру. Голыми руками сподручнее. Она швырнула кофту на диван. Пламя дружно колыхнулось и чуть не погасло. Бабуля охнула и присела. Тут же вскрикнула от боли. Коленки!

Ну, вот и все! Все свечи горят. «Красиво!» Бабуля выключила свет, полюбовалась пару секунд, и быстро начала одеваться. Она также бубнила что-то себе под нос, оделась и уже хотела захлопнуть дверь, как вдруг представила – волна воздуха от двери гасит все свечи! Тихо-тихо она закрыла дверь, на цыпочках вышла в коридор.

Через некоторое время Фрося услышала звук открывающейся двери. В квартиру зашел Рома. Оглядел пылающее сердце. «Спасибо, бабуля!» Он также торопливо разделся, распахнул дверь:

– Жанна, заходи!

В дверь вошла стройная блондинка. Ей пока не видно горящее сердце. Рома вынул из ведра, стоящего в коридоре, огромный букет красных роз и вручил его подруге. Ни одна девушка не нравилась Роману так сильно, как Жанна. Они познакомились в новогоднюю ночь. А сегодня, в день Святого Валентина, Рома так расстарался, чтобы Жанна осталась довольна, что даже привлек свою бабулю к подготовке сюрприза. Повезло, что родители уехали отдыхать. Рома пригласил Жанну в хороший дорогой ресторан, они вкусно поели и теперь он привел ее домой.

Он приготовил ей подарок – духи, которые она мечтала купить, – новинка ее любимой фирмы. Рома, вручая букет, так близко поднес цветы к ее лицу, что оно утонуло в розовых лепестках. Жанна засмеялась.

– Ой, щекотно! Спасибо, Ромочка. Дай я хоть разденусь.

Рома поместил розы обратно в пластмассовое ведро, помог ей раздеться.

– Теперь закрой глаза и пойдем в комнату.

Жанна послушно закрыла глаза, ожидая подарка. Рома выключил свет, открыл дверь в комнату и, нежно обняв, провел ее к пылающему сердцу.

– Открой глаза, дарю тебе сердце, Жанночка!

Жанна открыла глаза, ойкнула, засмеялась и чмокнула Рому в щечку.

– Ой, спасибо. Как ты все это успел!

– Для тебя, все, что захочешь. Давай к столу. Фрукты будешь?

– Рома, давай попозже. Мы же только из ресторана! Я на диванчике посижу, что-то я устала. Поставь чай, пожалуйста.

Рома кивнул, побежал на кухню. Он приготовил еще ее любимые пирожные и конфеты. Заварка тоже Жаннина любимая. Наливая чай, Рома представлял, какие подвиги он мог бы совершить ради Жанны, как он будет любить ее и заботиться. Поход в ресторан, кажется, удался. Было видно, что Жанна довольна.

Фрося незаметно пробралась в свой укромный уголок. Не любит она новых людей, нужно сначала присмотреться. Она ни за что не подошла бы к незнакомой дамочке, но это дело чести – обнюхать незнакомца! Кошка неспешно прошлась под столом и приблизилась к Жанне, которая включила телевизор и переключала каналы. Фрося осторожно потянула воздух, не подходя слишком близко. Жанна наклонилась к кошке и, к ее удивлению, зашипела, растягивая губы в улыбке. Не успела Кошка осмыслить этот жест, как уже летела прочь от дивана, получив ускорение от стройной и длинной ножки.

В сумочке у Жанны зазвонил телефон.

– Ты зачем звонишь? – полушепотом ответила Жанна. – Да, все хорошо. В ресторане все супер. Нет, еще не подарил. Не знаю. Я на всякий случай взяла галстук и рамочку для фото, стеклянную. – Жанна слушала и, одновременно, прислушива-

лась, не идет ли Рома. – Да не два подарка, а один подарю. Смотря, как он поздравит! Если угодит – галстук, если нет – рамочку. Ну, конечно, тот самый – дорогуший галстук. Все. Пока. Он идет, завтра расскажу.

Рома принес чашки и сладости. Он был в приподнятом настроении. Все получалось, как он задумал. Жанна выглядит довольной. Это их первый Валентинов день.

Рома так счастлив, что даже не шпыняет кошку. В кухне он налил ей молока, бросил кусок рыбы.

– Ефросинья, ты на сегодня свободна. Иди спать и не мешай. Жанночка не любит кошек.

Фрося уже в курсе, она не возражает. Наевшись, кошка уплывает в спальню родителей, оставляя молодых людей наедине.

Прошло пару часов. Услышав громкие голоса, Фрося вышла в коридор.

– Выходим уже, командир! Подъезжай к первому подъезду.

Рома помогает Жанне одеться. Она благоухает новым ароматом. Рома шутит, он сегодня в ударе. На Фросю никто не обратил внимания. Кошка прыгнула на диван, обнюхала смятый лист оберточной бумаги. Потрогала его лапкой, фыркнула и лениво пошла к столу. Если бы дома были хозяева, она бы и не подумала лезть на стол. Смело запрыгнув, шагая по тарелкам, она слизала крем с оставшихся пирожных, понюхала конфеты и чашки с чаем. Как пахнет шампанское, ей не понравилось. Фрося переминалась с лапки на лапку, прикидывая расстояние от стола по прямой до дивана.

Фрося не прыгнула, а мощным прыжком сиганула на диван, так что стол качнулся. Через долю секунды раздался звон битого стекла. Это разлетелась вдребезги новенькая рамочка для фото.

Владимир АВЦЕН
Вунперталь

О поэте N

Осознав бытия скоротечность,
ощутив свою бренность, пиит,
зацепиться строкою за вечность,
на последнем витке норовит.

Но, усевшись за стол впопыхах,
он вселенскою злобою пышет,
столько жёлчи в *евонных* стихах,
будто гноем он собственным пишет.

07.08. 2023

Поэту N ответ на привет

*Я ведь не политик, а фонетик:
Слышу звон – и маюсь до зарю...
О. Бешенковская*

Ты, себя узнав, ответил мне,
что я поц, далёкий от политики,
и твоя поэма о войне
вне моей сопливо-гнусной критики.

Что тебе писать, не мне решать,
я же о другом твержу, мой светик!..
Я ведь не политик, а эстетик:
чую смрад – и не могу дышать.

17.11.2023

Не знали?

– К столу пожалте, вот вам пир! –
сказал своим друзьям вампир
и указал на карту мира.
Ах, господа, что правят миром,
вы вправду, милые, не знали,
когда вампиров лобызали,
что нет веганов среди вампиров?

09.06.2024

Письмо пятое, покойному украинскому поэту Петру Свенцицкому. Германия 2023

Жили на свете – я русский еврей,
ты украинец русский,
были с тобой мы вода не разлей,
пили из общей кружки.
Но нам трындел гондон-особист,
помнишь, хоть плачь, хоть смейся,
что ты – украинский националист,
а я – сионист еврейский.
Верили мы, наш союз не сломать –
мы ж не простые винтики.
Но с кем нам дружить, а с кем воевать
суки решают политики.
Этих решал на земле до хрена,
и меж друзьями вчерашними
непостижимая вышла война –
наши, бля, бьются с нашими!
Переворачивается родня
наша в соседних могилах,

но с этой бойнею мы... ничего,
Петя, поделаться не в силах.
Впрочем, все нити в руках у богов,
всё с их согласия деется.
Ты попроси там за нас, дураков, –
не на что ж больше надеяться...

К N.N.

1. Ахтунг!

О, вечно неожиданная старость,
о, смутная эта пора!
В ней знак, что немного осталось,
намёк неприкрытый – пора...
Но ты беззаботно гарцуешь
на молью побитом коне,
и с девой привычно флиртуешь
с безусым юнцом наравне.
А этого делать не надо б:
коварен у жизни расклад,
тут, друже, таится засада
опаснейшая из засад,
где можно случайно разбиться
о девичий взгляд из-под век,
и глупо, по-детски влюбиться –
до слёз, безнадёжно, навек.

2. Пара пустяков

Вправду, не для виду, я есть таков:
мне простить обиду –
пара пустяков.

Отчего ж безбожно
так саднит в груди?
Да, простить несложно,
а забудь поди...

3. Такая беда

Когда Вам бывает особенно плохо
или даже хорошо не совсем,
я знаю, что утром у моего порога
Вы будете с Вашим наболевшим со всем.
Наливаю Вам водки, кормлю супом,
отправляю, захмелевшую, спать,
и тихо тащусь над собою глупым,
за то, что не люб Вам, но смею мечтать...
Проснётесь – в постель кофейку Вам покрепче,
вдвоём Ваших бед размотаем клубок,
признаетесь, стало немного полегче,
а это немало – полегче чуток.
Я знаю, однажды уймётся тревога,
к Вам счастье придёт не на миг – навсегда,
и больше мне Вас не встречать у порога –
не делаться счастьем... Такая беда.

4. Невозможно

Коготок увяз – всей птичке пропасть.

То сжимается сердце тревожно,
то от счастья пускается в пляс.
Не любить мне тебя невозможно,
разлюбить мне тебя невозможно –
коготок бестолковый увяз.

5. Казнить нельзя помиловать

Любовь подарком неба нам
свалилась с высоты.
«А ничего и не было...», –
назавтра скажешь ты.
Да как же так, любимая,
да что это с тобой?
Казнить нельзя, помилуй мя!
А море, а прибой,
а сброшенное платье,
на пляже на бегу,
а грешные объятья
на сонном берегу,
а горькое прощание –
аж сердце на куски,
а помнить обещание
до гробовой доски?
Сто лет живу на свете я,
но тупо всякий раз
там пестую трагедию,
где корчит рожи фарс...

28.10.2024

6. Заклинание

Кофе быстро остыл...

N.N.

Лодка жизни уплывает,
не остановить...
Кофе быстро остывает –
надо пить!

26.07.2025

Литкафе



Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – своё реальное стихо- или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам – ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

Добро пожаловать!



Золотая кровать

Народная песня¹

Полюбил всей душою девицу
и готов за неё всё отдать.
И бирюзой разукрашу светлицу
и поставлю золотую кровать,
и бирюзой разукрашу светлицу
и поставлю золотую кровать.

На кровать дам лебяжью перинку
и ковёр из душистых цветов,
и разукрашу ее, как картинку,
и отдам это всё за любовь.
и разукрашу ее, как картинку,
и отдам это всё за любовь.

Рассажу пышный сад над Кубанью,
в том саду будет петь соловей,
и под душистою веткой сирени
целоваться мы будем нежней.
и под душистою веткой сирени
целоваться мы будем нежней.

Полюбил всей душою девицу
и готов за неё всё отдать.
И бирюзой разукрашу светлицу
и поставлю золотую кровать,
и бирюзой разукрашу светлицу
и поставлю золотую кровать.

¹ Записано со слов **Любови ЧЕРНОВОЙ** из Дортмунда. По её утверждению, песня эта в её семье передавалась из рода в род. Авторство неизвестно, попытка найти её в просторах Интернета не увенчалась успехом. Не исключено, что перед нами старинная народная песня...

Алёна ДЫЧКОВА-ЗАКАБЛУКОВСКАЯ
Иркутск

* * *

Ангарская вода
Перетекает в небо,
Звенят колокола.
Расходятся с молебна.
Хвалебный в небе грай
И хлебный дух завода.
Не смей, не умирай
В такое время года!
Рассеивая мрак
Навеянный повесткой,
На Ангаре рыбак
Разматывает леску.
Марток, семи порток
Адепт и проповедник,
Не больно нынче строг –
По темноте передних
Теснится обувь в ряд
Всех внесезонных видов.
И пестуют ягнят
На мартовские иды¹.

¹ Мартовские иды (лат. Idus Martii) – 15 марта по Римскому календарю. В этот день 44 года до н. э. был убит Гай Юлий Цезарь. Это событие стало известным благодаря фразе «Берегись мартовских ид!» из пьесы Шекспира «Юлий Цезарь».

под небом из стали и цинка
согласная миропорядку
на фоне разбитого цирка
как гриб воплотилась палатка
наймитов берут по контракту
бликует фонтан у почтамта
и плесени трупные пятна
на прошлом твоём невозвратном
здесь голубь уже не знаменье
он только лишь призрак бесплотный
над общим висит безвременьем
беспочвенно и беспилотно



Алесь Топлавский
Брест

* * *

Ни Христа, ни пророков, ни Будды...
Лишь на сердце рубцы да следы
раскрещённых, расхристанных будней,
как предчувствие близкой беды.
Мне б, конечно, смеяться со всеми,
в ожидании праздной тусы,
наблюдать торопливое время,
бесконечно смотря на часы,
и брести в никуда январями,
полагаясь, как все, на авось...
Помолись за меня в этом храме
безутешных невидимых слёз!..
На пороге обещанной Пасхи,
где осталось – ребёнку сродни –
мне, как в детстве картинки-раскраски,
разрисовывать радостью дни...

Сон

Девочка милая, девочка-ветер!..
Спелым подсолнухом ночь на рассвете.
Даль полусонная. И не фасонно
чёрное с белым на жёлто-зелёном.
Палые листья – ненужная ветошь,
райские дни облетевшие с веток.
В тесном пространстве чужом, непогожем,
ты в этом платье на лето похожа.
Девочка милая, капелька света!
Что ты здесь делаешь в осени этой?
Что ты забыла здесь, солнышка лучик?
Я для тебя ненадёжный попутчик.
Я для твоих неподвластных величий
слишком неправильный и архаичный.
Время безжалостно и вероломно..
Девочка милая!.. Ты только сон мой...



Анна БЕРГЕР
(Бонн)

* * *

Пальчики сложила я
Белы локотки
Я умница красавица
Гляньте мужики
С виду вроде барышня
Хоть на трон
Но подниму в атаку я
Батальон
Я и тонким каблучком
По паркету цокаю
Но и батиным ружьём
Волка я ухлопаю
Подходи кто посмелей
Может счастье выпадет
Сомелье, вина налей
Ох ошибусь я в выборе
Мне б такого сильного
Хоть в огонь
Мне б такого нежного
Как любовь
Подходи кто не боится
Может счастье глянется
Может вам краса девица
В женушки достанется

Чёлн свой лёгкий правлю к краю.
Что осталось мне?
Корка хлеба, чашка чаю
И луна в окне.

Кто полон увяданья ароматом
И не был сердцем юн, когда был млад,
Тот, кто на склоне лет душою не богат,
Тот никогда не будет уж богатым.



Барджуд



Рената ВОЛЬФ

Дуйсбург

Любить по-французски

любить по-французски
 уходить по-английски
 жить по-русски
 страдать по-индийски
 порядок немецкий
 базар турецкий
 кофе марокканский
 сериал мексиканский
 массаж тайский
 ресторан китайский
 а дома бешбармак с борщом
 ну в общем песня ни о чем

В синем небе гуляют ветры,
 То затихнут, то вдруг проснутся.
 Между нами лежат километры
 И рукою не дотянуться...

Мчится, мчится по рельсам поезд,
 Стук колес и сердец слышен.
 Кто-то пишет мою повесть,
 Интересно, что там напишет...

Ничего страшного...

Кошка к ножке ластится,
Маленькое счастьеце,
Мягкое, пушистое,
Только время быстрое...

Припев:

*Ничего страшного,
Жили – не тужили,
Ничего страшного,
Помнили – забыли.
Ничего страшного,
Главное, чтоб важного,
Чтобы в жизни важного
Не упустили...*

Петелька за петелькой
Вяжем жизни кружево.
Не важно, чтоб заметили,
Важно – это нужно вам.

Припев

Годы как горошины,
Снегом припорошены.
Соберу все нужное
Ниткою жемчужною.

Припев

Я с тобою в дорогу отправлюсь

Я с тобою в дорогу отправлюсь
Может близко, а может далёко.
Знаю я, что я тебе нравлюсь
И мне не так одиноко.

Припев:

*То нам горестно,
То вдруг сладко,
То мы в гору,
То с горки, держись!
Странная это загадка
Под названием жизнь.*

Ты заботлив, тактичен, надёжен,
Я с тобой ничего не боюсь.
Отчего же ты так осторожен,
Видно думаешь, что разобьюсь.

Припев

Ночь укрылась зимней порошей
И куда меня поезд несёт?
Нас спасти ничего уж не сможет,
Может только любовь нас спасёт.

Припев

Татьяна ХОТИМСКАЯ

Эркрам

В Германию приехала из подмосковного города Люберцы. Училась на географическом факультете МГУ, работала в нескольких московских НИИ. Долгое время ходила в клуб Юры Томилина в Вуппертале. Песни начала писать уже будучи глубокой пенсионеркой, Юра меня всячески при этом поддерживал, спасибо ему, и светлая память. Мать дочери и бабушка двух внуков.

* * *

Когда кончался старый век,
то идиллические песни
ещё мы пели, и на Пресне
сверкал свежайший белый снег.
Не то чтоб счастье молодое,
не то, чтоб сладостный покой,
тогда нам грезилось такое –
как яблочко то наливное
на блюде с голубой каймой.
Арбат был не офонаревший –
троллейбус синий, ход неспешный.
Не как сейчас – наоборот –
по тротуару шёл народ.
Была Манежка без фонтанов,
без украшений, без причуд.
В Столешников спешили дамы:
что за эклеры были тут!
В кондитерской старинной, тесной,
мизинчик отведа прелестный,
девица кушала безе
воздушное, о, же ву зем!
И сладкой «Красною Москвою»
благоухало всё кругом.
Амбре витало над толпою,

и все мужчины под хмельком!
И так мешались ароматы:
вино, бензин, духи – дурман,
что не понять Восток ли, Запад
приедем из дальних стран.
Однообразная палитра –
цвет красный, лозунги: даёшь!
Ну что, французик, без пол-литра
ты в ихней жизни хрен поймёшь!
Мы сами мало понимали
подчас, в какой стране живём.
Мы Грина с жадностью читали
и о несбыточном мечтали –
как мы в сияющие дали
под алым парусом плывём.
Всё-всё оставим за кормою,
растает прошлогодний снег,
и своей светлой стороною
к нам повернётся новый век.
Век повернулся – зазнобило.
Эх, яблочко, куда, куда?
Над Старой площадью всходила,
погасла, вновь зажглась звезда.
Несут растерянные ветры
снов розовых далёкий дым...
И наши песенки бессмертны,
и путь наш неисповедим.
И наши песенки бессмертны,
и путь наш неисповедим.

Время песен, тревог, надежд...

Вечерами мы пили водку,
пели что-то там про Париж.
Кошки драли ночами глотки,
и валились сосульки с крыш.
Мы поёживались невольно.
Пел Кобзон: «я гляжу ей вслед...»
Но, посыпанный крупной солью,
уже таял вчерашний снег.
Маяковка, огни, поэты...
Время песен, тревог, надежд.
Кой-какие раскрыл секреты
знаменитый двадцатый съезд.
Не случилось. Чего-то ждали
настоящего. Не сбылось.
Что-то громко разоблачали,
но о чём-то и умолчали.
Тут оно и закончилось –
это времечко звонких песен,
горьких вздохов и сладких грёз.
Нам кафтан оказался тесен,
не по Сеньке шапка – и плесень
не замедлила пойти в рост.
А мы пили водку, и скулы
нам сводила порой тоска.
Как заманчиво жизнь блеснула
на мгновенье и как сладка
оказалась на вкус, но что-то,
что-то не отпускало нас.
Ой, на кой нам эта свобода,
коль маяк внутри нас угас.
Маяковка, огни, поэты...
Время песен, тревог, надежд.
Жаль, не все нам раскрыл секреты
знаменитый двадцатый съезд.

* * *

То синим, то красным горит Орион.
Неспешно сплетаются цепи созвездий.
Ещё Шереметьев в крестьянку влюблён,
ещё не пылают зловеще поместья.
И тянет ящик заунывный мотив,
а ветры играют иссохшей полынью.
Прошепчет седок благодарно: я жив.
Что ждёт его за бесконечною синью?..
Как медленно тянется русская жизнь,
но скорость стремительна на поворотах.
И крикнет отчаянно кто-то: держись!
И рухнет, не выдержав скорости, кто-то.
Отмоют Сенатскую площадь и снег,
запятнанный кровью, исчезнет как не был.
Притихнет Россия, и только нет-нет
шпицрутенов свист долетает до неба.
Однажды холодный погаснет закат,
и на небе звёзды займутся едва,
как тут же забьётся в горячке набат,
когда подождённая вспыхнет Москва.
Но только квартальный клинок обнажит,
оранжевой медью та сталь обернётся,
и, кажется, отблеск пожаров дрожит
в зеркальном клинке, а не светлое солнце.
Таких ли взалкала Россия мечей?
У Лобного места пока что безлюдно.
Ещё не призывали сюда палачей,
и вороны дремлют у стен неприступных.
Но ветер временами доносит: вжик-вжик.
Не старая в роще скрипит древесина,
а точит топор молчаливый мужик,
да ищет покрепче в чащобе осину.
То синим, то красным горит Орион.
Как медленно кружится ласковый пепел..
Ещё Шереметьев в крестьянку влюблён,
и лик его ясен, и день его светел.
И лик его ясен, и день его светел.

Коварство жёлтого металла,
жестокость сердца ледяного.
Им золота всегда так мало,
даже когда его так много.
Оно и светит им, и греет,
но сердце плавно остывает,
и постепенно леденеет,
и, как ни бейся, не растает.
Как гулко били барабаны,
бросались лихо в бой рубаки.
Шли латники на штурм тараном
от верной смерти в полушаге.
И золото в глаза им било,
и ослепляло солнце злое,
и беспокоился Ярила,
качал кудрявой головою.
Хлеба горели, дым стелился,
стенали матери и жёны.
И о победе сам молился тиран
в тиаре золочёной.
Греми, звени, металл презренный,
копейки стоит жизнь людская.
Красуйся, жёлтый, драгоценный,
победным пламенем сияя.
Питай тщеславие сатрапов
в помпезных вычурных чертогах.
Им золота всегда так мало,
даже когда его так много.
Ну, а о тех, кто в битвах пали,
поля телами выстилали,
напишет будущий прозаик
пристрастно и всерьёз.
И всем покажет Верещагин,
кисть, словно штык, в руке сжимая,
войны апофеоз.

Сергей ХОЛЕСНИКОВ

Крефельд

Сергей Колесников – 66 лет. Учился в Ленинграде в военном институте. Образование – физкультура и спорт. Офицер в запасе. В детстве учился в музыкальной школе (фортепиано), увлекаться музыкой в той или иной мере стал примерно с 12 лет, гитару осваивать после 19 лет. Свои стихи и песни начал писать довольно поздно, после 50 лет. Живёт с семьёй в Германии (город Крефельд) с 2004-го года. Иногда выступает на музыкальных фестивалях и тематических вечерах как автор-исполнитель.

* * *

Осенние поездки и круизы
Мелькают, как прошедшие года,
Уходят сквозь просроченные визы
Надолго или, может, навсегда.

Но память эта всё же остаётся,
Прощай уже прохладный океан,
И сердце в тишине спокойней бьётся,
Уйдёт тоска, как утренний туман.

А может, мы когда-то возвратимся
К далёким берегам своей мечты,
С проблемами до времени простимся,
и снова будем рядом – я и ты.

Менуэт в ми-миноре

Я слушаю не без улыбки
Кантаты осенних напевов,
Игру на расстроенной скрипке –
Холодного ветра припевы.

В гармонии зреют таланты,
А осень уже на подворье
Она и её музыканты
Всё время играют в миноре.

А ноты стекают по листьям
И там превращаются в капли.
Звучит менуэт моих мыслей,
Да руки немного озябли.

Лишь месяц в печальном оркестре
играет на клавиатуре.
Мне кажется, что этой песне
есть место в ночной партитуре.

Я слушаю не без улыбки
кантаты осенних напевов
Игру на расстроенной скрипке
Холодного ветра припевы.

Как жаль, что закончилось лето.
Поникли дизезы, бемоли
И где-то в тумане осеннем
Звучит менуэт в ми-миноре.

ОПТИМИСТ

Распухаю от веселья каждый день,
Всё неважное забыть – дребедень,
На работе любит шеф, как родной,
И в неделю просто так – выходной.

Есть здоровье у меня всем назло,
Денег куры не клюют – повезло,
При себе и наготове все слова,
Буду часто отдыхать – острова.

Понимают и жена, и друзья
Большого себе желать и нельзя.
Солнце, снег, мороз и дождь –
Во, погода!
Уважаю я любое время года.

И уже давным-давно всё ништяк!
У подъезда меня ждёт «Понтиак»,
Мысли вслух, наверно так, неспроста –
Буду жить и поживать лет до ста!

Наверху играют блюз-пианист.
Так бы слушал целый день – оптимист!

Слава ЖАРОВСКИЙ

Дюссельдорф

Я – полный автор, то есть, сам пишу стихи и музыку, и сам же исполняю мои песни. Написанием стихов увлёкся давно, ещё в школе, когда учительница предложила вместо сочинения написать стишок. Я решил, что стишок короче и... вот так всё и началось... Но моим Днём Поэта я считаю день, когда я написал тавтограмму:

Словом славлю Славы слово

Славно слово словно Слава

Я родился в Киеве в октябре 1959-го года, питая с детства любовь к книгам и театру (спасибо моим родителям!). Собственно, эта любовь и «надумила» меня взять в руки гитару и начать исполнять мои стихи под гитару. Вот так и живу по сей день...

* * *

Шоколад – первородный грех...
Не молчи, тебя ждёт успех.
Разбегись, оторвись... не стой...
Проведи по лицу рукой...
И судьбу приголубь,
не бей.
Жизнь с шампанским в бокал налей.
Никогда, ни о чем не жалея...
Пей...

24.11.2021

Поющий!

Мир с терновыми венками,
С гениями, с дураками...
Но с любовью хлеб дающий!
Поющий!

Ты, как отраженье мира:
часть чумы... участник пира...
набожный и... путы рвущий...
Поющий...

...Скорбь друзей... Толпа прохожих...
Ты – в гробу, как агнец божий...
Ангел, в рай тебя ведущий,
Поющий...

...Книг пожухлые страницы:
Разлетелись строфы-птицы...
Ты, в сердцах людей живущий...
Поющий!

25.06.2020

Пахнет сцена старой краской,
Месяц за окном сияет,
Нерассказанная сказка
В мягких па́дугах гуляет.

В костюмерной спят костюмы,
Спят усталые кулисы...
Дети ветреной фортуны,
Спят актёры и актрисы.

И причудливые тени
Пьес, что сыграны здесь были,
Бродят по скрипучей сцене
Вместе с шариками пыли.

В чем же та́инство, в чем сказка –
Дух волшебный лицедейства?
Что скрывает эта маска:
Добродетель иль злодейство?

Скупость, щедрость, радость, горе –
Чувства выпуклы и плоски!
Плещется людское море
О шершавые подмостки!

Царь, палач, трусишка, рыцарь
Принц и нищий простолюдин –
Узнаваемы их лица
В суете привычных буден...

Узнаваемы... И, все же,
Представленьё – это сказка.
Жизнь так часто корчит рожи,
А лицо скрывает маска!

* * *

Уходящего солнца лучи
Поджигают пожар на воде...
Океан говорит: «Помолчи».
Я молчу, спорить с ним не хочу...
Я молюсь восходящей звезде...

Губ гримаски привычны, легки.
Звука нет, звук сейчас ни к чему.
Строки сжаты, как пальцы руки,
Вижу свет! (В нем вопрос или ответ?)
Я в молитве моей не пойму.

День прошел, ну, а может быть, год...
На воде ловко скачет огонь...
Кто мне скажет, а что меня ждёт?
Звук фанфар, стон убитых гитар?
Красный? Черный? Серебряный конь?

Я представил: я – огненный луч!
Я скачу по шершавой воде...
«...умоляю Тебя, не мучь...»¹
Дай мне знак, сколько жить мне и как?
Я молюсь восходящей звезде...

15.09.2024

¹ Евангелие от Луки 8 стих 28.

Виктор БЭР

Кирские

Родился в 1954 году в Новосибирской области. С 1956 по 1999 годы жил в Казахстане в Алма-Атинской области. С 1999 года живу в Германии. По образованию техник-электрик. Имею музыкальное образование по классу баяна. На гитаре играю по слуху. В молодости играл в самодеятельных музыкальных ансамблях. Песни стал сочинять в начале 90-х годов. Есть несколько стихотворений.

Хозяйка маленького бара

Хозяйка маленького бара,
Хозяйка русского кафе,
Ты разреши мне взять гитару,
Развеять мысли в голове.

Я буду петь, а ты послушай,
Бокал полнее мне налей,
Я пред тобой раскрою душу
И станет на душе теплей.

Я буду петь про зимний вечер,
Про жёлтый дождик в сентябре,
Про то, как догорают свечи
И гаснут звёзды на заре.

И в недрах маленького бара
Слезой гитара запоёт,
И будет песней петь гитара,
И песней за душу возьмёт.

В чужом краю не так уж сладко –
Всё здесь не так и мы не те,
И на душе бывает гадко
В бездумной нашей суете.

Дни улетают резвой стайкой,
И всё не выскажешь в строфе...
Подлей-ка мне вина, моя хозяйка,
Хозяйка русского кафе.

Вот так с гитарою в обнимку
Мы просидим и час и два,
Прозрачный сумрак лёгкой дымкой
Коснётся нас уже едва.

Другой награды мне не надо,
Я для души нашёл причал,
Бывает нужно, чтобы рядом
С тобою кто-то помолчал.

Поставлю я гитару на пол,
Стряхну табак на рукаве,
И пред тобой сниму я шляпу,
Хозяйка русского кафе.

Песня про туалет, или Как найти счастье в Германии

Вот уже месяц я живу в Германии
Ем до отвала всё, что захочу
И вкус воды давно забыл из крана я
И марками за всё это плачу
И жаловаться не на что как будто
И ванна есть и тёплый туалет

Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет
Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет

Вот уже год как я живу в Германии
Машина Ауди и видик у меня
Был на квартиру в долгом ожидании
Теперь уже вторую поменял
И жаловаться не на что как будто
Весь в кафеле мой новый туалет

Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет
Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет

Вот уж лет пять как я живу в Германии
Купил себе я новое авто
Во Франции я был и был в Испании
Наездил по Европе тыщ так сто
И жаловаться не на что как будто
Хочу вот телевизор в туалет

Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет
Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет

Вот уж лет десять я живу в Германии
Построил себе дом в три этажа
И деньги вроде водятся в кармане
Построил для машин два гаража
И жаловаться не на что как будто
И в каждом гараже есть туалет

Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет
Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет

Уж лет пятнадцать я живу в Германии
Всё надоело в церковь стал ходить
И скрупулёзно я в святом писании
Пытаюсь смысл жизни находить
И жаловаться не на что как будто
Жаль Римский Папа не видал мой туалет

Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет
Но только почему-то но только почему-то
Но только почему-то счастья нет

Вот уж лет двадцать я живу в Германии
И наконец на свой вопрос нашёл ответ
Из стареньких дощечек я у себя построил
Скрипучий и щелястый туалет
И радости моей предела нету
И никого счастливей меня нет

Когда я со стола беру вчерашнюю газету
И захожу в любимый туалет
Когда я со стола беру вчерашнюю газету
И захожу в любимый туалет

§ *Зал переводчика* §



Надежда ДУНДЕ

Дингольфинг

Меня зима очаровала

Меня зима очаровала,
Давая повод злиться снам,
Сегодня я не ночевала,
Всю ночь бродила по лесам.
Я, не скрывая любопытства,
Тревожила уставший лес,
Смотрела, как дремали птицы,
Как осыпался с сосен блеск.
Как зло топорщились иголки,
Не пропуская чужака,
Как ветер голосом негромким
Сгонял на север облака.
Я лесу спела много песен
И говорила – он молчал,
Дремал – печален и чудесен –
И потому не отвечал.
Луна светила, слишком сонно
Теряя свой неясный свет,
А ночь разбуженная томно
Ждала свиданья. Шёл рассвет.

Winterzauber

Von Winterzauber ganz umfangen
Hab ich die Träume böß gemacht:
Ich bin heut´ nicht ins Bett gegangen,
Lief durch den Wald die ganze Nacht.
Ich kann dem Drang nicht widerstehen
Und stör´ den Wald, der Nachtruh´ hält.
Ich hab die Vögel schlafen sehen,
Und wie der Schnee von Tannen fällt.
Wie Nadeln ins Gesicht mir streifen,
Damit der Fremdling draußen bleibt,
Und wie der Wind mit leisem Pfeifen
Die Wolken Richtung Norden treibt.
Ich sang dem Wald so manche Lieder
Und sprach zu ihm, doch er blieb stumm,
Sank wundersam in Schwermut wieder.
Er träumte, sagte nichts darum.
Dem Mondlicht, müde und verhangen,
Der alte Glanz abhanden kam.
Die Nacht erwartet voll Verlangen
Ein Rendezvous. Der Morgen kam.

Übersetzung von Eva Rönnau

Отбеленный конверт

Беру в ладони солнца свет,
Кладу в отбеленный конверт.
Несу на почту под печать –
На письма надо отвечать.
Откроешь ты мой свет в ночи,
Им подожжешь фитиль свечи.
Увидишь в солнечном огне
Меня, стоящую в окне.
В проеме тихо и покой,
Как будто я стою с тобой.

Молитва

Проходит всё – и мы проходим,
В дожде плывем, как в пароходе:
Плывут в портретах люди, стоя,
И мы плывем с тобою – двое.

А вслед за нами внуки, дети –
Теперь они за мир в ответе,
Теперь они уже в пути,
За всё их, Господи, прости!

Der weisse Umschlag

Das Sonnenlicht in meinen Händen
will ich in weißem Umschlag senden,
damit es nicht umsonst geschienen –
weil Briefe Antworten verdienen.
Hörst du des Nachts mein Herz, das pocht?
wenn öffnest du mein Licht für dich,
entflammst damit den Kerzendocht
und siehst im Fensterrahmen mich?
Still sind das Fenster und die Tür,
es scheint mir, du stehst neben mir ...

Übersetzung von Max Schatz

Gebet

Wie alle sich stromab bewegen!
Gleich Schiffen schwimmen wir im Regen,
Inmitten tausender Gesichter –
Man schwimmt durch unsere Geschichte.
Und nach uns Kinder, Enkel schwimmen,
Die jetzt das Los der Welt bestimmen.
Ihr langer Zug kommt schon herbei.
Beschütze sie, oh Herr! Verzeih!

Übersetzung von Eva Rönnau

Переводы

Владимира АБЦЕНА

Dat du min Leevsten büst

(ein deutsches Volkslied auf Plattdeutsch)

Dat du min Leevsten büst,
dat du woll weeßt.
Kumm bi de Nacht,
kumm bi de Nacht,
segg wo du heeßt.

Kumm du üm Middernacht,
kumm du Klock een!
Vader slöpt,
Moder slöpt,
ick slap aleen.

Klopp an de Kammerdör,
fat an de Klink!
Vader meent,
Moder meent,
dat deit de Wind.

Kummt denn de Morgenstund,
kreiht de ol Hahn.
Leevster min,
Leevster min,
denn mößt du gahn!

Sachen den Gang henlank,
lies mit de Klink!
Vader meent,
Moder meent,
dat deit de Wind.

Что я люблю тебя
Немецкая народная песня
(с нижненемецкого)

Что я люблю тебя,
знаешь давно.
Ночью приходи
и прошепчи
имя в окно.

В небе среди ночки
светит Луна.
Спит мой отец,
матушка спит,
я сплю одна.

Ручки двери моей,
коснись, дружок.
Папа решит
мама решит,
то ветерок.

А запоёт петух
песню с утра,
ах, милый мой,
ох, милый мой,
значит – пора!

Если при выходе
щёлкнет замок,
Папа решит
мама решит,
то ветерок.

Из Марка ВАРШАВСКОГО
(1845–1907)

Я младшенькую выдал
(сидиш)

1

Круг пошире,
Я всех счастливей в мире,
Пляшите ночку напролёт,
Со мною Бог, мне так везёт,
Душа от радости поёт! –
Я младшенькую выдал. (24 раза)

2

Жёнка Ева,
Ты нынче королева,
ай, ай, ай, а я король,
Бог даровал нам эту роль,
нас, дочь, поцеловать изволь –
Я младшенькую выдал. (24 раза)

3

Мотл реб Шимес,
Фиш рыбу, вина, цимес,
Поставьте без обиняков
На стол беднейших бедняков,
Закон издревле наш таков –
Я младшенькую выдал. (24 раза)

4

Ицик-шмицик,
Скрипач ленивый Ицик,
Свой спящий разбуди бедлам,
Пусть оркестр сыграет нам
Так, чтобы струны пополам! –
Я младшенькую выдал. (2-4 раза)

5

Айзик-шмайзик,
Ты что стоишь, шлемазик?
Даже бабушка у нас,
Несмотря на поздний час,
Посмотри, пустилась в пляс –
Я младшенькую выдал. (2-4 раза)



Гефилъте фиш

(еврейская народная песня с идиш)

1

Турок очень любит сладкий кофе.
А поляку бигус подавай.
Украинец без борща не может.
Венгр жуёт гуляш под каравай.

2

Мамалыгу кушают румыны.
А какой грузин без шашлыка?
Что вкусней, спросите музыканта,
клеизмер скажет вам наверняка:
– Гефилъте фиш, гефилъте фиш, конечно!
Ну конечно, ну конечно – гефилъте фиш!

3

У гефилъте фиш сто тысяч вкусов,
эт вам не банальный бутерброд,
чудо-рыбу я у мамы кушал –
за минуту всю отправил в рот.

Кто про фиш гефилъте не проведал,
тот глупей последнего глупца!
Мы собрались дружно за обедом,
чтобы всей семьёй её отведать
под стаканчик доброго винца!
Гефилъте фиш, гефилъте фиш, конечно.
Это сказка, это сказка – гефилъте фиш!

19.09.2023.

Уточнено для печати

13.06.2025

Цветет төрен

(украинская народная песня)

Цветёт төрен, цветёт төрен,
А цвет опадает.
Кто с любовью не повенчан,
Тот горя не знает. | (2)

А я дева молодая
Горюшка хлебнула,
Я и ужин не доела,
И глаз не сомкнула. | (2)

Ой возьму я веретёнце
Сяду у оконца,
Ещё очи не дремали,
А уж всходит солнце. | (2)

Хоть дремлите, не дремлите –
всё равно не спится;
Улетел мой, сизый голубь
к новой голубице. | (2)

Цветёт төрен, цветёт төрен,
А цвет опадает.
Кто с любовью не повенчан,
Тот горя не знает. | (2)

Что ж ты не пришёл?

(украинская народная песня)

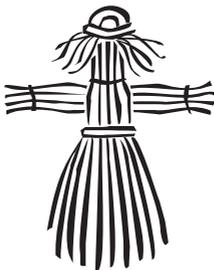
– Что ж ты не пришёл, как месяц взошёл,
Как я ожидала?
Не имел коня, позабыл меня,
Мать не отпускала?

– И мой конь со мной, и навек я твой,
И мать отпускала,
Младшая сестра, дура-егоза,
Седельце украла.

А старша сестра, седельце нашла,
Коня оседлала:

– Езжай, братик мой, ты к девчоночке,
К той, что ожидала.

– Течёт реченька-невеличенька –
Вмиг перескачу я.
Отдай же меня, моя матушка,
За кого хочу я.



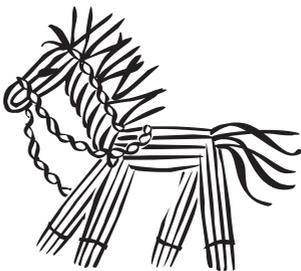
Отдала меня, моя матушка
За деда седого.
Наказала мне уважать его,
Так, как молодого.

Уважала год, уважала два,
третий не стерпела.
Обернулася лесной птахою,
В рощу улетела.

Стала в роще я землю поливать
Мелкими слезами.
Стала в роще я ветки обрывать
Белыми руками.

Прилетела в сад, стала куковать
В саду на калине,
Чтобы знали, как тяжело горевать
Горе на чужбине.

25.04.2022–07.06.2025



*Из Леонида ГАЛАЛАЯ
(1941-2012)
(с украинского)*

Один обнять, как брат, спешит,
В глазах другого яд и холод.
Лишь стоит тропку проложить –
Мир сразу надвое расколот.

Хотелось всё выпить
До капли вино мне,
Но больше расхлюпал
И расплескал...
Бокал – не виновен,
Судьба – не виновна,
То просто от счастья
Дрожала рука



Переводы

Хатарини ХУХАРЕНКО

Рютен

Из Тараса ШЕВЧЕНКО
(1814-1861)

Реве та стогне Дніпр широкий

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
Додолу верби гне високі,
Горами хвилю підійма.

І блідий місяць на ту пору,
Із хмари де-де виглядав,
Неначе човен в синім морі,
То виринав, то потопав.

Ще треті півні не співали,
Ніхто ніде не гомонів,
Сичі в гаю перекликались,
Та ясен раз у раз скрипів.

Taras SCHEWTSCHENKO
(1814–1861)

Es brüllt und stöhnt der Dnjepr, der Breite
(*aus dem Ukrainischen*)

Es brüllt und stöhnt der Dnjepr, der Breite.
Der böse Wind, der heftig dröhnt.
Zu Boden biegt er Weidenzweige
und Wellen schlägt er in die Höh'.

Der blasse Mond ist kaum zu sehen,
in Wolken dicht versteckt er ist,
und wie ein Boot auf hohen Seen,
taucht er mal ein, mal zeigt er sich.

Es ist die Nacht noch nicht vergangen.
Im Dorfe ist noch alles still.
Nur Eulen schreien weit im Walde,
und Eschenbäume knarren wild.

Из Норберта ЛОЙШНЕРА
(1948-2013)
(с немецкого)

Mit den Gedichten
ist es so
wie mit der Liebe

man tastet sich
ganz vorsichtig heran
um etwas
mit Worten zu beschreiben
was man
mit Worten wieder zerstören kann

es ist
als würde man
mit einem Meißel
kleine Schmetterlinge
entstehen lassen
die dann auch noch
fliegen sollen

Wenn du
einer verflossenen
Liebe nachtrauerst

und du sie dir
ins Gedächtnis zurückrufst
als würde sie noch leben

ist es genauso als würdest du
von einer stehengebliebenen Uhr
die Zeit ablesen wollen

* * *

Со стихами
Как с любовью:
На ощупь, очень осторожно,
Пытаемся что-то
Словами создать.

И так же словами
Нечаянно можно
Всё напрочь
Испортить
Или сломать.

Стихи –
Это если пытаться зубилом
Бабочек лёгких
Из скал вырубать,
В тихой надежде,
Что бабочки эти
Смогут свободно летать.

* * *

Тоска
о прошедшей любви
и желанье
её возвращения –
это ни что иное,
как считывать
время
с давно
остановившихся
часов.

Bloß weil du
die Schrift
der Spatzen
nicht lesen kannst

musst du
noch lange nicht
behaupten

es seien nur Fußstapfen
im Sand

Alle reden davon
was wir mit dem Geld
machen
aber wer redet schon davon
was das Geld mit uns
macht

wir arbeiten und singen
für Geld
wir betrügen und lieben
für Geld
wir töten und sterben
für Geld

leider sieht es eher so aus
als würde das Geld
mit uns mehr
machen
als wir mit ihm

* * *

Не стóбит,
только из-за того,
что
письмо воробьёв не знакомо тебе,

утверждать,

что это
всего лишь
их
следы на песке.

* * *

Все говорят кругом о том,
что можно предпринять
с деньгами,
но не задумался никто,
что деньги
могут сделать
с нами.

За деньги
мы поём, танцуем,
работаем за них и любим,
за деньги порой умираем,
но чаще –
других убиваем.

Похоже,
что деньги
творят больше с нами,
чем мы с деньгами.

Переводы
Сергея ЗУБКОВА

Володимир КОШКІН¹
(1936-2011)

Я народився тут, в моїй Україні.
Я є єврей – і не зречусь того.
І від Росії не зречусь – принаймні
Вона колиска розуму мого.

Ізраїль – то вітчизна моїх генів.
Україна – батьківщина мого тіла.
Росія – в серці, в мозку, у легенях
Назавжди свій відбиток залишила.

І отже трьох батьків я маю – три народи,
Що рівной мірою споріднені мені.
Я їх не зраджу. Навіть при нагоді,
Якщо засперечаються вони.

Боронь нас, Боже, від такого лиха!
Але якщо судився вже двобій,
Не буду я відсиджуватись тихо,
Бо біль всіх трьох – мій особистий біль

Устану я поміж ворожі клани –
Зірвіть на мені лють свою усю!
Російський я єврей в моїй Україні –
В мене стріляйте – я вас всіх люблю.

1995

¹Володимир Мойсейович Кошкін (Харків) – радянський і український фізик, доктор фізико-математичних наук, професор, завідувач кафедри фізичної хімії НТУ «ХП». Лауреат Державної премії України (2001). Автор понад 200 оглядів статей і винаходів, трьох книжок з фізики та трьох збірок віршів.

Из Владимира КОШКИНА¹
(1936-2011)
(с украинского)

* * *

Родился я в любимой Украине,
Пусть и евреем, ну и что с того?
Но я не отрекусь и от России –
От колыбели духа моего.

В Израиле – мои единоверцы,
В Украине – я увидел белый свет,
Но и Россия в голове и в сердце,
И в лёгких положила вечный след.

Внутри меня гнездятся три природы,
Которые мне поровну нужны,
Я не предаю ни одного народа,
Когда дойдёт однажды до вражды.

Храни нас, Боже, от такого горя,
Но если не удастся без войны,
Я не уеду прятаться за горы,
Ведь в этой бойне часть моей вины.

Я встану между вами как преграда,
Последняя – перед погильею:
Вот вам еврей, стреляйте, если надо,
Я вас, ослепших, всё равно люблю.

¹ Владимир Моисеевич Кошкин (Харьков) – советский и украинский физик, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физической химии НТУ «ХПИ». Лауреат Государственной премии Украины (2001). Автор более 200 обзоров статей и изобретений, трёх книг по физике и трёх сборников стихов.

Владимир АБЦЕН

Притча

Давным-давно в одном из сёл,
в каком не назову,
стоял на привязи осёл
и мирно ел траву.

Шёл мимо бес – исчадье зла,
вместилище грехов,
он взял и отвязал осла,
рыгнул и был таков.

Осёл – он тот ещё урод,
ему сам чёрт не брат,
залез в соседский огород
и лопал всё подряд.

Хозяйка, видя тот урон,
обида не снесла,
осла огрела топором –
и нетушки осла.

Сей факт хозяина осла
ужасно разозлил,
он снял ружьё и два ствола
в соседку разрядил.

Взъярилась мужнина душа,
стал свет ему не мил,
и он в ответ из калаша
соседа завалил.

Из Владимира АВЦЕНА

Притча
(с русского)

В одному з селищ, де бував,
Точніше – не назву,
Віслик на прив'язі стояв
І мирно їв траву.

Йшов тут диявол здалека,
З мішком людських гріхів
Звільнів сумного віслика,
Блимнув і був такий.

Віслик це майстер із майстрів,
Йому сам чорт не брат,
Заліз сусідам у пристрій
Та жер там все підряд.

Газдиня на шкоду таку
Образи не знесла,
Знесла довбешку віслику –
Нема тепер осла.

Вісличий власник, як з іскри,
Такого не стерпів,
Він зняв рушницю зі стіни
Та в пані розрядив.

Подружня затремтить душа,
Йому немилий світ,
натиснув трохи калаша –
Тепер помер сусід

Почил папаша вечным сном,
а дети – два юнца –
сожгли дотла убийцы дом
в отместку за отца.

Сосед, узрев сгоревший кров,
воскликнул «караул!»
и в дверь детишкам (кровь за кровь)
гранату зашвырнул.

Рыдмя рыдает всё село
у вырытых могил:
– Зачем ты, бес, такое зло
над нами учинил?

– Уймите свой базар-вокзал! –
лукавый им сказал. –
Осла я только отвязал,
я только отвязал...

19.10.2023



Спочив він вічним сном умент,
а два молодика –
спалили хату вбивці вщент
на помсту за батька.

Помітивши згорілий кров,
Бідося не змигнув:
у двері діткам (кров за кров!)
гранатою жбурнув.

Ридма ридає все село
Біля нових могил:
За що ти, біс, посіяв зло
Та з нами це зробив?

– Вгамуйте свій базар-вокзал! –
лукавий їм сказав. –
Осла я тільки відв'язав,
я тільки відв'язав...



*Heinrich SEIDEL*¹
(1842 – 1906)

* * *

April, April,
der weiß nicht was er will!
Mal Regen und mal Sonnenschein,
dann schneit's auch wieder zwischendrein.
April, April,
der weiß nicht was er will!

Nun seht, nun seht,
wie's wieder stürmt und weht,
und jetzt, oh weh, oh weh!
da fällt schon wieder dicker Schnee.
April, April,
der weiß nicht was er will!

¹ Ein bedeutender deutscher Ingenieur und Schriftsteller.

Из Генриха ЗАЙДЕЛЯ¹
(1842 – 1906)
(с немецкого)

Апрель пришёл
и что-то хочет,
Не полагаясь на меню:
То солнце рыжее щекочет,
То дождь идёт сто раз на дню,
То поменяются местами,
То опрокинутся в мольберт,
То снег валит, и тащим сани,
Как говорится, на десерт.
То мокрым ветром
щёки бреет,
То в небе радугой горит,
То заморозит, то согреет,
То отрезвляет, то пьянит!

З Генриха ЗАЙДЕЛЯ¹
(1842 – 1906)
(з німецької)

До нас прийшов
мінливий квітень,
Та щось бажає особливе:
Чи то спекоту – втіху дітям,
Чи то дощі, щоб затопило,
Чи то шалене градобіття,
Лапатий сніг, білим-біло,
Щоб перефарбувати миті
Того, що соромно було?
Чи то він дроздиком співає,
Чи куркою нерадо квокче...
Ото ж гадаю, та й гадаю,
Та не вгадаю, що він хоче?!

¹ Выдающийся немецкий инженер и писатель.

¹ Видатний німецький інженер і письменник.

*Размышления на разных языках:
Сергей ЗУБКОВ
На русском языке*

* * *

Я спросил у командира батальона:
А жива ли санитарочка Алёна?
Не с картины Васнецова, не лошадка,
Та, что сладкою была, как шоколадка.

Та, что на́ ухо шептала и тащила:
«Хоть безногий, настоящий ты мужчина,
Вот когда до медсанбата доберёмся,
то с тобою мы тогда и разберёмся».

Не просил я промедола и подмоги,
Я хотел забрать с собою свои ноги,
Что легли, как с запятою запятая,
Сухожилия в ромашки заплетая.

По дороге я орал и матерился,
Ад кромешный наступил или приснился,
Но Алёна только в губы целовала,
Чтобы мне хоть ненадолго легче стало...

Я живой, я на протезах, я вернулся,
Чтобы враг моею кровью захлебнулся!

Я не верю командиру батальона,
Что погибла санитарочка Алёна...

На українском языке

* * *

Запитав я командира батальйону:
– Чи жива ще рятувальниця Альона?
Не з картини Васнецова, та не шапка –
Що солодкою була, як шоколадка!

Що на вухо шепотіла та тягнула:
– Хоч без ніг ти, а мене снага пригнула,
Ось коли до лікарів доберемося,
Та тоді з тобою і розберемося.

Не жадав я промедолу та підмоги,
Я хотів лише забрати свої ноги,
Що лягли, як після речення дві коми,
Заблукавши у ромашках, нерухомі.

По дорозі матюкався та молився,
Чи то пекло, чи останній сон приснився,
Та Альона тільки губи цілувала,
Щоб мені хоч не надовго легше стало...

Я живий, я на протезах повернувся,
Аби ж ворог злою кров'ю захлинувся!

Я не вірю командирі батальйона,
Що загинула рятувальниця Альона...

Три грусти на трёх языках

Посвящается Павлу ЦЕЛАНУ, великому поэту, меланхолическая лирика которого и навеяла мне эту «грусть на трёх языках», а также с благодарностью Ирине Артёменко, Томасу Деяк и моей дочери Марии за оказанную помощь.

На немецком

Warum bin ich nur heut so traurig?
Warum sind auch die Frühlingsblumen nutzlos?
Ins Düstere zieht 's mich sehr gewaltig,
Diese knarrende Stille macht mich bewusstlos!

Wo ist das schlummernde Versteck der Träume,
Welche in Vergessenheit geraten,
Dass sie tückische Wurzeln schlagen so wie Bäume,
Die unsren Schritten folgen und sich selbst verraten?

Hiermit soll mich die Welt vernehmen,
Denn alle sollen mich in Ruhe lassen
Und die Götter sollen Wein ausgeben,
Der noch nicht getrunken wurde, von den Massen!

На украинском

Чому мені сьогодні сумно,
Неначе всі весняні квіти
Перетворились в чорні думи
І линуть, линуть з «того світу»,

Де сплять нездійснені бажання,
Мій пошук, подив, мої мрії...
Зверну лише одне прохання
До Діви Божої – Марії:

Я не житець на сьому світі,
Шукай мене тепер в Раю.
Вино, що я не встиг допити,
Я всім без жалю віддаю!

На русском

* * *

Зачем же мне сегодня грустно?
Зачем весенний первоцвет
Вдруг превратился в чёрный сгусток
И тянет, тянет на «тот свет»,

Где спят забытые желанья,
Мечты, сюрпризы, пробы сил,
И мой вопрос, что на прощанье,
У Божьей Матери спросил.

Пора бежать от мыслей душных,
Ведь Рай открыт уже давно.
Разлейте, боги, для послушных
Мной недопитое вино!


 Любить
 пересмешника...
 



Леонид КАПЛАН

Кёльн

О ВЛАСТИ

Власть отвратительна, как руки брадобрея...

О. Мандельштам

Взаимоотношения человека и власти во многом посвящена знаменитая китайская «Книга перемен», за которую я несколько раз брался, но безнадежно застревал на первых страницах.

Со временем, однако, одолеть собираюсь.

А до этого момента вне конкуренции с Великой Китайской Книгой, я попытаюсь разобраться в этой проблеме на примере личной жизни, тем более что за долгие годы пережил в системах этой власти немало изменений. Как больших, так и поменьше. В микроэлектронике, геодезии и других областях есть понятие «реперные знаки». Некие точки отсчёта. В переводе с французского «репер» – это исходная точка, знак.

В каждой жизни есть такие события, условные «реперные знаки», которые существенно влияют на изменение нашего мировоззрения, на взаимоотношения человека с властью.

Попытаюсь отыскать эти знаки и я в своей длинной жизни.

Родился я в городе Львове, 24 мая 1945 года и первые семь-восемь лет серьёзных личных взаимоотношений с данной мне (нам) властью не припоминаю. Что я к ней, что она ко мне относились индифферентно, т. е. попросту друг друга не замечали.

Первое реальное столкновение с властью имело несколько комический характер, хотя и могло иметь весьма печальные последствия. Всю свою жизнь я пуще огня избегал общественной деятельности. Но в классе четвёртом-пятом меня как отличника неожиданно засунули в нелепую пионерскую структуру под названием «совет дружины». Я отлынивал от любых поручений, проваливал общественные задания, и в конце концов мне доверили чисто церемониальную обязанность знаменосца. Обязанности мои были весьма необременительны, и моими услугами пользовались нечасто, исключительно по большим праздникам, в которых участвовала вся дружина. Вынос знамени дружины. Ну и занос, естественно, обратно.

Одним из главных подобных мероприятий был приём в пионеры.

Он происходил всегда в годовщину рождения В. И. Ленина в музее его имени, который располагался в красивейшем дворце XIX века в самом центре города, неподалёку от оперного театра.

Церемония проходила в просторном зале-галерее с дубовыми паркетными полами и широкими окнами, прикрытыми белыми шёлковыми шторами с пышными кистями. С высоченных потолков на мощных медных цепях свисали огромные люстры с хрустальными гирляндами и светильниками. Располагались они на высоте около двух с половиной метров от пола.

Вдоль галереи, со стороны окон, выстроилась пионерская дружина – несколько отрядов по 20-25 пионеров в каждом.

Напротив пионеров, на расстоянии пяти-шести метров, цепью стояли октябрята, и на их вытянутых руках лежали отглаженные пионерские галстуки.

На торжественном мероприятии присутствовали руководство школы, учителя и высокое начальство в лице представителей городских комитетов Комсомола и Компартии Украины.

Под сводами зала торжественно разнёсся произнесённый в микрофон призыв: «Пионеры! К борьбе за дело Ленина-Партии! Будьте готовы!»!

В ответ прозвучало безоговорочно и хором: «всегда готовы»!

Удовлетворённый ответом, старший пионервожатый дружины расправил плечи, вздохнул и раскатисто, медленно, с многозначительной паузой перед каждым словом отдал команду:

«Дружина!.. Равняйсь!.. Смирно!.. Знамя пионерской дружины школы номер 35... И затем ликующе и с повышением голоса – «вынести»!

Наступал мой час.

Всё это время мы переживали за широкой двустворчатой, украшенной резьбой деревянной дверью.

Мы – это я с огромным, почти двухметровой высоты, красным знаменем, увенчанным металлическим шпилем, своей каплеобразной формой выражающим, вероятно, огонь наших сердец; две симпатичные девочки-ассистентки, державшие руки в пионерском салюте; два барабанщика и горнист.

Рядом стоял завхоз школы, который, услышав команду, торжественно распахнул створки двери и впустил процессию в зал. Абсолютно языческое религиозное представление...

В прошлом году на аналогичном мероприятии я уже носил своё знамя (чуть не написал «свой крест», его я тоже носил, но это отдельная история). Но за год я подрос, окреп и, гордо подняв на вытянутых руках свой стяг, ринулся в зал.

Ассистентки с пионерским салютом взволнованно дышали мне в спину, барабанщики строго в такт выбивали: «старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал. Он проснулся, перевернулся, всех буржуев разогнал».

Дело немного портил горнист.

Кто-нибудь из вас пробовал извлечь из музыкального инструмента под названием «горн пионерский» нечто, имеющее отношение к музыке?

А этот горнист ростом был невысок, полноват, и еле успевал за мной, несущимся, как в атаку, с высоко поднятым знаменем. И на полном ходу играл громко, но, как бы помягче сказать, невразумительно.

В этом составе, под такое музыкальное сопровождение, возглавляемый мною боевой отряд на крейсерской скорости врезался в первую люстру.

То есть я ё...л со всего разгона знаменем по этому старинному осветительному прибору. Провёл металлическим наконечником по всем хрустальным висюлькам от начала до конца.

Висящая на здоровенной медной цепи люстра начала угрожающе раскачиваться, мелодично позванивая всеми своими хрусталиками.

В зале затихли. Девушки что-то прошептали мне в спину. Барабанщики сбились с единого ритма.

И только я, охваченный патриотическим порывом («в борьбе за дело...»), ничего не слыша и не видя, нёсся вперёд, готовый не столько к смерти, сколько желая посмертной славы.

Меня поддерживал маленький горнист. Всё внимание он сосредоточил на попытках не отстать, продолжить сложную игру на своём горне и не замечал надвигающейся катастрофы.

Через пять метров с той же яростью я врезался во вторую люстру.

Среди пионеров пробежал смешок. Руководство и октябрюта потрясенно притихли. Не знаю, может, малыши, предполагали, что так задумано по сценарию? Люстра зашаталась, как и первая, но с несколько иной частотой и амплитудой. Некоторые особо легкомысленные пионеры засмеялись громче. Ассистентки, не зная, что предпринять, неслись за мной и тыкали мне в спину левой рукой. Правая оставалась в пионерском салюте.

Когда я треснул точно так же по третьей люстре, по пионерским рядам прокатилась волна смеха, октябрюта заулыбались, а на лицах руководства появилось выражение ужаса.

А я, ничего не замечая, в полной прострации, нанёс особо мощный заключительный удар по четвёртой люстре, занял

положенное мне место за председателем совета дружины, опустил знамя, слегка шлёпнув им по полу, и успокоился.

Все люстры продолжали раскачиваться и печально позванивать.

Первый барабанщик прекратил стучать в свой барабан на уровне третьей люстры. Второй – в промежутке между третьей и четвёртой.

Один лишь горнист «допел свою песнь до конца», пришёл в себя, огляделся, издал последний душераздирающий вопль и замолк.

Ассистентки опустили головы, вперив глаза в пол, но салют держали.

Я, неудачливый знаменосец, наконец-то осознал размеры катастрофы и стоял бледный, тупо глядя на болтающиеся ещё люстры, словно стараясь взглядом остановить их грозное раскачивание.

Пионеры (гады!) плакали от смеха.

Серьёзное политическое мероприятие было на грани срыва.

...Судили меня на общем собрании учителей, совета дружины и представителей вышестоящих организаций.

На основной задаваемый мне вопрос: «зачем ты это сделал?» – я говорил правду, но она их не устраивала. Конечно, будь это лет на пять раньше, всё было бы проще: японо-английский шпион, рыл подземный ход, сионистский заговор и т.д. А так: спокойный, тихий, не дерётся, не курит (!), отличник. В действиях, порочащих высокое звание ... – не замечен. Стоял вопрос об исключении из пионеров, но такого громкого скандала никто не хотел. И, выгнав меня за дверь, в решении записали: «заболел». Интересно, какой диагноз поставили мне в протоколе?

Для себя я принял следующее решение (мой первый «реперный знак»): политикой можно интересоваться, но активных действий и прямого в ней участия избегать.

Александр ЭМЕЛЬЯНОВ

Подчёркиваем...

*Начинаю я стареть. Может статься,
Память роется в замках и ключах.
Раньше каждый отличал ленинградца
По особому дворянству в речах.*

*На вопрос «Вы ленинградец?» извечно,
Чуть поправив коверкот на плече,
Отвечал я с лёгким шиком: «Конечно»,
При ответе, подчеркнув букву «ч».*

Евгений Пальцев

Начинаю я стареть. Боже правый!
Чем занять мозги на старости лет?
И вот тут-то мне подкинул забаву
Ленинградского разлива поэт.

В пылком поиске собратьев по крови,
Чтоб причастностью к элите блеснуть,
Букву «ч» искал поэт в каждом слове,
Дабы с шиком эту «ч» подчеркнуть.

Я немножечко раздвину границы,
Ведь не зря же утверждает молва,
Что безмерно пол-России гордится,
Напирая в разговоре на «а».

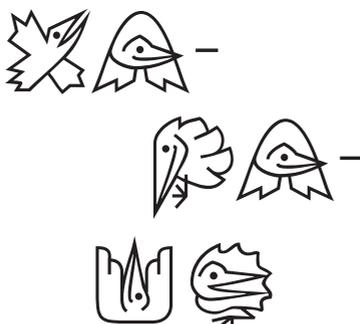
А вторая половина активно
Буквой «о» грешит без всяческих мер
И чихать им на французов противных,
Исковеркавших вконец букву «р».

Я спросил грузина простосердечно:
 «Расскажи мне, дорогой, в двух словах,
 Хорошо ли быть грузином?» «Конечно!»,-
 Он ответил, подчеркнув букву «вах».

Украинец, закусив сало хлебом,
 Дёрнув стопку и добавив ещё,
 Благодушно так спросил: «Що вам трэба?»,
 При вопросе подчеркнув букву «що».

Пусть кому-то буква душу согреет!
 Каждый выделить свой клан норовит.
 При таком раскладе могут евреи
 Подчеркнуть, пожалуй, весь алфавит.

Будет весело, как в детской считалке.
 Элитарность – просто блажь, ерунда.
 Разбирайте, люди, буквы, не жалко,
 Хватит всем, не надо драк, господа!



Юрий КОСИНЦЕВ

ПРЫЖОК С САМОВАРОМ

Цирковое представление подходило к концу.

Программу завершал знаменитый акробатический ансамбль с подкидными досками.

Всё шло прекрасно. Акробаты проделывали свои рекордные трюки, зрители с удовольствием хлопали в ладоши.

У артистов настроение было приподнятое – их ожидал проходной.

Почти все трюки были исполнены, оставался финальный трюк – колонна из четырёх человек.

В цирке этот трюк называют фирка.

Но перед фиркой акробаты должны были проделать проженький трюк.

На плечи акробата, стоящего внизу, сделав сальто с подкидной доски, с самоваром в руках должен был опуститься другой акробат.

Трюк, как говорят в цирке, зрелищный, но для таких артистов мирового уровня – проходной. Но, выкрутив сальто, акробат неудачно встал в плечи партнёра.

Тот качнулся... и оба артиста упали. Поднявшись с ковра, акробаты снисходительно развели руками, мол, так себе, лёгкая шутка, которую они специально разыграли, чтобы повеселить публику. И сейчас-то они легко исправят ошибку.

Подготовившись к новому прыжку, акробат, стоящий на подкидной доске, весело подмигнул зрителям и легко скрутив сальто... выронил самовар из рук. Его партнёр, увидев летящий на него огромный самовар, отпрянул в сторону, и акробаты вновь упали. На этот раз, артисты уже не могли скрыть своего разочарования. Напряжение нарастало. Виновные стреляли взглядами в сторону нахмурившегося руководителя номера.

Зрители поняли: произошёл сбой. Участники ансамбля, как могли, подбадривали поникших неудачников.

Прыгнув в третий раз, акробат от чрезмерного старания, перекрутил сальто настолько, что упал спиной на партнёра, который, пытаясь его удержать за майку, буквально натянул её акробату на голову.

Назревала буря!

К манежу сбежались артисты других номеров, буфетчицы, продавщицы мороженого, униформисты, даже безразличные ко всему конюхи, нервно стряхивая с себя солому, испуганно глядели в манеж. Бордовый, плохо скрывающий за деревянной улыбкой ярость, руководитель номера, взмахом руки остановил обалдевший от долгой игры оркестр.

В зловещей тишине было слышно, как на улице, с другой стороны площади, звякнул отъезжающий трамвай. Бледные акробаты встали наизготовку. Дрожащему от напряжения артисту подали самовар. Отбивальщики подкидной доски нервно ждали команду. Наступили секунды тягостного ожидания. Что-то будет?! В этот самый момент, когда нервы у артистов и зрителей дошли до предела, в боковом проходе появился толстый мальчик, лет шести – сын акробата, стоящего с самоваром.

Истинный цирковой ребёнок – дитя кулис, он, подойдя к самому барьеру, обращаясь к отцу, стоящему на доске, громко на весь цирк сказал:

– Пап, я какать хочу!..

Цирк взорвался! Случилась так знакомая актёрам неодолимая, неукротимая, неостановимая смеховая истерика. Зрители смеялись так, что на конюшне лошади вскочили на дыбы.

Оркестр в полном составе сполз от смеха на колени. В манеже, обхватив животы, катались акробаты. Держась за бока, с выпученными глазами, чуть не умирая от хохота, ведущий с пятой попытки, истекая слезами, объявил:

– Ко-ко-нец про-про-г-г-ра-ммы.

Владимир АБЦЕН

Океанарий

Акула

У акулы отвратительный нрав,
в сто ножей щербатая пасть.
Тот, кто шутит с акулой, – не прав:
Очень запросто можно пропасть.
Приучить не пытайтесь – умрёт.
Дело не в дефиците движения:
снисхождения, как унижения,
эта гордая тварь не снесёт.

Угри

В норе электрический угорь
свой век коротает без друга.
Угри хоть и очень тоскуют,
друг к другу ходить не рискуют:
боятся до заикания
короткого замыкания.

Кит

Трудно быть большим и добрым
да к тому же, если юн:
так и жди, вонзится в рёбра
ловко пущенный гарпун.
И потащат к месту лобному
по закону естества
очень маленькие, злобные,
но в душе – китоподобные
существа.

Пиранья

Очертания тараньи,
зубы – щучьим не чета.
Рыбки малые пираньи
не боятся ни черта.
Налетают, как пираты,
Рвут безжалостно мяса.
В речку сунешься к пираньям –
обглодают в полчаса.
Но в аквариумной чаше
не узнаешь твари сей:
благочиннее монашек,
безобидней карасей.
Неразгаданная тайна
кажет рожу из воды...
Чудо перевоспитанья?
Лицемерия плоды?

Осьминог

Недоволен судьбой осьминог:
– Мало мне, – говорит, – восьми ног,
строит мне, – говорит, – козни Рок,
мне б ещё, – говорит, – восемь рук!
Кабы мне восемь рук, восемь ног,
я тогда б – ого-го! – чего смог:
был тогда я почти что как Бог...
От меня бы никто не убёт!

Черепаха

Среди бурь, и штормов,
и кораблекрушений
жить с умом –
значит вовремя втягивать шею.
От акульих зубов
и от прочих напастей
мне защита – судьбой
предназначенный панцирь.
Но, беда, из меня
суп наварист и вкусен.
Бесполезна броня,
если повар искусен.



Наталья ЖИРШ

Кёльн

Жири Наталья Евгеньевна. Родилась в 1954 году в Киеве. Там же выросла и прожила всю жизнь. Образование высшее музыкальное. Фортепиано, орган.

46 лет работала преподавателем в Детской музыкальной школе.

Параллельно была ведущей праздников и семейных торжеств. Также участвовала в многочисленных кино и телепроектах в качестве актрисы. В творческом активе песни, пьесы, сценарии, роман, новеллы,

рассказы и стихи. Многие мои произведения стали победителями литературных конкурсов. В настоящее время я актриса театра «Мы» и концертмейстер Кукольного театра Еврейского культурного центра.

Я – счастливая мама двух детей и бабушка трёх внуков.

Последние три года живу в Кёльне.

ЗЛАЯ СКАЗКА. НЕ ДЕТСКАЯ

Жили-были старик со своею старухой у самого синего моря. И был старик настолько бестолковый, что не мог выдолбить из бревна новое корыто. И приходилось Бабке стирать его вонючие портки в треснувшем корыте. Да и рыбак Дедка был не очень: сети у него вечно не штопаные, лодчонка такая же, как и корыто. В общем дурень старый. Хотя и молодым он был таким же.

Ну вот. Приходит он как-то с рыбалки с пустыми руками, а Бабка ему: «Что, дескать, кушать то будем?». (Вот язва старая!). А Дедка брехать был горазд, и давай он ей заливать про Золотую рыбку. Я, дескать, попросил у Золотой рыбки для тебя золотое, тьфу, блин, не золотое – новое! – корыто. А Бабка ему: ты бы ума себе попросил, а корыто сам сделал! (Ну вечно она, блин, всем недовольна!).

В общем позвала старуха Жучку, Кота с цепи золотой сняла, Мышку позвала (внучки у них не было, а дедка уже на печь улёгся – не сдвинешь), пошла с такой бригадой в огород и вытянула репку. Напарила той репы и поставила остывать на окошко. А Дед такой радостный: «Вот, дескать, а ты говорила, что кушать нечего!», – и прыг с печи, как молодой.

Репка лежит на окошке: остывает, пахнет... А тут и Волк из лесу пришёл – слюни пускает, а за ним и Мишка, и Зайка подтянулись, и Лиса из-за дуба выглядывает, а Кот аж застыл на своей цепи.

Дед подошёл к окну и как гаркнет: «Вон пошли! Дармоеды! Шантрапа! Не Колобок, блин, это! Нет у нас сусеков и закромов Родины тоже нет!». Взял репку и поставил на стол. Глядь на Бабку, – а та сидит улыба-а-ется. Вот, думает, защитник какой-никакой в доме, хоть и не добытчик... О новом корыте мечтает...

«Дедк, а Дедк! А какое ты корыто попросил? На сколько килограмм? А отжим там 800 оборотов, или 1000?». «Ты чё, блин, дура, што ли?», – рассердился Дедка, «Электричество год как за долги отрезали, а ей обороты подавай!».

Вот так они до вечера потихоньку грызлись, поругивались, шпыняли друг друга. Всё, как всегда. Тут и ночь пришла.

Дедка дождался пока Бабка уверенно захрапела и потихоньку вышел из избени. Он ещё утром надумал, что делать. Дело в том, что неподалёку от стариков, жили довольно-таки справные хозяева, и Дедка давно заметил у них под водосточной трубой оцинкованное корыто. Они, блин, дождевую воду собирали. Мало им из скважины! Куркули, блин, чёртовы!

Взял Дедка своё старое корыто в охапку и заковылял, посмеиваясь, к соседям. Смешно ему было оттого, что он представлял себе, как соседи утром проснутся, а под трубой треснувшее деревянное корыто и на стене надпись: «Чёрная кошка!». Тфу, блин, не «Чёрная кошка», а «Золотая рыбка!».

Во переполох то буде-ет!

Но за Дедкой увязалась Жучка. Уж он её отгонял-отгонял, и кричал ей «Домой, блин, домой!», и ногами на неё топал. А она ни в какую: бежит за ним, блин, как привязанная.

Короче: только возле самого соседского дома Жучка поняла, какую дурь Дедка задумал, и тогда молвила она ему человеческим голосом: «Не надо, старик, менять корыта. Это ж всё равно, что подпись свою поставить. Сразу обо всём догадаются! Просто сопри ихнее корыто, а я видеокамеру нейтрализую».

Почесал Дед заскорузлым ногтем в своём кудлатом затылке и подумал: «Блин! И правда...». Так Жучка спасла старика от тюрьмы второй раз. (Про первый будет далее).

В общем, перегрызла Жучка кабель видеокамеры, и Дед спокойно себе унёс новое корыто.

Тяжело ему было на обратном пути переть сразу оба корыта. Но ничего – справился. Старое корыто поставил во дворе, где и было, а новое занёс в хату. Утром разыграл радость: вот, дескать, – не зря я Рыбку то Золотую отпустил! А Бабке наказал строго настрого: на улицу корыто не выносить, а то, блин, сопрут ещё, глядишь!

А Бабка возле корыта только что не танцует от радости! Это ж в нём и капусты можно наквасить, и Дедку зимой искупать, и рыбку засолить, которую Дедка теперь обязательно наловит! На таких радостях до самого вечера Бабка Дедку не шпыняла и не критиковала, а ему того и надо: отцепилась, блин, наконец, старая ведьма!

Днём явились соседи – где, мол, наше корыто? А?

Дедка их в хату не пустил, вышел на крыльцо и хотел сказать: «Знать не знаю, ведать не ведаю», а вырвалось у него невольное: «Вы не обеспечили сохранность своего имущества, оставили его без присмотра. Чего же вы теперь хотите?». Дедка то ведь всю свою жизнь проработал участковым, и такие формулировки у него были отточены до автоматизма.

С тем соседи и отправились восвояси.

Дедка дал им вдогонку дулю, а сам глядь на Бабку: поняла, что к чему, али нет?

А Бабка снова улыба-а-ется: ишь шалун! Какие словеса то вспомнил! Эх, и лихой был! Шустрый! Своё никогда не упустил!

На следующее утро оказалось, что репа кончилась, а кушать, блин, хочется...

Не стал Дедка ждать пока Бабка матюгами его на рыбалку погонит, (отвыкать от них стал за эти два дня), взял свой старый, блин, дырявый невод и пошёл к самому синему морю. Сел на песочек и размечтался: вот, даст бог, овдовею и женюсь на молодой да богатой... шоб было ей годков пятьдесят, не боле... да шоб пенсия тыщ пять... да шоб избень у ней была, блин, с ремонтом... О, точно! Щас я старухе про новую избу как задвину, – она и онемееет!

Взял старик свой дурацкий невод, да и выкинул его подальше в море. А толку с него, блин, вообще?! Невод обречённо пошёл ко дну, а Дедка бодрой походкой победителя отправился домой.

А старуха у окошка как раз брови рисовала. Увидела Дедку и аж замерла: ни улова, ни невода, а ножками семенит и не спотыкается! Как так?

– Старуха! Эй, старуха! Новость то у меня, блин, какая! – кричал старик ещё издалека.

– Мы теперь в хоромах жить будем! Рыбка то, хоть, блин, и золотая, а дурё-о-ха! Слышь, обратно в невод попалась! Я её грю: ну всё, голубушка! Пожал-те на сковороду! Она мне и то обещала, и это... А я стал на своём: хоромы нам! Мы всю жизнь ишачили да горбатились – неужели не заслужили, блин, пожить на старости лет в палатах царских?!

– Дык... а к палатам то царским покушать чего-нибудь не попросил? – растерянно сказала Бабка. (Вот змея!). Не успела она это молвить, как в дверь громко постучал почтальон Печкин.

Приход Печкина никогда не сулил ничего хорошего: то повестку какую-то принесёт, то счёт. А хуже всего реклама про Багамы. Путешествуйте, мол, блин, со скидкой! Сплошная соль на раны!

Дедка кабанчиком метнулся под стол – спрятался, а Бабка замерла с карандашом в руке (она так и не покрасила брови).

– Ну, вот: с вас чекушка, – сказал Печкин и торжественно положил на стол большой белый конверт.

– Какая чекушка, какая чекушка? – запричитала Бабка тоненьким голоском, чай не знаешь скорбей наших? Последнее яичко Мышка хвостиком разбила!

– Да ладно! Курка то каждый день несётся? А мышке, – етить твою! – хвостик отрубать – и дело с концом!

Пока они так себе пререкались, у Дедки под столом сильно, блин, затекли ноги. Выйти то он боялся: кто его знает, что там Печкин принёс? И вспомнил тут Дедка про подпол, люк в который находился как раз под столом. Отодвинул Дедка тихонько пыльный половичок, открыл люк и шмыг вниз. А внизу у Дедки был целый бункер – там хранилось всё самое дорогое: самогонный аппарат (ещё дедка нашего Дедки им баловался), старинный лук и стрелы (спёр их Дедка когда-то в музее, когда их, милицейских курсантов, туда строем водили), икона Божьей Матери (Бабкино приданое), дембельская гитара, исписанная сослуживцами ну, и всякое такое, милое и дорогое сердцу Дедки, которое, блин, обязательно рано или поздно пригодится. Было там и съестное на чёрный день: 20 металлических банок советской тушёнки, залитых солидолом (это Дедке когда-то сухпай выдавали, а он экономил), несколько ящичков картошки и каких-то овощей, которые испускали такой духан, что голова кружилась и опознать их было уже невозможно.

Вдохнул бедный Дедка полной грудью этот воздух, и родилась у него шальная мысль: спереть у Печкина его велосипед! Так, блин! – ну, ради хохмы!

Отодвинул он своей могучей рукой ящики с овощами и открыл дверь в потайной проход, другой конец которого выходил как раз на крыльцо избы под ступени. Бодренько, шустренько, проворненько выскочил Дедка на крыльцо, схватил велосипед, запихнул его в свою нору и был таков.

И как раз вовремя! Потому, что сразу же на крыльце появился разгневанный Печкин: ему так и не удалось, – етить твою! – ничего вытрясти из Бабки. Чертыхаясь и матюгаясь, он сердито зашагал по тропинке в тёмный лес, с досады совсем забыв про свой велосипед.

А на ветвях сидела Русалка и всё это видела.

Пять дней лежал большой белый конверт, принесенный Печкиным, у Дедки с Бабкой на едовом столе.

Дедки эти дни дома не было: он метнулся в дальний рай-центр и продал там велосипед Печкина. Туда ехал на этом самом велосипеде, а назад – автостопом. Никому не платил, а просился проехать за песни. Песен он знал великое множество и все похабные, неприличные. В общем, его несколько раз высаживали из семейных автомобилей, хоть и смеялись.

Но главным подвигом Дедки было то, что он, блин, как зажал в кулаке 100 лукомолларов, вырученных за велосипед, так ни копейки и не потратил. Много раз предвкушал он, как потрясённая Бабка, увидев на столе купюру, сомлеет, а очнувшись, кинется наливать, блин, ему – своему герою законные 100 грамм.

И вот: трезвый, пыльный и усталый входит Дедка в свою избу и со смаком кладёт 100 лукомолларов на стол. А на столе белый конверт, из-за которого вся его одиссея пятидневная и началась. Нераспечатанный до сих пор, блин, что ж такое!

А Бабка глазками то хлоп-хлоп. Дедки ж то дома пять дён не было, она ж то думала не вернётся уж, – услышал Боженька её молитвы! – а тут на тебе: явился! И деньги краденые предъявляет. Что ж тут делать то? Как реагировать, чтоб по шеям же-ш не получить?

– Ты чё, Бабк, конверт не распечатала? Читать, блин, што ль разучилась?

– Да... думала обратно сектанты, али депутаты какие за Христа агитируют...

Наконец письмо вскрыто:

«С радостью сообщаем Вам, что на месте Вашей убитой халупы будет возведен современный жилищный комплекс, в котором Вы, вместо своей рухляди, получите современные роскошные апартаменты со всеми удобствами общим метражом в 20 метров квадратных и с видовым балконом в полтора квадратных метра. Тут Вы сможете жить долго и счастливо и

ежедневно творить молитвы за здоровье застройщиков в храме, расположенном тут же на закрытой территории жилищного комплекса, охраняемого подразделением специально обученного персонала. Также на территории комплекса предусмотрен подземный паркинг для Вашего авто, бассейн, кино-театр, спа салон, ресторан и прочая, и прочая, и прочая для Вашего отдыха и развития!».

– Рыбка Зо-о-ло-та-а-я!!! – возопила Бабка. Взгляд её лихорадочно шарил по углам хаты, – хотелось бить поклоны земные и кричать, крестясь: «Слава ж тебе, господи!», но единственная икона трухлявела в подполе, поэтому вся Бабкина истовая радость выплеснулась на Дедку.

– Дедка! Да неужели ж я дожила, неужели ж дождалась то?!

– Ну, вот видишь... Не прижми я тогда ефтую Репку, тьфу, блин, не Репку, – Рыбку! – ничего и не было бы, – степенно произнёс Дедка, а Бабка в экстазе чуть не рухнула перед ним на колени, да вовремя опомнилась и по привычке съязвила:

– Ой! И чем же это ты яе прижал? Прижималка-то давно скисла!

Хотел Дедка дать ей, блин, кренделей за такую наглость, да Жучка перебила:

– Что за кипиш? – спросила она, хотя содержание письма знала раньше Дедки с Бабкой, (просто понюхала сумку Печки-на), однако надеялась услышать от стариков: мы, мол, дескать, тебя в квартиру с собой заберём, не забудем, мол, твоей службы верной!

Но нет! На Жучку только топнули в четыре ноги: «Пшла вон!».

...И вспомнилась Жучке её не такая давняя лихая молодость, когда она, чтоб спасти Дедку от тюрьмы, покусала Ямелю.

Про Ямелю давно шла дурная слава, что всё под ним ёрзает да ходуном ходит. Так вот: явился как-то Ямеля к старикам в гости. Они давай на стол собирать, – родственник же какой-никакой хоть и дальний, а он, блин, шасть на печь – она и поехала!

Ах, ты ж растудить твою! Дедка сбросил Ямелю наземь, да и прошёлся пару раз по рылу его наглому кулаком, а Ямеля того и ждал: опа! – иск о тяжких телесных. Грамотный, подлец! На адвоката как раз наемни выучился!

Ну вот идёт себе Ямеля на освидетельствование, гордый такой, синяки свои несёт, бабло в уме подсчитывает, которое с Дедки собьёт, а тут Жучка, – как из-под земли выросла! – и покусала его поверх синяков, оставленных дедкиными кулаками! С собаки какой спрос? Ну, пожурили старика за то, что, собака без поводка и намордника... А побоев как бы и не было вовсе!

Прогнав Жучку, Бабка всё ж таки налила Дедке 100 грамм, да и сама на радостях выпила.

Короче: заснули они в тот вечер обнявшись.

А Русалка... Ах, милая Русалка!.. Она слыла «тургеневской барышней». Застенчивая и молчаливая она не знала, как признаться Печкину в своей любви. Иногда душистыми летними ночами, когда она спускалась с дуба в сине море, чтоб поплескаться с глянцевыми дельфинами и полакомиться перламутровыми рапанами, исповедовалась она тихонько Золотой Рыбке. А та, искрясь блестящими плавниками в лунной дорожке, давала ей ценные советы, которые Русалке совсем не подходили.

«Я не Татьяна Ларина... Да и что хорошего у неё вышло?», – отвечала она Рыбке.

Один только совет она пробовала исполнять: метала с высоты в Печкина желудями. Вот и тогда, когда она увидела, как Дедка спёр у Печкина велосипед, она бросила в проходящего под дубом пешего и раздосадованного Печкина прошлогодним желудем и, наконец, попала! Раньше такого никогда не случалось: ведь Печкин слишком быстро проезжал на своём велосипеде. Но теперь, получив желудем по голове, он сердито почесал макушку и посмотрел вверх. Русалка не готова была к такому успеху и смущенно растворилась в кружевных тенях родного дуба...

– От, етить твою! – небось, белки шалят! – буркнул Печкин. – Раньше их тут что-то вовсе не было... Куда Кот смотрит?!

И только поздно вечером, когда Печкин дремал перед телевизором под «Изауру», до него дошло, что это могла быть та самая Белка, которая швыряется изумрудами и, заодно, вспомнил Печкин про свой забытый у стариков велосипед. «От етить твою!», – горько вздохнул он.

За окнами было уже совсем темно, вернуть велосипед невозможно, и Печкин заснул в слезах.

Утром следующего дня старики проснулись от страшного шума: пучина морская разверзлась, и из синя моря вышли с бодрой строевой песней тридцать три богатыря во главе с князем фон-Гвидоном.

Дедка с Бабкой прилипли к окнам, а молодцы направились прямо к ихней избушке. Не прерывая боевой богатырской песни, они быстро и деловито переставили под дуб старое корыто и жучкину будку вместе с Жучкой внутри.

«Владимирский централ – ветер северный!», – и застиранные тряпки стариков оказались в больших чёрных мешках.

«Этапом из Твери – зла немерено...», – и мешки уже под дубом.

«Лежит на сердце тяжкий груз», – и вся нехитрая начинка избы там же.

«Хотя я банковал, – жизнь разменяна», – и Дедка с Бабкой сидят под дубом верхом на куче своего барахла и, выпучившись, тупо глазеют, как их избень раскатывают по брёвнышку.

«Но не «очко» обычно губит, а к одиннадцати туз», – бульдозер, возникший так же из синя моря, завершил работу.

– А как же апартаменты?! – очнулась Бабка.

– Обязательно будут! – с трудом оторвав взгляд от Русалки, ответил фон-Гвидон, – вот построим – и будут!

«Там под окном «зека», проталина тонка», – постепенно затихала песня вместе с уходящими в синю даль богатырями.

«И всё ж ты недолга, моя весна», – уже еле слышно.

«Я радуюсь, что здесь хоть это-то, но есть», – фон-Гвидон отстал от строя и, даже, сбился с шага – всё смотрел на Русалку, а Русалка, не мигая смотрела на фон-Гвидона своими предательскими зелёными глазами...

«Как мне твоя любовь нужна!» – окончательно растаяла песня...

Растерянным, уставшим старикам ничего не оставалось, как вздремнуть чуток...

Сон им снился одинаковый: как Золотая Рыбка коронует бабку в Воры в законе, объявляет её Первой Леди, ну и всякий такой бред быстрой фазы сна. Только Бабка во сне плакала, а Дедка смеялся.

Днём явились соседи и выдернули из-под Бабки новое корыто. Уходя, они громко колотили о днище корыта и показывали старикам язык.

– Дедк! Дык это же ш? – недоумённо уставилась Бабка на Дедку.

Дедка спросонья протёр глаза, оглядел Бабку и перекрестился:

– Слава Богу! Ну и, примстится ж, блин, такое!

Дедка, даже, хотел поцеловать свою Бабку на радостях, что она не Царица Морская, – тьфу! – не Первая Леди, как во сне, да вовремя опомнился: зазнается ещё, блин, поди!

Пока Дедка с Бабкой смотрели свои сны, перед ними, – (в аккурат напротив дуба), чудесным образом вырос зелёный забор, прошедший как раз посередине дедкобабкиной территории, которая, впрочем, была весьма условна, так как никогда не была очерчена изгородью.

Лениво потягиваясь и позёвывая, как будто ничего и не случилось, вышла из будки Жучка и начала что-то заинтересованно раскапывать. Копала она не долго: прямо под тонким слоем песочка и щепочек, показался тот самый лаз в подпол, который раньше находился под крыльцом. Оказалось, что, когда рушили избу, никто и не заприметил дедкиного схрона!

Дедка огляделся и понял, что второй вход в подпол, – тот, что был в избе под столом, оказался как раз по другую сторону зелёного забора. Вот оно чё, блин! Прямо подземный ход на вражескую территорию! И ночевать тапера есть где!

Дедка аж вскочил от такого восторга, но сработала старая ментовская закваска: он сообразил, что все вокруг, – Кот Учёный, Курочка Ряба, Мышка, Лиса, Волк, Мишка, Зайка, – вся, блин, дармоедская братия выкупит его с пол оборота и сдаст аж бегом с потрохами!

А такое дело надо держать в тайне: зальют всё бетоном, – и будь здоров! Иди ночуй в сине, блин, море! И, самое страшное: могут сказать, что у него есть жильё, и квартира ему не положена!

Короче: дождались старики темноты и тихохонько на цыпочках спустились в свой подвал. Переночевали там с горем пополам и рано-рано до рассвета выползли назад и снова вообразились на свои пожитки, будто и не сходили вовсе с них.

А на ветвях сидела Русалка и всё это видела...

С первыми лучами солнца море разверзлось и снова вышли из него тридцать три богатыря во главе с фон-Гвидоном. Песня у них в этот раз была другая, трудная, не очень ещё впеята:

«Я куплю тебе дом (топ, топ), у пруда (топ, топ), в Лукоморье», – твёрдой, ритмичной поступью подошли они к зелёному забору и развернули плакаты.

«И тебя приведу (топ, топ), в этот собстве-е-енный дом», – тут Дедка чуть не утонул в горькой досаде: вспомнил свою молодость, блин, армейскую и так захотелось ему, – эх! – быть в этом плотном строю...

«Заведу голубей (топ, топ), и с тобой (топ, топ), и с любо-о-вью-у-у», – плечом к плечу раскачивались богатыри.

«Мы посадим сирень (4 раза топ), под (топ), окном», – Бабка не дышала и не моргала: залюбовалась статными молодцами. Ох, и ребята же! Рыжие да нахальные!

Русалка на дубе повисла вниз головой, зацепившись за ветви своим раздвоенным хвостом. Одной рукой она отодвигала Кота, глазевшего на дивное зрелище, а другую уже приготовила для дружеского помахивания фон-Гвидону, когда встретятся они взглядами...

«А белый лебедь на пруду...», – вот тут песню пришлось прервать потому, что перед богатырями взорвалась петарда и из дыма и шума инициировался застройщик Дядька Черномор. Плотный, невысокий, солидный себе такой...

Богатыри тут же начали скандировать начертанное на плакатах:

«Долой незаконную застройку! Не отдадим рекреационную зону! Сохраним уникальное побережье!» – ну и всякую такую лабуду, как обычно.

Вперёд выступил фон-Гвидон и взял Черномора за грудки: «А ну предъявите-ка активистам все разрешительные документы!!!».

«Герой! Герой!» – ликовала Русалка. «...Печкин? А что Печкин? Таракан усатый!», – рассмеялась она, расслышав мысли Золотой Рыбки. «Всего лишь увлечение, мираж, фантазия...».

Через полчаса отчаянных торгов фон-Гвидон получил толстый конверт документов этих самых и объявил своим витязям: завтра утром друженько, с улыбкой выходим на работу. Сюда. За этот забор. И не опаздывать мне!».

«Ур-ра!!!» – прогремело над морем.

Три дня искал Дедка своё место в новой жизни: перво-наперво взял дембельскую гитару, сел в переходе и сразу пошёл с козыря:

«Она была портнихой и шила гладью.

Потом пошла на сцену и стала...».

Разные человеки равнодушно спешили мимо него на свои нескончаемые стрелки. Никто и не думал бросить Дедке денежку в засаленный картуз. Его дремучие матюги не работали:

молодое платежеспособное население давно уже не просто разговаривало на этом новоязе, – оно на нём думало.

«Ладно! – решил Дедка, – а вот, вам, блин, куплеты Шарикова!».

Уже на втором куплете Дедка заметил пристальное к себе внимание двух гопников, жующих шаурму за киоском. И не так к себе, как к своему картузу: туда Дедка положил пятёрочку для приманки.

«Пора сматываться!», – подумала Жучка, которая, как всегда, увязалась за Дедкой.

«Блин! И правда...», – согласился Дедка.

На второй день Дедка раздавал на улице рекламные листовки. Это гиблое дело быстро ему наскучило, и он забрал пачку листовок домой, – ну, заместо туалетной бумаги. Так заказчик, – блин! – с ним не расплатился!

На третий день Дедка тупо сидел у синя моря и размышлял как, блин, достать из него утопший невод?

Вернувшись домой он застал Бабку под дубом у костерочка: она варила мивину и вовсю улыбалась экскурсии, топтавшейся возле неё. Заспанная экскурсовод помятым голосом равнодушно докладывала: «Вот Бабка – типичный представитель обманутых инвесторов. Вот дуб. На дубе Русалка».

Русалка приветливо помахала экскурсантам хвостиком и мило улыбнулась: экскурсовод оплачивала ей эту любезность.

Куча барахла под дубом за эти три дня почти растаяла: шантрапа и дармоеды окрестные потихоньку тырили, что могли.

В полдень четвёртого дня явился Ямеля. Оказалось, что он адвокат кампании застройщика и, всё простив, приглашает Дедку работать на стройке ночным сторожем. Тем более, что у Дедки есть собака!

Надо сказать, что Дедка ещё в первую ночь обследовал территорию за забором: шпионерить там, блин, пока, было нечего.

Но теперь, услышав предложение Ямели, он вспомнил, как при совке на стройки наведывались по ночам за цементом,

кирпичами, обоями... И главным человеком в такой ситуации был, конечно же, ночной сторож! Вот удача, блин, так удача!

«Дедк! Не соглашайся! Это подлая провокация!», – отчаянно лаяла Жучка.

«Цыц, неугомонная! Много ты, блин, понимаешь!».

«Жадность подавила в Дедке ментовскую чуйку», – обомлела Жучка.

Да не так прост был наш Дедка...

Под вечер возле дуба возник Черномор. Он достал бутылку шампанского и поманил к себе пальцем Русалку.

– Я не просто застройщик и бизнесмен, я – ещё и известный продюсер и вижу Вас актрисой в шоу-программе своего ресторана, – приступил он прямо к делу.

– Ресторан будет располагаться вокруг дуба – ни один листик, ни одна веточка с него не упадёт. Это будет мой эксклюзив, – ворковал он.

– Ваша роль – приветливо махать гостям хвостиком. Я уверен – Вы справитесь! С меня гарантия полной Вашей неприкосновенности, (сами знаете, ресторан – место скользкое), и, конечно, трёхразовое питание вместе с персоналом ресторана. Что ж, закрепим договор шампанским!

Шампанское бурлило, сердце Русалки аж шкварчало...

«Ах, милая Рыбка! Неужели я так ветрена и легкомысленна? Возможны ли такие метания у благородной девицы?», – поздним вечером открывала душу Русалка своей зачатой подруге.

«Ты, наконец-то, начала познавать себя! Может ты и ветрена, и легкомысленна... И что? Ты имеешь право быть собой и не оглядываться на мнение окружающих, ты должна жить для себя, а не для призрачной и шаткой репутации», – прищурившись вещала Рыбка, прозорливо глядя в синю даль. (Она как раз получила Международный сертификат за онлайн-экспресс-курсы по прикладной психологии).

«Ну вот: Печкин, – продолжала Рыбка, – это первый, робкий твой шаг в познании себя, как личности. Гвидон – углублённое изучение истинных желаний. И, наконец, Черномор – это зрелый и осознанный выбор человека, познавшего весь спектр чувств, приобретшего глубокий эмоциональный опыт», – добивала Рыбка Русалку.

Вполдень у дуба появился фон-Гвидон, но не один, а с какой-то торжественной дамой. Не долго вглядывалась она в крону дуба, не долго заслоняла мелкие глазки ладошкой от солнца...

– Сынок! – пробасила дама фон-Гвидону, не вынимая сигаретку изо рта – она тебе не пара. Разве станет порядочная девушка красить волосы в зелёный цвет?

– Но мам... – робко выдохнул сын и как-то виновато, прощально посмотрел на Русалку, пожал плечами, развёл руками...

С тем и удалились они под шум моря, сильно штормившего в тот день.

А у Русалки сразу отлегло от сердца: «Как славно всё разрешилось!».

Утром следующего дня вокруг дуба уже стоял роскошный ресторан. Изумительные стеклянные конструкции в форме гигантской чешуи окутывали дуб и пространство вокруг него так, что Русалка на дубе становилась центром всей композиции. Между стеклянными элементами были промежутки для свободного прохождения воздуха, и благодаря этому в зал доносился сдержанный шум моря, а над дубом и вовсе не было крыши, и звёзды заглядывали в изумрудный полумрак зала. При этом стеклянная чешуя висела в воздухе, ни на что не опираясь, и постичь на чём всё это держится было невозможно. Казалось, что архитектор отменил гравитацию.

По залу бесшумно сновали официанты, наряженные в костюмы фантастических рептилий и насекомых.

Бабку взяли в ресторан мыть посуду и выдали ей силиконовые перчатки.

Дедка в тот же день без лишних проволочек приступил к охране объекта. Поскольку настоящее ружьё ему никто давать не собирался, Дедка мобилизовал свой, украденный когда-то в музее лук и стрелы (А вы говорите – хлам! Всё, блин, пригодится когда-нибудь!)

Перво-наперво обошёл он периметр и пересчитал все камеры видеонаблюдения. Их было немного: по две у двух ворот и ещё четыре смотрели с четырёх сторон на стройку. А стойка росла, блин, как на дрожжах... Ну или как в сказке.

В полдень ожидаемо явился Ямеля и пошёл напрямки: так и так, мол, Дедка. Я тебя, мол, устроил на самую ключевую должность – пора, мол, и отработать такой фарт! Нынче же ночью унитаз мне подгони!

Русалка расцвела: её зелёные волосы развевались в лунном ветре, её глаза освещали своим шальным светом весь ресторан. Элегантно и аристократично помахивала она хвостом входящим гостям и по-японски церемонно кланялась уходящим.

Одна беда мучила её: Черномор не оказывал ей никаких интимных знаков внимания. Он ей, вроде, и улыбался, и ручку целовал, и спрашивал всем ли она довольна, но не видел в ней женщину, а русалочья любовь от такого официоза только разгоралась.

Золотая Рыбка советовала: стань ему полезной, будь его боевой подругой. «Но как?» – недоумевала Русалка. «Жизнь каждому даёт шанс. Непусти его!», – вещала загадками Рыбка.

К вечеру Ямеля собрал у зелёных ворот целую команду: в засаде сидела полицейская опергруппа и тьма корреспондентов. В кустах стоял замаскированный киносъёмочный фургон «Пэтриот».

Напрасно они не спали всю ночь, напрасно Ямеля предвкушал свой триумф: арест Дедки, грандиозный скандал в СМИ,

и он – Ямеля, – блюстител, разоблачитель и правдоборец! – в главной роли. Дедка так и не появился до рассвета.

Когда измученная опергруппа и журналисты, прокляв Ямелю, удалились ни с чем, Ямеля, наконец-то, узрел Дедку: тот как ни в чём, дремал поодаль.

Ямеля ринулся к Дедке:

– Ты, чё, балбес старый, кидануть меня решил?

– Гнилой базар, – зевнул Дедка, – вот твой унитаз.

И правда: рядом с Дедкой стоял не просто унитаз с бачком, а целая инсталляция и все необходимые к нему причиндалы: трубочки, гаечки-винтики и прочая дребедень.

Ошарашенный Ямеля онемел. Его план провалился и сказать нечего...

– А как же?.. – Ямеля даже матюги забыл.

– Дык... Блин! Рыбка то Золотая заступница!

Как вы уже догадались, ушлый дедка, просчитав трёхходовку Ямели, затащил спёртый унитаз в свою нору на территории стройки, а вытащил его уже за забором. И никаких камер, блин, видеонаблюдения, и должок оплачен!

А вот когда Дедка в предрассветной мгле вытаскивал свою добычу на свет божий, Русалка, сидя на ветвях, всё это сняла на свой новенький айфончик... «Вот он – шанс, о котором говорила Золотая Рыбка!», – и прямиком отправила своё эксклюзивное видео дорогому Черномору...

Господи! Чего только не сделает женщина ради любви!

Итого:

Дедка получил три года. Бабке дали тоже три года, но условно – за недонесение.

Как пенсионера МВД, отбывать Дедку отправили на ментовскую зону. Там он сделал блестящую карьеру: был избран старостой камеры, вёл свой блог в соцсетях и руководил художественной самодеятельностью. Любимой песней осуждённых ментов была «Гоп-стоп! Мы подошли из-за угла». Партию

«Гоп-стоп» по традиции исполняли соискатели условно-досрочного.

Черномор оказался не зверь: дал Бабке обещанную квартиру в 20 метров квадратных в новострое. Бабка туда первым пустила Кота, а потом и сама торжественно вошла с венчальной иконой наперевес (пригодилось же ш таки её приданое!). С Дедкой быстренько взяла развод: зачем же ей статус жены зэка? А, если что, то обратно же ш можно быстренько расписаться!

Дедка, получив известие о разводе, усмехнулся: вот откинься и женись, – блин! – на Русалке. Непременно, блин, женись!

Жучка осталась жить на дворе – сторожить схрон.

Печкин потерял работу: вся переписка граждан – газеты, журналы и, даже, пенсии, – етить твою! – ушли в электронку.

Золотая Рыбка открыла частную Академию психологии и процветает.

Дармоедская братия, – Лиса, Зайка, Курочка Ряба и прочая виртуальная шантрапа пасутся вокруг ресторана.

Русалка до сих пор ищет своё счастье...

КОНЕЦ

Хотя...

Будут новости – напишу.

Июнь 2021 года

Евгений ОБУХОВ

Романы ужасов

Вот поставлена точка
И – хоть плачь, хоть вопи –
Капитанская дочка
Замерзает в степи.

А у Лариных – хуже,
Про любовь-то не врут:
От немилого мужа
Таня бросилась в пруд.

И Каренин неожиданно
Дуба дал, потому
Что гулящая Анна
Возвернулась к нему.

А Печорин споткнулся,
Выходя на дуэль.
И Обломов загнулся,
Продавивши постель.

А Наташа Ростова,
В сердце радость держа,
Полетела с шестого
Невзначай этажа.

И в горящую избу
На глазах у людей
Бросил бедную Лизу
Стенька Разин, злодей.

Путешественник Чацкий
Сгинул в дальних местах...

Так могло бы случаться,
Быть у всех на устах.

Мы вершили бы тризну
По героям сейчас...
Но – спасибо царизму,
Что сберёг их и спас!

* * *

– Осень, как живёшь?
– Кленово!
Все пишу пейзаж простой,
добавляя краски новой
в колер ясно-золотой.
– А в заботах?
– Журавлиность,
устремлённость в неизбежность,
и пунктиров птичьих клиность,
голосов прощальных нежность.
– А в душе твоей?
– Узоры,
да по ветру паутина,
зачарованные взоры,
золотой багет картины.
– А на сердце?
– Плеск Онего,
острова как брызги краски...
И предощущенье снега,
и предощущенье сказки.
– А в глазах твоих?
– Оконце:
голубой обрывок неба
и листва – кусочком солнца
облетающая в небыль.

Как бы...

Как бы хочешь быть счастливым.
Как бы труд семи потов.
Как бы честный, бережливый.
Как бы будь всегда готов.

Как бы ты любви достоин.
Как бы орден на груди.
Как бы вор, но как бы воин.
Как бы знамя впереди.

Как бы платят все налоги.
Как бы ох ты, гой еси!
Как бы Кремль, и как бы боги.
Как бы счастье на Руси!

*Лёд
и пламень*



Наши Пушкины

Евгений ОБУХОВ

ПУШКИН СТАРЛЕЙ

тост

Фигасе: Пушкин у них, видите ли, «бедняжечка»! И чинами-то его обошли, и лично царь во всё написанное лез и вычитывал на предмет жуткой цензуры...

А по мне, так любые факты в сравнении познаются. Будущий Наше Всё вышел из лица в 1817 году, ну точно в том возрасте, в каком я спустя 154 года советскую школу окончил. И получил Александр Сергеевич сразу чин коллежского секретаря. Это, на минуточку, по-нынешнему по-армейскому старший лейтенант. Я вон эти три звёздочки только к тридцати годам отхрюпал, когда по призыву в Заполярье два года долг родине отдавал. А он сразу! И не в Заполярье! Это сейчас в России, конечно, любая деваха в двадцать с небольшим может благодаря министерству обороны генералом стать. Ну, то есть, не так уж, чтоб совсем любая, и не совсем уже деваха, но – может же... А в моё советское время старлей в самом зачатке призывного возраста – это огого, вещь практически невозможная!

Дальше Солнце Нашей Поэзии не очень-то и служил. То есть, почти совсем не служил. Отчего лишь около тридцати поимел придворное звание камер-юнкера, по-нашему капитана. Давайте честно: не так уж и плохо, если не служить-то. И сам – капитан, в госархивах по своим интересам копается, денежка жалования капает, и жена покамест на балах во дворце танцует.

Теперь про цензуру. Надо ж опять по-современному взглянуть. Вот, к примеру, пишет скромница и умница, не станем этого автора по имени называть, всяко разное в прозе, а это всяко у него, допустим (ну, только допустим!) вперворядь ис-

ключительно Владимир Путин читает. А, каково?! Ну, или поэтов настоящих теперешних взять – светлой памяти Сергея Сатина либо светлой дружбы Андрея Мурая да Юрия Викторова. Взять их, например, и поместить в ситуацию:

– Алё, Ново-Огарёво? Это беспокоит поэт Юрий Викторо...

– Да уж узнали, Юрий Викторович, узнали! Соединяем.

– Ага, слушаю вас.

– Владимир Владимирович, ну чего ж вы? Прочитали мою подборку-то новую? Обещали ведь к седьмому.

– Ой, Юрочка, замотался совсем. Саммиты эти, санкции, с Аллой Борисовной морока... Ну, не серчай – вечером брошу всё и прочту.

– Ладно, на связи.

То есть, конечно, про нашего президента это у меня полная добрая фантазия. Но я же не про занятость руководителя, а про уровень указанные стихи читающего, чтобы понятно...

Так, значит, и Пушкин. В его времена не то, что сейчас в интернете – цензура была у всех. И вот он – поэт... да, поэт. А цензор у него лично сам царь. Ничегосе так на секундочку!

А представьте, кинул бы ему царь в начале 1830-х, например, с барского плеча вместо камер-юнкера какого-нибудь шталмейстера. И что бы это был за шталмейстер Пушкин?! Загнали бы современники! «Ах, генерал, не пристало вам в таком чине с дворовыми девками по овинам-то!.. Мон шер, генераль, опять вы в компании разномастных бывших лицеистов с „Вдовой Клико“ расшалились!.. Ваше превосходительство, атанде, полноте: не пристало вам с каким-то вшивым поручиком стреляться. Жена вашего превосходительства вне всяких подозрений!..». И тому подобная, говоря по-французски, ерундистика. То есть, видите ли, восхотели критиканы самодержавного гнёта мне Пушкина вконец испортить. Да царь-умница не дал.

Так что, господа старшие лейтенанты – за него, за царя! Только исключительно – за хорошего! Без Интернета читающего!

Елена АНЕН

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН – ЭТО Я?

Тезисы к докладу

Кто был прообразом Евгения Онегина? Много есть разных версий у пушкинистов. Одни считают, что это Чаадаев. Другие говорят – Грибоедов. Третьи утверждают, что это Катенин. Четвёртые... Предположений много. Есть разумно-компромиссные: Онегин – это собирательный образ, вобравший в себя черты нескольких друзей и знакомых Александра Сергеевича.

Лично я всегда видела в Онегине самого автора. С себя он Онегина писал, только чуток дофантазировал, подчас выдавая желаемое за действительное. Или, кто знает, он просто верил, что он такой? Или хотел таким быть?

Однако сам Пушкин, предугадав такое предположение, предупреждал:

*Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет...*

Думается, что неспроста это он так... Лукавил?

Теперь о Татьяне. Кто был прообразом Татьяны? Есть парадоксальное суждение друга (а временами и врага) Пушкина – Кюхельбекера, «Кюхли»: Пушкин писал Татьяну с себя само-

го. Ну прям, как Флобер: «Мадам Бовари – это я». А почему бы и нет?.. Таинственна и многогранна сущность человека. А у такого поэта, как Пушкин, и подавно. Я верю, что, описывая Татьяну, он рассказывал нам о себе, приоткрывая истинную, но скрытую часть своей души. Кстати, Татьяна – единственный персонаж поэмы, который представлен без насмешек и иронии. С трепетом и любовью:

*...Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!*

Думаю, Пушкин любил именно эту часть своей души, которая «звалась Татьяна».

Но он (отчасти) и Онегин. У Онегина и Татьяны сложные отношения. И, как мы все знаем, не увенчавшиеся единением. Как Востоку и Западу – «и вместе им не сойтись».

Итак, завершая моё короткое и сумбурное выступление, подытожу: сдаётся мне, что Александр Сергеевич в романе «Евгений Онегин» рассказал о себе, каким он был в своём собственном представлении. Тайны души своей приоткрыть хотел... Или не хотел, но нечаянно сделал?





Рис. Нади Рушевой

Юрий КОСИНЦЕВ

Я понял всё, о чём мне пел сверчок

Дыша нектаром Пушкинских стихов,
Здесь в полутьме старинного имения,
Услышав чьё-то медленное пенье,
Я каждой ноте верить был готов.

И понял всё, о чём мне пел сверчок –
Свидетель Пушкинских надежд, побед, трагедий,
Его чуть слышный, хриплый голосок
Вещал понятней всех энциклопедий.

И я глядел на древний потолок,
Я трогал гипсовые завитушки:
Их задевал полой крылатки Пушкин,
звенел по лестницам Натальин каблучок.

Нарцисс надменный – гордый Рококо,
Тебя лелеют преданные нимфы,
В твоём дворце его святые рифмы
Парили незабвенно и легко!

Поёт ровесник Пушкинских времён,
Как самый старый житель Петербурга...
Но почему мой дивный, сладкий сон
Назвал зоолог искрами абсурда?

И почему так грозен ледоход?
И медный конь, зачем хрустит уздечкой?
Зачем пылает северный восход –
Кровавой раною над Чёрной речкой?..

Санкт-Петербург. Английская набережная. Дом Лаваль.

Татьяна АЕШКЕВИЧ

Иркутск

ОДИН ВЕЧЕР КАК ВСЯ ЖИЗНЬ

Эссе

Мир книг нередко уподобляют миру людей, и сравнение это, пожалуй, гораздо больше, чем просто фигура речи. В самом деле, жизнь наша немыслима без книг, как и без людей вокруг. И, подобно людям, книги занимают разное место в нашей жизни. С одними мы так и не встретимся никогда, с другими – прервём разговор на полуслове или же дослушаем до конца, но больше не захотим продолжать общение, а вот с третьими нам будет откровенно жаль расставаться, мы будем скучать по ним и жить в ожидании новых встреч. Это и есть любимые книги, которые, подобно любимым собеседникам из мира людей, помимо всего прочего дают нам возможность заглянуть в свой собственный мир извне, лучше понять самих себя и тем самым упорядочить свои мысли, чувства и переживания. Собеседников таких немного, встретить их нелегко, но если уж они попадают на нашем пути, то в нужную минуту всегда поддержат своим, пусть и незримым, присутствием.

Для меня одним из таких ценных книжных собеседников стал в своё время, к примеру, «Вишнёвый сад» А. П. Чехова. Абсолютно вневременная вещь с точки зрения закономерности бытия и проявления черт людских характеров, которая помогла мне пережить и переосмыслить перемены, внезапно возникшие в моей жизни, как и в жизни чеховских героев, не по желанию, а вопреки ему. В творчестве Ивана Алексеевича Бунина для меня похожим откровением стал рассказ «Холодная осень», потрясший меня не только пронзительным, ёмким и выразительным сюжетом, но и опять-таки своей переживательной и эмоциональной узнаваемостью.

Рассказ короткий, в какой-то степени он даже близок к миниатюре. Героиня, молодая девушка, собирается замуж, но внезапно разразившаяся Первая мировая война вносит в жизнь свои безжалостные и необратимые коррективы. Безжалостные настолько, что прощальный и потому безрадостный холодный осенний вечер перед отъездом жениха на фронт навсегда останется для обоих самым светлым воспоминанием жизни.

Сентябрь, ранние холода, ледяные звёзды на чёрном небе, запотевшие от самоварного пара окна, напряжённая тишина за чайным столом, изредка прерываемая «незначительными» и «преувеличенно спокойными» словами, рассеянный взгляд отца невесты, её мама, зашивающая в мешочек золотой образок, чтобы утром надеть его на шею своему будущему зятю... Всего несколько коротких штрихов, но сколько за ними грусти, горечи и страха перед грядущей неизвестностью! Прощание молодой пары в саду, щемящую грусть которого не могут сгладить ни стихи Фета, ни ветви деревьев, «осыпанные блестящими минеральными звёздами», ни особенный, осенний свет окон. Удивительно, но я почти физически ощущаю описание этого сентябрьского вечера. По-осеннему ранняя и густая темень, холодный воздух и свет окон родного дома за переплетением ветвей. В это время года окна и в самом деле светят как-то по-особенному. Слегка запотевшие изнутри, они делают свет ламп чуть более мягким и оттого уютным. Свет окон дома, в котором живут самые близкие и дорогие тебе люди – мама и папа...

Ранний утренний отъезд жениха, «порывистое отчаяние» последних прощальных жестов и потерянно бродящая по дому невеста, не знающая, что ей теперь делать с собой, «зарыдать ли... или запеть во весь голос...»

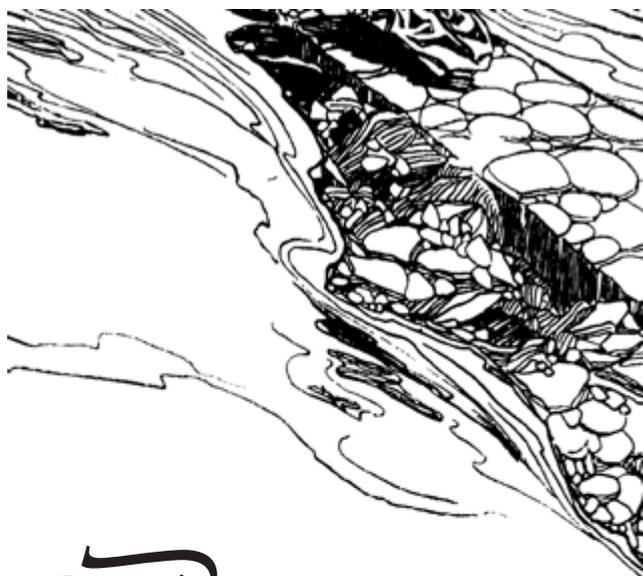
Неизвестность закончилась через месяц, страшно и обыденно для войны: молодого человека убили («какое странное слово!») в Галиции.

Вся дальнейшая жизнь героини рассказа, по сути дела, умещается во фразу «прошло с тех пор целых тридцать лет». Нет,

штрихи кое-какие есть, и так ли уж важны подробности, если все эти тридцать лет были наполнены нищетой, лишениями, скитанием и одиночеством? Героиня, в конце концов, оказывается в Ницце и снова живёт «чем бог пошлёт». В той самой Ницце, в которой она была в далёком «девятьсот двенадцатом году», молодая и счастливая, когда ей даже в самом страшном сне не могло бы присниться, чем станет для неё однажды этот благословенный город. Эта вскользь упомянутая деталь просто потрясает своим трагизмом, вместившим в себя всю жестокую непредсказуемость человеческой жизни и судьбы.

Да, «многое, многое было пережито за эти годы», безусловно. Но для героини всё это просто «ненужный сон» по сравнению с тем холодным осенним вечером, который стал для неё всем, потому что был наполнен молодостью, любовью, надеждами и ожиданием.

Помнится, был однажды у меня один разговор об отношениях, переживаниях и неизбежных воспоминаниях. Речь шла о конкретном человеке, и мой собеседник посетовал, что тот, вместо того, чтобы попытаться реально поменять свою жизнь, всё время старается вспомнить что-то хорошее из прошлого. То есть, вопрос был в том, нужно ли жить воспоминаниями. Нужно ли намеренно пытаться это делать – я не уверена. Но если жизнь не щедра на хорошие события, то именно дорогие сердцу воспоминания и могут удержать человека на плаву в бурном потоке житейских перипетий. Как это происходит в потрясающем по своей убедительности рассказе «Холодая осень», когда один вечер – как вся жизнь.



Волна

и

камень

А. ВИКТОРОВ

ЕСЛИ ФОРУМЫ СОБИРАЮТ, ЗНАЧИТ, ЭТО КОМУ-НИБУДЬ НУЖНО?

Разноязычное многоголосие

2024 год, Анталия, отель «Мардан Палас». IV международный литературный форум «Солнечный ветер» собрал здесь музыкантов, поэтов, прозаиков, бардов и переводчиков. Международность форуму обеспечили участники из Швеции, Америки, Англии, Франции, Германии, Польши, России, Украины. Целую неделю, с 5 по 12 мая, своды турецкого дворца оглашало их разноязычное многоголосие – кроме русского звучали английский (Эдуард Пергамент-Сепеда), французский (Ольга Оливье), польский (Малгожата Мархлевска), немецкий (Елена Ханен и Диана Штурм) и украинский (Игорь Касьяненко) языки.

Преодолев сильное искушение перечислить поимённо около 20 участников форума и рассказать обо всех и каждом, остановлюсь в рамках отклика на том, что меня особенно впечатлило. Но сначала...

Не лести для, а справедливости ради

Сначала немного истории и несколько слов о главных «виновниках» этого праздника. У истоков «Солнечного ветра» стоит поэт и переводчик из США Михаил Рахунов, семь лет назад затеявший первый форум литераторов-единомышленников в Будапеште. Второй форум прошёл в 2019 году в Вероне под дружеским патронатом «Русского Дома». Информационную поддержку тогда оказал журнал Бориса Марковского «Крещатик». С 2023 года «Солнечный ветер» обосновался в гостеприимной Анталии, а информационную поддержку перенял журнал «Литературные знакомства» во главе с Лолой Звонарёвой (Россия). Ещё

одно значимое литературное событие случилось благодаря форуму в 2024 году: на свет появился ежегодник с символическим названием «Высокие ступени». Идея сборника, его составление и редакция, принадлежат поэту из Германии Татьяне Ивлевой. (Вёрстка – поэт Михаил Рахунов, техническая поддержка – поэт Дина Дронфорт). В объёмном, свыше 400 страниц, сборнике, кроме участников форума, имена таких известных, ушедших и здравствующих, русских литераторов, как Илья Эренбург, Самуил Галкин, Виктор Некрасов, Евгений Витковский, Александр Кушнер, Бахыт Кенжеев, Евгений Рейн и другие... Ну и, конечно, невозможно переоценить вклад издателя Игоря Савкина и его «Алетейи» (Санкт-Петербург) в пропаганду творчества авторов форума. А с 2023 года серьёзную спонсорскую помощь форуму предложил американский адвокат, выходец из Одессы, двуязычный поэт и бард Эдуард Пергамент-Сепеда. Свою инициативу он объясняет так: когда-то в него, никому не известного эмигранта, поверили и помогли ему стать на ноги хорошие люди, а теперь пришло его время отдавать долги.

По гамбургскому счёту

На конкурсах, фестивалях и особенно турнирах неизбежно присутствует один болезненный момент: открытая борьба участников за призовые места. Как бы мы не убеждали себя и других, что это всего лишь игра, а баллы судей – всего лишь рулетка судьбы, всё равно страсти, обиды и слёзы кипят нешуточные... «У поэтов есть такой обычай, в круг сойдясь, оплёвывать друг друга...» – эта бессмертная кедринская формула отчасти и об этом. Но на данном форуме сейчас существует лишь заочный конкурс, призёры которого пополняют ряды старожиллов. Судили конкурс известные литераторы: Михаил Синельников, Михаил Рахунов, Борис Левит-Броун, Марк Шехман, Игорь Касьяненко, Эдуард Пергамент-Сепеда. Призовые места достались Ивану Зеленцову, Ольге Сульчинской, Анне Маркиной, Евгении Джен Барановой. Стихи конкурсантов, как и человека

на форуме нового Софии Селектор, прозвучали вполне достойно при придирчиво-доброжелательном – по гамбургскому счёту – вниманию коллег. Кстати, и в отношениях между маститыми литераторами был замечен тот же «счёт». Так, после чтения своих стихов Михаилом Синельниковым Лидия Григорьева назвала его одним из лучших современным поэтов – в устах другого признанного поэта это дорогого стоит.

Праздник музыки и парад дуэтов

На форуме было два почётных гостя: поэт, директор московского Института перевода Евгений Резниченко – из-за большой занятости, к сожалению, очень коротко; и популяризатор классической музыки, музыкант, музыковед, культуролог, писатель, режиссер, актер, ведущий эксперт Нобелевского Комитета Михаил Казиник. Этот разносторонний человек был максимально вовлечён в жизнь форума: разговор о природе творчества, чтение собственных стихов, презентация книг, Иоганн Бах на фортепиано в вечернем холле отеля и, конечно, прекрасные скрипичные композиции классической музыки в дуэте с сыном Борисом Казиником.

Кстати, о дуэтах. Их было несколько на форуме – заранее заготовленных и спонтанных. В сопровождении скрипки поэму Михаила Рахунова «Дежурный ангел, или 1946 год» озвучил Эдуард Пергамент-Сепеда, он же вместе с Игорем Касьяненко устроил феерию взаимных переводов авторских стихов с русского на украинский и с украинского на русский; на прогулочной яхте звучали дуэты Оксаны Коваленко и Игоря Косьяненко, Елены Орловской и Дианы Штурм.

И ещё о музыке. Одной из достопримечательностей форума было выступление американо-украинской группы «Либра»: художественные руководители Оксана Коваленко – вокал, гитара, композиция, тексты и Эдуард Пергамент-Сепеда – вокал, стихи, композиция; Сергей Пономарев – музыкальный руководитель, композиция, аранжировка, гитара, орган, акустиче-

ская бас-гитара; Александр Пергамент – композиция, аранжировка, вокал, гитара; Павел Кузнецов – композиция, скрипка; Кристина Ковач – скрипка. Группа дала большой многотематический и многожанровый концерт.

Происки гипоталамуса

XXI век, вопреки ожиданиям многих, не стал образцом добра и взаимной межгосударственной терпимости. Сегодня в мире идут два тяжёлых военно-политических конфликта, разводящих людей по противоположным политическим лагерям. А зона политики турбулентна по определению. Человека, входящего в эту зону, как правило, начинают лихорадить страсти, он видит одним глазом, слышит одним ухом, мыслит одной половиной мозга, точнее, его частью, имя которой гипоталамус. Центр этот отключает логику и активизирует страсти и эмоции зачастую не лучшие...

На «Солнечном ветре» собрались люди из разных стран, с различными убеждениями и политическими предпочтениями. Позиции участников зачастую просматривалось в том, что они читали или пели со сцены. Это нормально. Но Эдуард Пергамент-Сепеда, учитывая сегодняшнюю раскалённую ситуацию в мире, призвал солцетровцев оставить политические баталии за бортом форума, направленного как раз на объединение творческих людей. В кулуарах, к сожалению, пару раз всё-таки дали себя знать происки гипоталамуса... В 2014 году в Интернете гуляла памятка из девяти пунктов, как надо вести себя в условиях военного конфликта, чтобы оставаться людьми. В частности, речь шла о том, что народ состоит из разных людей, поэтому не следует оскорблять ближних и дальних, что любая война закончится, политики меж собой договорятся, а ты останешься с теми ментальными помоями, которыми обливал своих «идеологических противников».

На следующих форумах хорошо бы эту памятку озвучивать участникам целиком. Дай Бог, эти конфликты к тому времени утихнут, и Третья мировая нас минует!

Словесности русской чтецы

Неделя пролетела – и ага...

Она и впрямь закончилась быстро, как и заканчивается всё хорошее. Именно это ощущение позволяет дать утвердительный ответ на риторический вопрос в заголовке этой статьи. Подобные международные форумы обмена мировыми культурами, объединяющие литераторов разных стран, несомненно, нужны и важны в сегодняшнем опасно разобщённом, сходящем с ума, мире. Для самих же участников этого праздника форум будет ещё долго длиться личными переписками и перезвонами, бурным общением на сайте и в чатах. Дома обязательно откроются книги полюбившихся авторов. А для меня лично, например, откровением стала искусная, благоуханная проза Владимира Делбы, и по-новому прочитались пронзительные стихи Михаила Синельникова, например, эти:

*Пройдёшь ли по стогнам Белграда,
По тверди бульжин и плит,
И речи славянской услада
Повсюду тебя опьянит.*

*И нечто поймёшь с полушага,
И чудится: всё горячей,
Всё гуще медовая брага
Медлительных этих речей.*

*В ответе, о чём ни спроси я,
Услышу и «веди» и «фцы»,
И плачут при слове «Россия»
Словесности русской чтецы.*

До новой встречи!

И С ПОЦЕЛУЕМ МУЗЫ НА ВИСКЕ...

(Стихи о поэзии участников IV международного
литературного форума «Солнечный ветер»)

Дина ДРОНФОРТ

Впервые

Назовите это подражаньем,
глупо, говорите, и старо,
рифмами слова перемежая,
глядя вдаль, покусывать перо.
Были до тебя и грусть разлуки,
озаренья в предзакатный час
и в мольбе заломленные руки...
Заново – и каждому из нас –
ликовать в безудержном порыве,
плакать с небесами о своём.
Мир даётся смертному впервые,
даже если предопределён.

Игорь ХАСЬЯНЕНКО

Я поэт

Я поэт. Я, как птица, ужасен вблизи.
Не ловите меня – я свободная птаха!
Я могу испугаться и клюнуть от страха.
Но любить меня можно. И в этой связи
вы ищите меня настоящего – там,
не на улицах и не на книжных прилавках,
а когда я с божественным грошиком в лапках
опускаюсь на голую паперть листа.

В этот миг я – как солнечный луч на росе...
Я пронизан любовью, как рыбами море.
Ну а в прочие миги – я сам себе горе.
И как все – одинок. И ужасен – как все.

Михаил ПАХУНОВ

Поэзия

Где быт, суета и короста
Тщеславья оставили след,
В сетях своего благородства
Живет, задыхаясь, поэт.

В помятом камзоле, при шпаге
Сидит за столом, одинок,
И мысли его на бумаге
Острей, чем у шпаги клинок.

Им пренебрегает эпоха,
Варганя делишки свои,
И с некою долей подвоха
Молчат за окном соловьи.

Но где-то в заоблачной выси
Другой на события взгляд –
Там звезды рождаются мыслью
И буквами в небе горят.

И в черной мерцающей бездне,
Послушны игре волшебства,
Сплетаются звезды в созвездья –
За буквою буква – в слова.

Так вот почему ты такая,
Поэзия! Вот почему
Мы долго глядим, не мигая,
В бескрайнюю звездную тьму!

Поэт, не грусти, все по праву,
Над миской не плачь требухи.
Смотри – на века и на славу,
Твои оживают стихи!

София СЕЛЕКТОР

* * *

Что-то большее – между рифмами,
между строками и словами.
Что-то большее между ритмами,
между звуками,
между нами.
Между взглядами, между мыслями,
там, на призрачной глади зеркала
что-то, что, не солгав, не высказать.
А солгать –
потерять, как не было.
И метаться в ночи неистово,
и искать, теребя и мучая
между ложью и вечной истиной
все оттенки и все созвучия...

Что-то большее – между ритмами.
Что-то главное – между строками.

Владимир ДЕЛБА

* * *

Контур неясный синеющих гор,
Звёзд беспристрастных балет.
Космоса синий безбрежный простор
Рифмой рисует поэт.

Магия – кобальта синего цвет,
В синюю Вечность окно.
Зимний, прозрачный и зябкий рассвет,
Терпкое в кубке вино.

Словно рисунок дрожащим пером,
Стих продолжает поэт.
В новом пространстве и в цвете ином
Призрачен твой силуэт.

Звёздной синкопой, аккордами струн
Над мирозданьем парит.
Краскою синей, как пенный бурун,
Мастер великий творит.

Плавятся в тигле индиго года
Синью окрашена даль.
И у дороги пустынной всегда
Синяя бродит печаль.

Строки ложатся, как кисти мазки.
В дымке пустынный причал,
Синие кони у синей реки.
Детство. Начало начал.

И только здесь, в этой синей тиши,
Я обретаю покой.
Мост перекинут в обитель Души,
Я возвращаюсь домой.

Елена ОРЛОВСКАЯ

Рождение

Стихо-творение, стихо-парение
Музы полночное тихо-явление.
Стихо-моление, тихо-касание
Неуловимое тайно-писание.
Стихо-твержение вальса крушение
Непостижимых зеркал отражение.
Стихо-шептание губ трепетание –
Времени, веку, судьбе оправдание.
Стихо-сложение, стихо-служение
Опровержение сил притяжения.
Стихо-томление, стихо-свидание,
Стихо-прозреньё основ мироздания.
Снова и снова ночное радение
Как наваждение –
СТИХО-РОЖДЕНИЕ!

Владимир АВЦЕН

Окуджава Булат
(акrostих)

А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Булат Окуджава

О, если б кто ведал – откуда,
Когда, почему и зачем
У смертных рождается чудо –
Дар Божий, даруемый всем?
Жаль только, что *век* наш **не**долог,
А мчит от начала к концу –
В Кламаре задёрнули *полог*,
Арбата жильцу и певцу.
Булат, что ты в царстве небесном,
Утрата. Но знаю, пока
Любовь управляет оркестром,
А *синий орёл* в облаках, –
Ты тоже пребудешь в веках.

Татьяна ШЛЕВА

Поэт и деньги

Поэтам деньги не нужны...

Владимир Авцен

...Ты прав: поэту деньги не нужны –
Он их прокутит с хитроумным бесом,
Прокутит и рубашку, и штаны –
Не потому что наш поэт – повеса,
Купюрам он не ведаёт цены.

Романтик с обнажённою душой,
Он выше капитала ценит рифмы,
Но проиграет в сделке с торгашом,
Способным, вычисляя логарифмы,
Стереть чужие деньги в порошок.

Поэт не сложит горкой капитал,
И у него не водятся сберкнижки.
Без визы он заоблачно витал
И с музами закручивал интрижки –
Вот потому богатым и не стал.

Пред Господом предстанет налегке,
Не сколотив наследства для потомков,
Но с авторскою книжкою в руке,
С обломком карандашика в котомке
И с поцелуем Музы на виске.

Тамара ВИНЭР

Вена

НАШ АНДЕРСЕН

Меня лично Х.К.Андерсен в последние лет 5 интересовал как человек-загадка. Ведь Википедия и иже с ними подают сведения о нём, похожие на паззлы из разных наборов. Не стыкуется ничего, начиная с приезда безродного подростка в Копенгаген в Королевский театр, где абсолютно сказочным образом находятся желающие его опекать. И так по жизни некто оплачивает его учёбу в престижной «гамлетовской» школе в Эльсиноре, десятки путешествий за границу... А все сведения черпаем из его же андерсеновской биографии «Сказки моей жизни». Одно слово – сказочник! Уже и мои «Рассказки про Андерсена» изданы, а покоя этот загадочный писатель не давал. И когда на ежегодном фестивале МГП «Лебедь Белая» Елена Ханен посетовала на нехватку современных сказок, меня что-то (или кто-то) вывел перед писателями: «Давайте проведём конкурс сказок на премию «Наш Андерсен».

Далее в этой истории всегда привожу слова одной из участниц этого конкурса Лилии Величко из сказки «Сад несбывшихся мечтаний»:

«Давай соберём как можно больше историй о мечтах... И расскажем о них на Земле. Тогда, может быть, они не исчезнут. А люди не разучатся мечтать и верить в свои мечты! Ведь сказки сами себя не расскажут, правда?»

Мы получили 70 сказок! Были взрослая и детская номинации.

Лина Гольдбах, 9 лет. «Истории никогда не бывают одинаковыми, и это хорошо. Будь все одинаковыми, это было бы скучно. В каждой истории есть немного правды».

Голосование было закрытым, но после составления сводной таблицы результатов жюри с сожалением комментировала



ло многие работы как «милые, трогательные, нежные», но не сказки.

В других, не сказочных конкурсах эти работы, несомненно, получат свои заслуженные награды!

Несчастливых или несчастливых в сказках Андерсена хоть отбавляй. Сирота мёрзнет на улице, Гадкий утенок, которого все гонят, клюют и щиплют, Русалочка с ее несчастной любовью, и Герда, шагающая босиком по снегу, и Элиза с рубашками из жгучей крапивы... Андерсен сгущает краски, но не лжет. Это доказывает его собственная жизнь, которую в своих дневниках он называет «сказкой». Андерсен всю жизнь боролся – большей частью с собой, со своим болезненным честолюбием и страхами-фобиями. И всегда ощущал себя перед глазами Божьими. В упомянутой «Сказке моей жизни» вспоминает писатель, как мальчишкой крикнул управляющему, замахнувшемуся на него кнутом: «Как вы смеете бить меня, ведь Бог может увидеть!»

Многие из присланных историй – с грустинкой в финале, даже если герой достигает своей цели, получает заслуженное вознаграждение. Это в духе историй Андерсена зрелого периода. Но были работы и из категории «жесть», и далёкие от жёсткой судьбы Оловянного солдатика, познавшего сильное чувство.

Интересны версии-продолжения андерсеновской сказки. И трудно назвать авторской сказкой пересказ лишь с изменением имён, где даже сюжетные коллизии придуманы либо датским писателем, либо другими народными сказками.

Если авторы не вышли в победители в этом конкурсе – это значит только одно: их работы не выиграла в ЭТОМ конкурсе. И не более.

Литературно-исторический фестиваль, как заключительный аккорд, прозвучал в Копенгагене и Оденсе. Мы прошли (в прямом смысле) по следам Андерсена от домика его родителей, через средневековый приземистый городок Оденсе до Королевского театра в Копенгагене, до его съёмных кварти-

рок и до последнего приюта – скромной могилы с каменной плитой, где Ханс Кростиан Андерсен назван Поэтом. Именно так – Поэт, коим он считал себя всю жизнь. Поэт и драматург. Никто в Дании не называет его сказочником.

А по вечерам у нас была «сказка на ночь», исполняемая авторами или по просьбе финалистов, не приехавших на фестиваль, членами жюри. Мы читали свои сказки и в каминном зале отеля Оденсе, и на сцене летнего театра, и это незабываемо!

И даже это не всё! Все сказки-победители войдут в сборник «Наш Андерсен». Книгу оформляет Анна Гаятри, чья сказка вышла в финал, и это подчёркивает многогранность талантов. Творцы, объединяйтесь!

Будет ли продолжение фестиваля и конкурса сказок «Наш Андерсен»? Думаю, сказки следует сочинять... Как у автора Лилии Величко? «Сказки сами себя не расскажут».

Лауреаты премии «Наш Андерсен»

В номинации 18+

1 место: диплом за прославление силы любви и денежная премия 500 € – Галина Ширяева, Ташкент.

2 место: диплом за утверждение христианских тем и денежная премия 400 € – Татьяна Абрамова, Москва.

3 место: диплом за прославление силы таланта и денежная премия 300 € – Эльвира Еникеева, Санкт-Петербург.

В детской номинации

1 место: денежная премия в размере 300 € – Кристиан Минин, Лейпциг.

2 место: премия 200 € – Марта Ридзель, Нижний Новгород.

3 место: премия 100 € – Лина Гольдбах, Вайден.

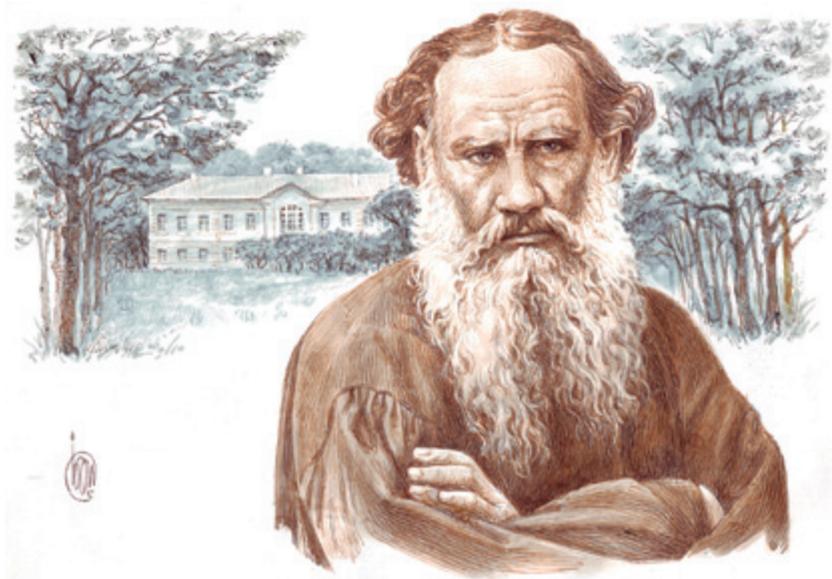
Борис ВЛЮХИН

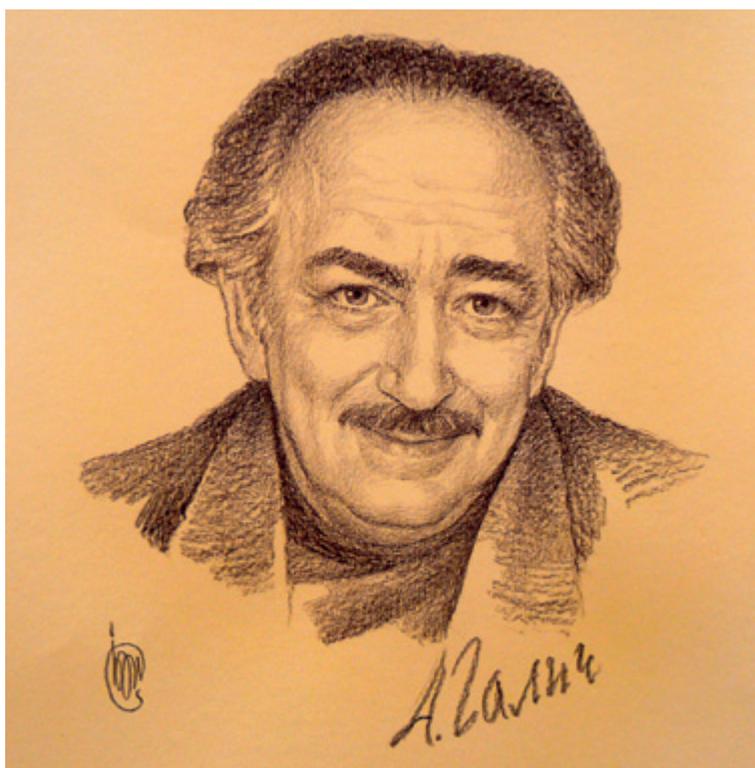
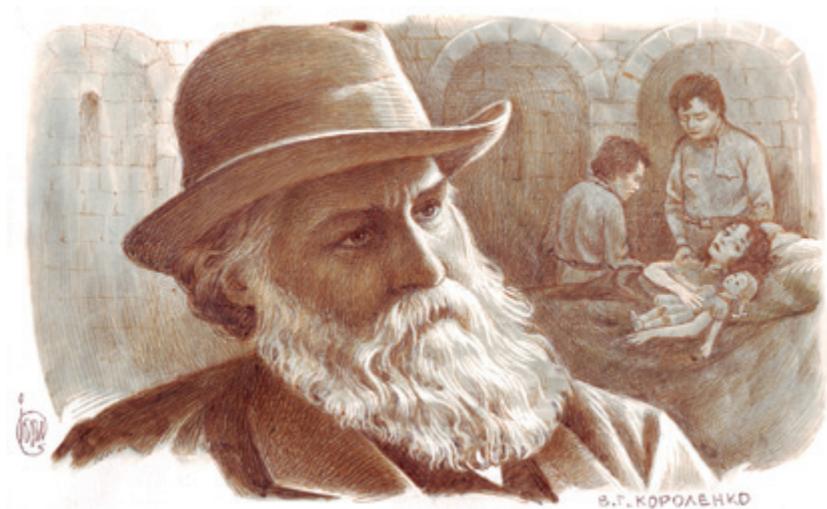
Москва

Член союза художников России и международного союза художников, Член союза литераторов России, член-корреспондент национальной академии филателии. Художник, работающий практически во всех жанрах изобразительного искусства, поэт, эссеист, педагог. За шестьдесят лет профессиональной деятельности создал серию монументальных произведений, произведений пейзажного жанра, огромную галерею портретов, ряд скульптур, произведений ювелирного и медальерного искусства. Автор пятнадцати поэтических сборников, ряда эссе о современных художниках.

В 2025 году отметит сорокалетие создания собственной школы, в которой воспитал за эти годы множество замечательных художников.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИКОНОГРАФИЯ

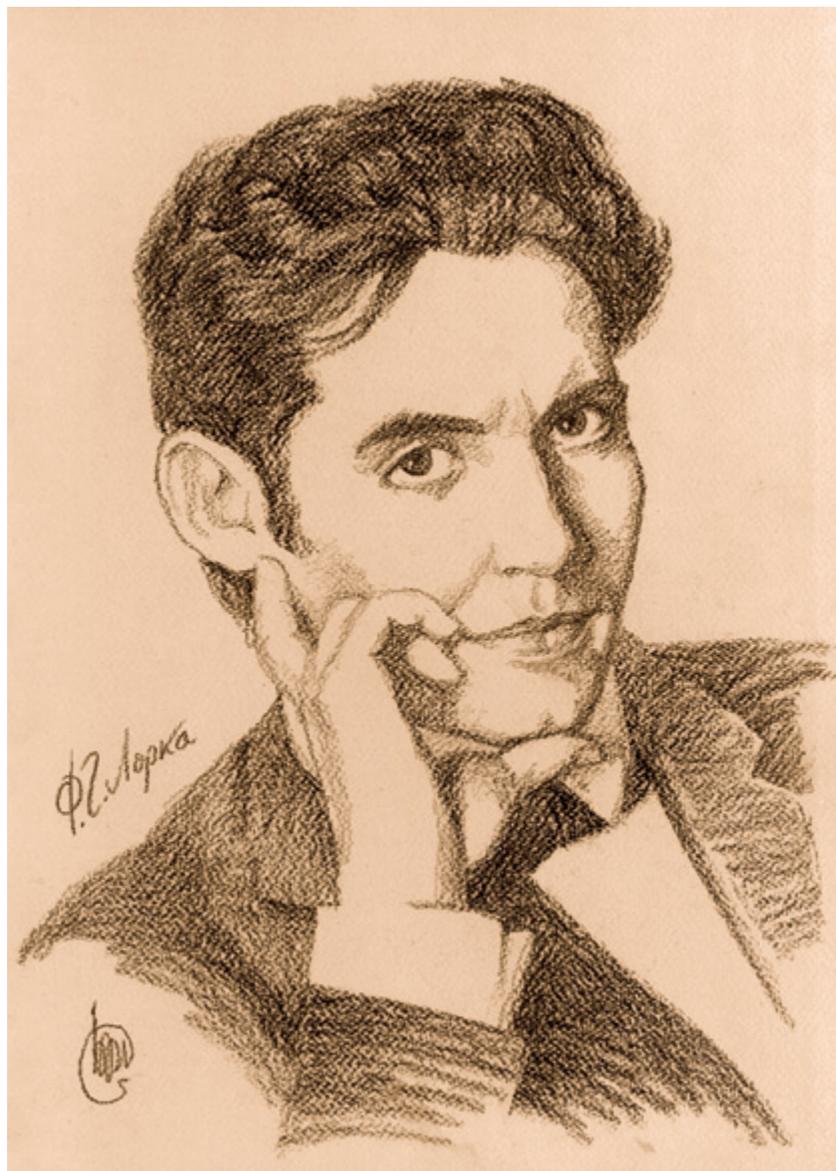






Борис Пастернак





*Они
сошлись*



Светлана КУРАЛЕХ, Ксения КУРАЛЕХ



Стихи - Светлана Куралех (бабушка)

Родилась в 19... (неважно каком году). Закончила школу № 33 в Донецке, железнодорожный институт в Харькове, Литературный институт им. Горького в Москве. Работала 10 лет инженером и 45 лет - завлитом в Донецком театре кукол. Пишет стихи, выпускает поэтические сборники для взрослых и детей. Любит путешествовать, фантазировать, а также плавать и кататься с внучкой в море на «банане». Однажды на юбилейном вечере бабушки внучку спросили, что она может сказать о юбиляре. «Бабушка мне, - был ответ, - не только бабушка, но и подружка».

Рисунки - Ксения Куралех (внучка)

Родилась в один день с Александром Пушкиным с небольшой разницей в 211 лет. Учится в школе №32 в Донецке. Недавно получила паспорт. Коллекционирует кукол. Любит театр, цирк и двух младших сестёр. Рисует с 5 лет. Однажды у бабушки что-то пошло не так, и она вслух печально сказала: «Не на кого опереться». Внучка тут же её успокоила: «Я – твоё оперение!»



Светлана Куралех



...чтоб Ёжик не мог заблудиться в тумане...

Здесь могло бы что-то быть,
но мы не захотели...

...чтоб Ёжик не мог
заблудиться в тумане...
(семейная книжка)

стихи - Светлана Куралех (бабушка)
рисунки - Ксения Куралех (внучка)

Донецк 2025



Малая Розина



Малая Родина

Здравствуй, мой цветной палисад –
красота сиренево-алая!
Здравствуй, дом родной, ты всегда мне рад!
Я люблю тебя, родина малая!





Утро

Посмотри — цветы проснулись,
к солнцу дружно потянулись!
Нотку «до» и нотку «ре»
спели птицы на заре —
это в небе прозвучало
утра нового начало!





ЛЯТУШОНОК-переводчик

Люблю с утра переводить
пернатые слова!
На птичьем языке: «Фью-ить!»
А на моём: «Ква-ква!»





Яблоки

Яблоки спеют – хрустим, не грустим.
Гости заглянут – гостей угостим.
Мама затеяла яблочный торт.
А дочка рисует с утра натюрморт!



Букет





Бабочка

На лепестки, как на подмости,
взлетели бахрама и блёстки,
и вот – волшебная картинка:
не бабочка, а балеринка!





Таинственный зимний лес



Таинственный зимний лес

Говорят, что в таинственном зимнем лесу
можно ёжика встретить, медведя, лису,
что грибочки и ягодки в гости нас ждут
что верхушки еловые небо метут
Хорошо бы в лесу очутиться,
Чтобы в этом самом убедиться.





Подсолнухи

Спасибо, дорогой Винсент Ван Гог,
что полюбить подсолнухи помог.
Как весело пчела над ними вьётся,
Подсолнухи – как маленькие солнца!

Шальное море



БЕЛОСАРАЙСКАЯ КОСА

Знучке Ксюше

И вдруг мне стало ясно этим летом,
что песенка моя ещё не спета,
и нас с тобой ждёт лодка у причала,
чтоб молодость мою начать сначала.

А ты - душа моя, моя отрада,
за долгое терпение награда.

Блаженны дни Косы Белосарайской,
счастливые картинки жизни райской!

Ах, в памяти ещё не раз проснётся
шальное море, утреннее солнце,
в кафе вечернем песня озорная,
твой дикий танец рыба заливная
А кисло-сладкий соус с перцем чили,
по-моему, чуть-чуть пе-ре-пер-чи-ли.

РАЗТОБОР БАБУШКИ

и ЗНУЧКИ

(на берегу моря)

- Ты влюблялась, бабушка?

- Да, бывало.

- А когда?

- Лет сто назад или двести.

- А ты теряла голову?

- Ох, теряла.

- Почему же, бабушка,
голова на месте?!





МИШКА В ТУМАНЕ



МИШКА В ТУМАНЕ

Сбежал Медвежонок из тёплой берлоги.
Идёт Медвежонок по скользкой дороге
- Куда ты без мамы, в дремучем лесу
идёшь, Медвежонок, холодною ранью?
- Я к Ёжику – другу, фонарик несу,
чтоб Ёжик не мог заблудиться в тумане.





Оленёнок



Оленёнок

Он выбежал ко мне из леса вдруг –
почувствовал, что я – не враг, а друг.

Его движенья были так легки.

Он яблоко доел с моей руки
и убежал. А я затосковала

Потом портрет его нарисовала.





Медузы



Современные Медузы

Их обнимает морская водица,
но вам не советуем с ними водиться.
Помните, взрослые и карапузы,
что скользкие личности - эти медузы:
плывут напролом, не стесняются,
ужалят — и не извиняются!





Армин - мультгерой

А ХОРОШО БЫ ВДРУГ...

А хорошо бы вдруг тебе и мне
отправиться на остров Аниме,
где манги увлекают нас порою.
Там водопад, там сакура цветёт,
там можно встретить сказочный восход
и познакомиться с отважным мультгероем.





Портрет Лошади



ПЕСНЯ ЦИРКОВОЙ ЛОШАДИ

Я – Лошадь, так мне суждено
по гороскопу и на деле,
и на меня давным-давно
узду надёжную надели.
А всё-таки пришла весна:
не то чтобы смирила с болью,
но ослабели стремяна,
и вырвалась душа на волю.
Оркестр гремит, манеж дрожит,
смешались выдохи и вдохи,
И вьётся пыль из-под копыт
неуправляемой эпохи.





Улетающая скрипка

ГОЛОС УЛЕТАЮЩЕЙ СКРИПКИ



Знаешь,
а всё-таки я в твоей жизни была.
Помню твой взгляд,
когда ты меня в руки брала.
А теперь
ни бегом не догонишь меня и ни вплавь -
улетаю
А музыку (хочешь?) на память оставь!



Колыбельная

Затихают голоса,
оживают чудеса.
Всходит месяц золотистый —
прилетает сон пушистый.
Спят дома и спят деревья.
Город спит и спит деревня.
Прикорнув на спинке стула,

платье детское уснуло.
Дремлют тёплые кроватки,
мамы спят и спят ребятки.
Всё уснуло сладко-сладко,
растворилось в тишине
Только теплится лампадка,
только звёзды в вышине...



Мой Улус



СТУПЕНЬКИ

По лестнице жизни,
что к небу ведёт,
пусть каждый своєю дорогой идёт.
Иди и запомни, дружок, хорошенько,
что каждое доброе дело – ступенька.
Молитва – ступенька для верного шага:
ступенька – терпенье,
ступенька – отвага,
ступенька – ученье
И так понемногу
ступеньки помогут осилить дорогу
тому, кто с надеждой и верой идёт
по лестнице жизни, что к небу ведёт





Дената ВОЛЬФ

ОДНАЖДЫ

(сюрреалистический очерк)

Однажды я вдруг превратилась в слона. Ну, может и не вдруг, а постепенно. И может, не в слона, а в слоницу. Вот опять ненужные подробности. Ну кто, скажите, глядя на картинку со слонами, станет уточнять, слон это или слоница? А в немецком языке слоница – это элэфантэнку, что в переводе означает слоновая корова. Ну ничего себе! Мало того, что слоница, так еще и корова. Но они так не только со слонами поступают. Есть жирафовые коровы, олени, тюлени. Вот так практически из любой особы женского рода сделают корову, не посмотрят даже на то, что ты лань или антилопа. Несправедливо!

Но, если хорошо подумать, то может я где-то и корова. Ведь как часто бывает, из нас выпирает то одна сущность, то другая. То ты летаешь как птица, то вертишься как белка в колесе, то навьючишься как верблюд. Но сегодня я слон, это однозначно. Грустно мне и неудобно от этого факта. Ведь в чем главная особенность слонов? Вы, наверное, думаете, что хобот, бивни или большие уши. Необязательно. Меня, например, беспокоит величина и серость. Всем известно, что слоны – самые большие животные на земле. Есть, конечно, еще киты, но они живут в воде. А на суше больше слонов нет никого.

А что серые, это тоже факт, от которого никуда не уйдешь. Тут вы вспомните про песенку: «Где баобабы вышли на склон, жил на поляне розовый слон» – ну и так далее. Что сказать, это всего лишь песня. Или обстоятельства особые. А так, по жизни, сплошная серость.

Нет, ну если ты живешь среди таких же слонов, то это совсем другое дело! Где-то там, в Африке, идет по саванне стадо. Все такие важные, грациозные, величественные. Да, большие.

Да, серые. Но никто на это внимания не обращает. А с высоты орлиного полета они во-о-от такие малюсенькие.

Но все слоны где-то там живут в конце света, а я вот здесь в самой середине и ни одного слона вокруг.

Есть, конечно, где-то в зоопарке слоны или в цирке, но это все равно не рядом. В цирке слонами любят, восторгаются их артистическими способностями. Тут же – никаких артистических способностей, скорей наоборот. Способность разбить в магазине что-нибудь из посуды, наступить кому-нибудь на ногу – это талантом не назовешь. В трамвае из-за необъятных размеров приходится два места занимать, а то и три. И кругом одни недовольные взгляды, а еще хуже, возгласы:

«Развели тут слонов, не проехать, не пройти. При таких габаритах вам в Африке самое подходящее место. И посуда останется целой. Там, поди, в Африке и лавок-то посудных нет. А если и есть, то слонов туда точно не пускают».

Вам еще много чего наговорят. И намолчат вдобавок.



Рис. автора

Так вот, несмотря на присущую слонам толстокожесть, достало меня это все. Надоело слушать это ворчание, надоело ловить косые взгляды. Накупила продуктов побольше, примерно на год. А слоны-то едят немало: все ведрами. Бананов – ведро, яблок – ведро, ну и так далее. Всем запаслась, ничего не забыла, и закрылась в своем доме. Вот так! Вы там, а я тут.

Так идет день за днем, живу себе спокойно, то ананас съем, то ведро бананов. Книжки читаю, время от времени из-за шторы на мир поглядываю.

Но продлилась эта идиллия недолго. Не успела я толком нервишки расшатанные подлечить, продукты еще не все съедены, по миру за стенами убежища соскучиться не успела. Ну разве что самую малость. И тут раздается шум невероятный: звонки в дверь, стук в окно, голоса непонятные. Выглядываю потихонечку. Перед домом толпа птичье-звериная. Обезьяны, попугаи, поросята и прочий детский сад. И все галдят, хоть уши затыкай. Я подумала, пережду, может они дальше пойдут. Но не тут-то было, не стоят на месте, прыгают, бегают, а уходить не уходят. Все кричат:

– Эй, кто там в доме? Выходи, не прячься, мы знаем, что ты тут!

Терпела я, терпела, но все же решила выйти, чтобы это безобразии прекратить. Удивилась толпа:

– О! Слон...

Те, что прыгать перестали, теперь еще выше запрыгали, те, что на месте стояли, забегали так, что ветер не угонится. И все это с возгласами:

– Слон! Слон! Слон!

Но тут подходит ко мне пичуга одна. Не то колибри, не то мышка, ушастая, глазастая. Из нее то одна сущность выпирает, то другая. Не определилась она еще. Подходит и гладит так потихонечку. А потом и говорит этой толпе прыгающей, бегающей и орущей:

– Это и не слон вовсе, а лошадка. Пони.

Чувствую, что грива у меня отрастает и хвост. Откуда-то седло появилось. А мышка-колибри продолжает:

– Прокати меня, лошадка, пожалуйста!

А против этого «пожалуйста» как устоять? Катаемся мы с ней круг, второй, третий. Птички-зверушки смотрят и понять не могут, как они эту лошадку-пони сами не разглядели.

– Стоп! – приказала наездница, соскочила ловко, как будто всю жизнь в цирке выступала. – Лошадка – это тоже понарош-ку, на самом деле это моя бабушка.

Волшебница! Расколдовала меня. Чудеса, да и только!

– Ома, испеки блинов. Мы проголодались, очень кушать хочется...

Ома – это по-немецки бабушка. Сокращенно. От слова ома-ма. Здорово, правда? О! Мама!

В общем, некогда мне сказки рассказывать. Пошла я блины стряпать.

Ведро, я думаю, им хватит.

Они хоть и не слонята, но посмотрите, сколько их – внуков, их друзей и друзей друзей...

Матьяна ХОТИМСКАЯ

* * *

Кому мало лет, в ванне – океан,
в пене корабли, сам же – капитан.
Кому мало лет – вон твой самолёт –
синий-голубой и ты в нём пилот.
И пускай зовётся он: велосипед,
для того он лайнер, кому мало лет.
Вон дворовый пёс, золотой щенок,
пистолетом хвост, чёрный мокрый нос.
И бежит он вслед, и тому дружок,
кто побережёт хлебушка кусок.
Кому мало лет, тот легко вздохнёт,
парочку котлет другу принесёт.
Кому много лет, много лет кому,
знает хорошо, что да почему,
цену всем словам, цену всем делам
знает он, сполна испытавший сам.
Потому и любит этот старый дед
больше всех того, кому мало лет,
а ещё щенков за их малый рост,
мокрым чёрным нос и колечком хвост.
Счастлив тот, кому жизнь любовь дала.
Вот такие, значит, брат, у нас дела.
Вот такие, значит, брат, у нас дела –
счастлив тот, кому жизнь любовь дала!

Дарья СТРАННИК

Вуипперталь

СУПЕРГЕРОЙ УЗКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Юлий выключил воду, нащупал рукой полотенце, висящее на настенном крючке, и, вытираясь, вышел из душевой кабины. Большое настенное зеркало запотело, но Юлию хватило и нечёткого силуэта, чтобы снова с удовлетворением отметить, насколько совершенно его тело. С функциональной точки зрения, разумеется.

А родился и жил Юлий с одной единственной целью – преследовать и уничтожать краснорогих зяброхрумов.

Маленькие бесцветные глаза мужчины обладали особой чувствительностью к красному цвету, воспринимая на тридцать два оттенка больше, чем обычные человеческие. Нос картошкой уловил бы вонь зяброхрума за несколько километров, а чуткие уши могли различить самые отдалённые крики жертв чудовищ. Самих зяброхрумов услышать было нельзя, потому что они звуков не издавали.

В полных руках скрывались жгуты, которыми Юлий мог опоясать и обезвредить проклятых тварей. Кругленький животик был непробиваем для рогов зяброхрумов. Короткие и немного кривые ноги могли передвигаться со скоростью велосипеда, более чем достаточно, чтобы догнать краснорогих. Скорость – не их конёк.

Но настоящей проблемой Юлия были не коварные зяброхрумы, а тот факт, что на Земле они не водились.

От такой жизненной несправедливости хотелось плакать. Что Юлий иногда и делал – тихонько в подушку.

В детстве мама утешала его:

– Одно твоё присутствие отпугивает краснорогих. Людям повезло, что ты живёшь на Земле.

Но мамы не стало, а другие люди что-то не спешили праздновать «присутствие» борца с зяброхрумами.

Папы своего Юлий и вовсе не знал. Мама рассказывала, что родитель был уголовником и отсиживал где-то срок. Только повзрослев, Юлий понял, что она лгала, а отец, скорее всего, до сих пор путешествует по галактике, охотясь на зяброхрумов и соблазняя симпатичных аборигенок.

Юлий тоже хотел в космос, но по человеческим стандартам он оказался близоруким, толстоватым и неуклюжим.

Рассказывать про сверхспособности и краснорогих зяброхрумов было бесполезно. Дети крутили пальцем у виска. Взрослые тоже.

С горем пополам Юлий выучился на историка. Это помогло ему понять, что зяброхрумов на Земле не только нет, но и никогда не было. Какими путями занесло сюда его папеньку, осталось загадкой.

Работу по специальности оказалось найти ещё сложнее, чем красного зяброхрума.

Сотрудница биржи труда с крупной родинкой на подбородке сначала заинтересовалась способностями Юлия, но быстро сникла, как только речь зашла о зяброхрумах.

– То есть обычных преступников вы ловить не можете?

– Это любой дурак может! – пафосно обиделся герой.

Обладательница родинки на подбородке как раз переписывалась в сети с интересным мужчиной из правоохранительных органов. Полные немудрёных комплиментов сообщения заставляли женское сердце биться быстрее и создавать закладки магазинов свадебных платьев и сборников имён для новорожденных.

Комментарий Юлия женщина восприняла как личную обиду и послала клиента. В задницу мысленно и работать дворником буквально.

От скуки Юлий начал рисовать своих клятых врагов. Акварелью. А потом вечерами метал в полотна дротики.

Просто так, от нечего делать, выставил несколько картин на своей страничке в интернете, дополнив предупреждающей надписью: «Берегитесь зяброхрумов!»

Юлия обозвали эксцентриком. Картины – экспрессионизмом. Сравнили с Кандинским. Заинтересовалась пара музеев. В общем – люди ни черта не поняли.

На всякий случай, Юлий посмотрел полотна этого Кандинского, вдруг коллега? Но это были точно не зяброхрумы. Во всяком случае, не краснорогие. Возможно, золотистоспинные... Но было совершенно непонятно, зачем кому-то рисовать золотистоспинных зяброхрумов.

Несостоявшийся герой с завистью смотрел фильмы о суперменах, человеках-пауках и мускулистых мужиках в чёрных лосинах. С презрением отмечал, что ни один из них не выстоял бы и против личинки зяброхрума, и впадал в депрессию.

Симпатичный дворник с мирской тоской во взгляде привлёк внимание многих жильцов и просто прохожих. Посыпались советы, начиная с «Забудь её!» и «Нужно выпить!» до белой визитки с адресом какого-то психолога.

Юлий и сам не мог объяснить, почему решил обратиться к последнему. Может, с призрачной надеждой услышать хоть что-нибудь о краснорогих зяброхрумах?

Психолог выслушал клиента, осторожно задал несколько уточняющих вопросов.

– А не приходила вам в голову мысль, что эти... сущности – плод вашего воображения?

– Дык, конечно, приходила. Но жгуты в руках, особое зрение, непробиваемый рогами живот... – развёл руками Юлий.

– А покажите жгуты! – оживился психолог.

– Они появляются только при виде краснорогих зяброхрумов, – вздохнул герой.

Психолог закусил дужку очков.

– Понимаю... А не отдохнуть ли вам? Причины многих бед лежат в элементарном переутомлении. Я знаю отличный санаторий...

В санатории Юлию неожиданно повезло. Соседом по комнате оказался самый настоящий краснорогий зяброхрум! Он сам так представился, после того как выслушал историю жизни Юлия.

– Но я мирный, – заверил сосед. – Не убивай, пожалуйста.

– Голубчик! Какая честность! Какое мужество!

И Юлий торжественно пообещал новому знакомому, что не поднимет на него жгута. Во всяком случае, пока зябдохрум не начнёт охотиться на людей, пожирать их лёгкие и откладывать яйца в останках.

Сосед поморщился и спешно заверил, что ничего подобного в ближайшем будущем не планировал.

Они сдружились, вместе ходили на процедуры и символично сражались в шашки по вечерам.

А две недели спустя смущённый сосед признался, что он не зябдохрум. Глаза на правду раскрыли ему доктор Сфрейдс и жёлтые круглые пилюли.

Через пару дней соседа выписали.

Печальный Юлий целый день отказывался вставать с кровати, но, в конце концов, справился с разочарованием.

Он, в принципе, с самого начала подозревал что-то неладное. Рога ведь у соседа не красные были. Они вообще отсутствовали. И макароны по-флотски он очень любил. А где вы видели уважающего себя красного зябдохрума, лопающего макароны по-флотски и просящего добавки?

Юлий заскучал в санатории, потому начал кивать в такт словам доктора Сфрейдса и делать вид, что принимает жёлтые пилюли.

Через пару недель Юлия выписали, и днём позже он опять мёл улицу. Советов герой больше не слушал. Дни напролёт он фальшиво напевал «В траве сидел зябдохрумчек», и подумывал, а не сделать ли себе татуировку «Жизнь подлее зябдохрума!» на левом предплечье.

Вечером, моя посуду после одинокого ужина декларировал:

– Я зябдохрум – чего же боле?

Что я могу ещё сказать...

Юлий, несмотря на недавнюю выписку, неизбежно приближался к тому моменту, когда навязчивая идея становилась диагнозом.

Новости Юлий продолжал смотреть регулярно, ведь настоящему герою нужно быть в курсе всех актуальных событий. Но часто, выключив телевизор, сразу забывал содержание услышанного.

Так произошло и с известием об организации первого полёта людей на Марс.

Ведущие прощепетали что-то о спорте и погоде, потом начался старомодный вестерн на фоне картонных декораций, затем последовала традиционная рекламная пауза. И только во время ролика модного напитка в бутылках с красными крышечками, Юлия осенило.

– Красный! Марс – красная планета. Красноногие зябдохрумы были бы идеально замаскированы. Наверняка они обитают там!

Непонятным осталось, как Юлий проник на территорию космодрома в день старта ракеты. Одним словом – герой.

Нагнали его легко, но задержать не удавалось никак. Ни захват, ни сеть, ни пуля не могли остановить целеустремлённого охотника на краснорогих зябдохрумов. Что-то вроде силового поля надёжно защищало Юлия. Более серьёзное оружие применить не решались, опасаясь повредить дорогую ракету. Ну и космонавтов, конечно.

Последние застыли перед входным люком, словно под гипнозом наблюдая, как тяжело и неуклюже бежит по аэродрому забавный толстячок в промокшей от пота рубашке.

Остановившись перед командой, Юлий упёрся руками в колени и несколько минут переводил дыхание.

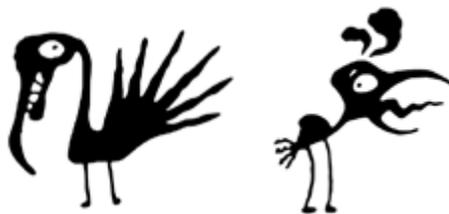
– Ребята! Вы поосторожней на Марсе. Там наверняка водятся краснорогие зябдохрумы. Главное, сами с ними не связывайтесь. Вот... – Юлий протянул капитану визитку, которую самостоятельно изготовил с помощью специальной программы днём раньше. – Сразу зовите. Я буду ждать. Я давно уже жду...

Несколько часов спустя, суматоха вокруг происшествия немного улеглась. Счастливый Юлий даже дал надеть на себя на-

ручники и наблюдал из окна патрульной машины за запоздлым стартом ракеты.

Герою было безразлично, где ждать зова на помощь. Наконец у него появилась надежда, что однозначно лучше навязчивой идеи.

Герой скрестил пальцы наудачу. Только бы на Марсе не водились золотистоспинные зяброхрумы – против них Юлий был бессилен. Но в крайнем случае, он готов был сразиться и с ними. Лучше пасть геройской смертью в бою, чем жить совсем без зяброхрумов.



Надежда БЕСФАМИЛЬНАЯ

Москва

Из книжки «Майский жук»

История книги простая: мы учились рисовать в совсем маленьком возрасте, около трёх лет им было (двойняшки Вероника и Арина). Я рисовала, они смотрели и пытались своё что-то нарисовать. А потом приходила домой от них и писала стихи к нарисованному – само собой всё сочинялось. Книжка появилась в рекордные сроки и оказалась очень востребованной, дети – самые благодарные читатели.

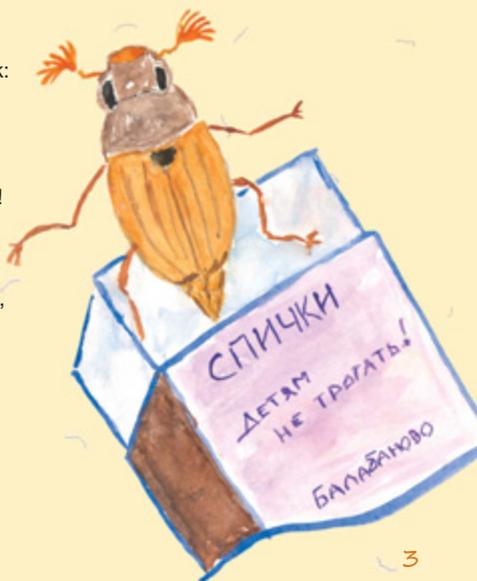
Надежда

МАЙСКИЙ ЖУК

Из коробки раздаётся
Непонятный страшный звук:
То отчаянно скребётся
О коробку майский жук.

Кто туда его отправил?
Мы здесь точно ни при чём!
Мы ему чайку заварим
И накормим калачом.

Он поест, попьёт немножко,
Дух слегка переведёт,
А потом взлетит с ладошки
И продолжит свой полёт.



ФЕЯ РОЗОВОЙ ЗАРИ

Ах, какое щебетание
Сквозь ночную тишину:
Птицы певчие да ранние
Гасят звёзды и луну.

Просыпайся, дева юная,
Фея розовой зари,
Локонки золотострунные
Гребешочком собери.

И сама, как птица певчая,
Пой, для счастья рождена.
Пусть тебе постельку вечером
Снова выстелит луна.



13





КИРИЛЛ НИКОЛАЕВИЧ

Пятна белые на ушках,
Рыжий кругленький живот,
На лугу бычок Кирюшка
Травку сочную жуёт.

На глазах он подрастает,
Скоро будет – не узнать.
И тогда Кирюшку станут
Ни-ко-ла-е-ви-чем звать.





КАК ДЕРЕВЬЯ РАЗРИСОВАНЫ

Было лето бесшабашное,
Грело солнце горячо,
Только бабочкой уставшею
Сядет листик на плечо.

Как деревья разрисованы,
Ты не трогай их, не тронь,
Будут ветром листья сорваны,
Лягут осенью в ладонь.



НА РУКАХ МОИХ ВЯЗЁНКИ



На руках моих вязёнки,
А на ножках – валенцы,
Пухом серого козлёнка
Шалечка кусается.

На пальтишке рукодельном
Воротник барашковый –
Так гулять меня одела
Этим утром бабушка!

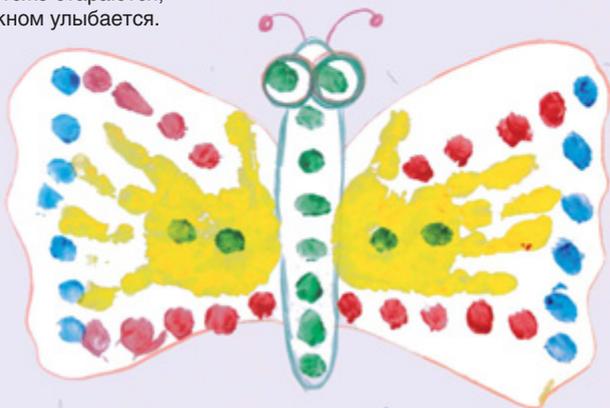
Жду погоды перемену –
Только распогодится,
Куртку с джинсами надену,
Буду снова модницей!



ЧЕТЫРЕ ЛАДОШКИ – ЧЕТЫРЕ КРЫЛА

Испачканы руки – ну что за дела?...
Четыре ладошки – четыре крыла:
Рисуют ладонные складочки
Двух ярких порхающих бабочек.

Малышкам пока не по возрасту кисть,
Ладочки рисунок наносят на лист
И пальчики тоже стараются,
И день за окном улыбается.



20

Вероника





ПРИМЕРЯЕТ ШЛЯПКУ ПЁСИК

Это кто свой шустрый носик
Тычет в зеркала овал?
Примеряет шляпку пёсик,
Чтоб идти на карнавал.

Он у нас известный модник,
Любит песни, хоровод
И на праздник новогодний
Без наряда не придёт.

24







БОЛЬШЕ ВСЕХ БОИТСЯ СЛОН

Не питона, не ворон,
Не тигрёнка Тишку –
Больше всех боится слон
Неприметной мышки.

Если в хобот заползёт,
То не жди побрякки –
Защекочет до икот,
До чихоты тяжкой.

А чихать возьмётся так,
Что напустит лихо –
Рухнет новый зоопарк
От такого чиха.



СКОЛЬКО ЗВУКОВ ЕСТЬ У ПИАНИНО

Сколько звуков есть у пианино,
Знают Вероника и Арина:
Раз, два, три, четыре... в общем, много,
Наше пианино – недотрога.

Дотянуться слева к недотроге –
Забасит медведь в своей берлоге,
Стоит справа звук высокий выбрать –
Трелями польётся песнь колибри.

Между крайних клавиш – левых, правых –
Поселились на семи октавах
Волки, лисы, зайцы, сойки, пчёлы,
И любимый пёс, и кот учёный.

В двадцать пальцев сёстры заиграют –
Ах, польётся музыка какая,
Всех, кто есть на небе и на суше,
Ты услышишь в звуках тех – послушай!



34





*Карл
Черни*



*Фредерик
Шопен*

Пусть ещё совсем не знают ноты,
У сестёр другая есть забота:
Как бы в туфли мамыны обуться,
Ручками до клавиш дотянуться.

Два вершка от пола – ну и что же,
Звук не каждый взрослый слышать может,
Дорастут до клавиш – непременно
Заиграют Черни и Шопена.

